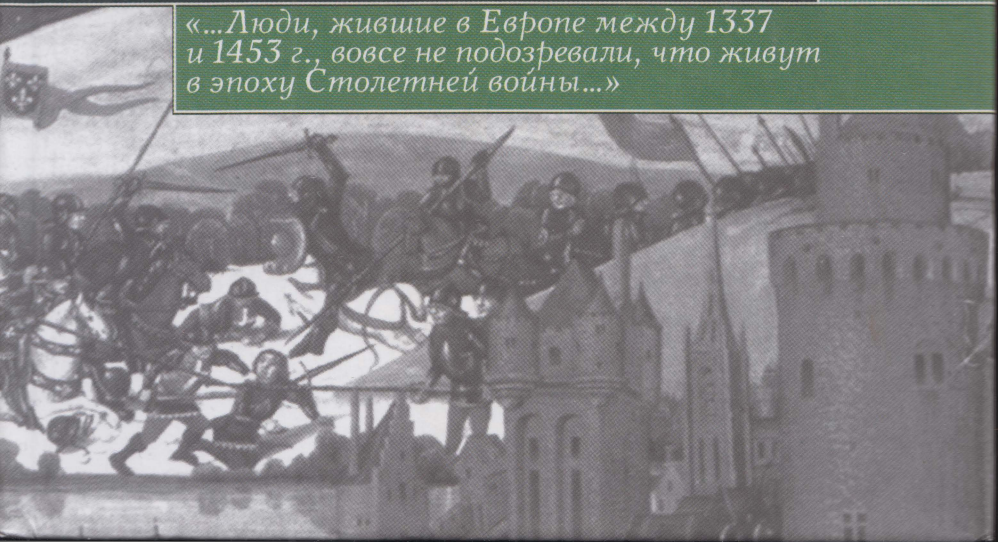

Наталья
БАСОВСКАЯ

Столетняя война:
леопард против лилии

«...Люди, жившие в Европе между 1337
и 1453 г., вовсе не подозревали, что живут
в эпоху Столетней войны...»

Историческая библиотека

Наталья БАСОВСКАЯ

Столетняя война:
леопард
ПРОТИВ ЛИЛИИ

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Астрель

Москва

2003

УДК 94(4)«04/14»

ББК 63.3(0)4

Б27

Серийное оформление
Власов С. Е.

Компьютерный дизайн
Миронова Ю. Ю.

Подписано в печать 4.10.02. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 5000 экз. Заказ № 1927.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная

Гигиеническое заключение № 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001

Басовская Н. И.

Б27 Столетняя война: леопард против лилии /
Н. И. Басовская. — М.: ООО «Издательство
Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. —
428 с., [4], ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-012657-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN¹ 5-271-05356-3 (ООО «Издательство Астрель»)

В книге известного медиевиста профессора Н. И. Басовской, автора единственного специального исследования о Столетней войне на русском языке, представлена широкая панорама международной жизни Западной Европы в XII—XV вв., то есть до начала и во время этого знаменитого англо-французского военно-политического конфликта.

УДК 94(4)«04/14»
ББК 63.3(0)4

ISBN 5-17-012657-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-05356-3 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Столетняя война — традиционное название длительного военно-политического конфликта между Английским и Французским королевствами в XIV—XV вв. В определенном смысле слова эту войну придумали историки в XIX в., введя в оборот само выражение и определив ее хронологические рамки, которые на шестнадцать лет больше века. Однако люди, жившие в Европе между 1337 и 1453 г., вовсе не подозревали, что живут в эпоху Столетней войны. Несколько поколений европейцев, прежде всего в Англии и Франции, знали, что они очевидцы глубокой и давней вражды между двумя королевскими домами: французскими Капетингами и английскими Плантагенетами (в книге они представлены в образе двух геральдических знаков — английского леопарда и французской лилии). Время от времени англо-французские противоречия выливались в кровавые вооруженные столкновения и даже грандиозные для своего времени битвы, такие, как, например, сражение при Креси (1346), Пуатье (1356), Азенкуре (1415), Форминьи (1450).

Истоки англо-французского противостояния находились очень далеко от событий Столетней войны. Они едва ли отложились в исторической памяти современников. На взгляд историка, англо-французское проти-

востояние, вызванное единым комплексом разнородных причин, охватывает не менее трехсот лет (XII—XV вв.). Оно выражается не только в сражениях, но и в драматическом переплетении семейных династических раздоров, сложной и тонкой дипломатической игре, противоборстве личных и государственных интересов.

В 1985 г. в издательстве «Высшая школа» вышла моя книга «Столетняя война 1337—1453 гг.». Это было первое исследование Столетней войны на русском языке. Настоящая книга включает в частично переработанном виде названный труд, однако не сводится к нему, поскольку история англо-французского противостояния представлена в этой работе начиная с XII в.

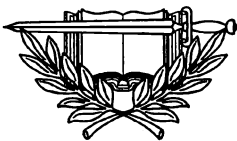
Фактическая сторона излагаемых и анализируемых событий воспроизведена на основе многочисленных источников: более тридцати средневековых хроник, многочисленных дипломатических документов, переписки королей и др. В процессе работы над книгой я стремилась по возможности воссоздать портреты основных участников событий. Это прежде всего короли Англии и Франции, среди которых такие яркие фигуры, как Генрих II Плантагенет, Ричард I Львиное Сердце, Эдуард III, Филипп II Август, Карл V Мудрый, Карл VII. Немало страниц в книге посвящено и женским образам. Среди них одна из самых замечательных женщин западноевропейского Средневековья Алиенора Аквитанская, стоявшая у истоков этой драмы и побывавшая королевой и Франции, и Англии. В развязке многовекового англо-французского противостояния выдающуюся роль сыграла Жанна д'Арк, самая популярная женская фигура западноевропейского Средневековья.

Широкая панорама событий затянувшегося на долгие годы англо-французского конфликта касается не только этих стран — она отражает многие важные явления в жизни Западной Европы в эпоху Высокого Средневековья и начала его заката.

Н. Басовская

Часть первая

**ПЛАНТАГЕНЕТЫ
ПРОТИВ КАПЕТИНГОВ
XII — начало XIV в.**

Глава I

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Отправной точкой причудливого переплетения исторических судеб Франции и Англии стало событие середины XI в. — завоевание англосаксонского королевства северофранцузским феодалом герцогом Нормандским Вильгельмом.

Королевство Франция стало оформляться в относительно обособившееся государство к концу X в. Внутри него еще не было политического и территориального единства, хотя во главе уже стоял король из первой французской династии Капетингов. Наиболее крупные феодалы — герцоги и графы — вели себя по отношению к ранним Капетингам весьма независимо. Понятие государственной границы совершенно отсутствовало, и право сильного зачастую решало самые серьезные политические вопросы. Именно на нем было основано дерзкое и, по существу, авантюрное предприятие герцога Нормандского Вильгельма Завоевателя, который в 1066 г. высадился на южноанглийском побережье в сопровождении сравнительно небольшого войска

и удивительно легко одержал победу над ополчением разрозненных и более отсталых англосаксонских королевств. Вильгельм Завоеватель стал королем Англии, сохранив, естественно, под своей властью герцогство Нормандия в Северной Франции. Это событие положило начало растянувшимся на несколько столетий попыткам Нормандской династии английских королей и их преемников создать и удержать под своей властью некое политическое образование, простиравшееся на Британские острова и территорию Франции.

В политической реальности второй половины XI — середины XII в. вопрос объединения континентальных и островных владений действительно был стержнем взаимоотношений французских Капетингов и английских королей из Нормандской династии. Однако это была не просто проблема принесения оммажа* королем — борьба вокруг континентальных владений английской короны с первых шагов отражала в юридической, а затем и в военно-политической форме столкновение внутренних процессов централизации и универсализации феодального государства. Выдвинутое в самом начале XII в. королем Франции Людовиком VI Толстым (1108—1137) требование принесения клятвы верности его вассалами (включая королей Англии — герцогов Нормандских) невозможно не связать с первыми целенаправленными усилиями королевской власти по объединению французских земель под эгидой короны. Английский король выступал на кон-

* О м м а ж — церемония оформления вассального договора между вассалом и сеньором.

тиненте в роли одного из многочисленных крупных феодалов — основных соперников королевской власти в борьбе за укрепление своих позиций. Оппозиция английских королей была особенно опасной, так как она опиралась на авторитет короны и ресурсы за пределами Франции. Любопытно, что юридическое признание английскими королями своего статуса вассалов Капетингов на континенте произошло в середине XII в. при первом представителе новой династии Плантагенетов Генрихе II (1154—1189). Этот заметный средневековый правитель был применительно к Англии безусловным носителем централизаторской тенденции, о чем красноречиво свидетельствуют его известные реформы (судебная, военная и др.). Однако политическая деятельность Генриха II не была однолинейной. С неменьшей энергией он стремился создать под эгидой английской короны обширное королевство универсального типа. Судьба дала ему серьезные основания рассчитывать на успех. Само происхождение Генриха как бы символизировало объединение Британских островов и континентальных владений. Его мать Матильда происходила из Нормандской династии, она была внучкой Вильгельма Завоевателя. Отец Генриха II был французским графом из семьи Анжу. К тому же в 1152 г., еще не будучи английским королем, Генрих женился на Алиеноре Аквитанской (1122—1204), дочери герцога Аквитанского Гильома де Пуатье, которая принесла ему в качестве приданого огромные владения на юго-западе Франции — Аквитанию. Граница этой области (в Англии ее обычно называли Гасконью, во Фран-

ции — Аквитанией или Гиенью) начиналась севернее нижнего течения Дордони и доходила на юге до Пиренеев. С запада на восток она простиралась от побережья Бискайского залива до среднего течения Гаронны. Таким образом, под властью английской короны оказалась примерно половина французских земель: вся западная их часть, кроме независимого герцогства на полуострове Бретань.

Тесно и причудливо переплелись судьбы двух королевских домов. Особенно тревожную ноту в этот семейно-феодальный катаклизм вносило то, что герцогиня Алиенора Аквитанская была не только признанной первой красавицей тогдашней Западной Европы и богатейшей невестой, но и разведенной женой французского короля из дома Капетингов Людовика VII (1137—1180).

Конечно, вся Европа знала, что инициатором развода был Людовик VII. Как-то совсем просто, по-мужски, а не по-королевски, реагировал он на очевидное легкомыслие Алиеноры, на ее не слишком скрываемые увлечения молодыми мужчинами, особенно во время Второго крестового похода (1147—1149), который красавица королева явно рассматривала как веселое приключение. Развод в XII в. в католической стране был делом трудным, но оскорбленный муж добился разрешения римского папы на расторжение брака (а значит, на потерю огромных богатых владений на юго-западе, которые принадлежали Алиеноре по наследству и превосходили в несколько раз личные владения французского короля).

Эта знаменитая семейная драма, так сильно повлиявшая на судьбы двух западноевропейских

стран, — один из ярких примеров недостаточности социально-экономических и классовых мотивов для понимания событий прошлого. Показательно, что, большой поклонник такого подхода к объяснению истории, Карл Маркс в своих «Хронологических выписках» обозвал Людовика VII ослом. Действительно, тот развелся с Алиенорой, презрев свои знаменитые «классовые интересы». Она, видимо, тоже затаила обиду на бывшего супруга и, хотя была для своей эпохи уже немолодой женщиной (в 1152 г. ей было за тридцать), подарила английскому королю четырех сыновей, один из которых, Ричард Львиное Сердце, стал самым знаменитым рыцарем Западной Европы. А ведь среди обвинений, высказанных ей Людовиком VII, говорилось о ее неспособности родить сына, наследника престола.

Во время долгого правления Генриха II противоречия между английским и французским королевскими домами возникали каждый год. Правда, они были еще очень похожи на большую семейную ссору между двумя мужьями Алиеныры Аквитанской.

Начало правления Генриха II было сопряжено с острой внутренней борьбой английского короля с братом Жоффреем, который претендовал на Мен, Анжу и Турень. Для того чтобы сохранить их под своей властью, Генрих был вынужден обратиться за поддержкой к Капетингам. В 1158 г. английский король посетил Париж, был принят королем и, видимо, получил обещание помощи. Платой за союз с Людовиком VII стал оммаж английского короля, который признал себя вассалом Капетингов на континенте (1160). Борьба за

универсальную монархию толкнула первого Плантагенета на большую уступку. В рамках политического мышления XII в. английский король отчасти поступился статусом государя, согласившись «получить» свои континентальные владения из рук таких слабых правителей, какими были Капетинги в 60-х гг. XII в. Небольшие размеры их домена*, несовершенный государственный аппарат, глубоко укоренившиеся традиции фактической независимости крупных феодалов делали их власть во Франции почти номинальной. Видимо, именно в расчете на слабость Капетингов Генрих II решился на этот шаг, рассматривая его, скорее всего, как временный. Во всяком случае, уже в конце того же, 1160 г. английский король повел себя отнюдь не как вассал: он силой захватил замки, которые были обещаны в качестве приданого дочери Людовика VII от второго брака с Констанцией Кастильской Маргариты, пленил более полусотни французских рыцарей и фактически насильственно обвенчал с трехлетней Маргаритой своего семилетнего сына Генриха. Французскому королю пришлось стерпеть все это и через два года примириться с Плантагенетом.

В 60-е — начале 70-х гг. XII в. универсалистские тенденции в политике Генриха II усилились. Он оказал давление на Шотландию и Уэльс, добившись от их правителей вассальных обязательств; с помощью политического нажима и династического брака своего сына Жоффрея вынудил герцогов Бретани признать сюзеренитет

* Домен (от лат. *dominium* — владение) — совокупность наследственных земельных владений феодала в странах Западной Европы.

английской короны; вооруженным путем расширил границы своих владений в Нормандии и Центральной Франции; приступил к завоеванию Ирландии. Английский король предпринял в эти же годы первые шаги, направленные на обеспечение международной поддержки в случае столкновения с Капетингами.

19 марта 1163 г. в Дувре был подписан знаменательный договор о дружбе между Генрихом II и графом Фландрским Тьерри. Фландрия была в то время одним из наиболее значительных фактически независимых феодальных владений в Западной Европе. Номинально графы Фландрские считались вассалами французских королей, однако в реальной политической действительности этого до сих пор не проявлялось. Более того, в 60-х гг. XI в. граф Бодуэн V Фландрский даже выступал в роли опекуна малолетнего Филиппа I Капетинга и именовал себя в документах «попечителем и управителем королевства». Во второй половине XII в. Фландрия сохраняла прочные независимые позиции. Опасность со стороны французской монархии пока не была заметной. Англия же рассматривалась как враждебная фландрской независимости сила с конца XI в. Тогда окрыленные успехами на Британских островах первые представители нормандского дома строили планы присоединения Фландрии к своим континентальным владениям династическим путем. Договор 1163 г. был, по всей видимости, подписан графом Фландрским не без нажима со стороны Генриха II и, вполне очевидно, — небескорыстно. Граф фактически изменил своим вассальным обязательствам в отношении французской короны: он обещал

английскому королю при необходимости военную помощь (тысячу всадников даже в случае войны против Франции). Делая вид, что он сохраняет верность французскому королю, Тьерри Фландрский писал, что по требованию Капетингов явится на военную службу в случае войны против Англии, но «возьмет как можно меньше людей». В конце договора указывалась плата за измену долгу вассала — ежегодная пенсия 500 марок серебром. Этот «феод»* в течение многих десятилетий был одним из способов борьбы английского короля за окончательную переориентацию графов Фландрских.

В 1169 г. Генриху II удалось сделать еще один полезный дипломатический шаг: он добился брака своей дочери Элеоноры с кастильским королем Альфонсом VIII. В истории развития англо-французских противоречий Генрих, таким образом, первый принял меры, направленные на вовлечение в нее стран Пиренейского полуострова. Династический договор 1169 г. предусматривал в качестве приданого английской принцессы Гасконь, которая должна была перейти к кастильскому королю после смерти королевы Алиеноры. В тот момент трудно было представить, что Алиенора, которой было уже 47 лет, проживет еще тридцать пять (до 1204 г.). Для Средневековья редкий случай. И никто не предполагал, что ее смерть приведет не к укреплению, а к ослаблению английских позиций за Пиренеями.

Положение Капетингов во второй половине XII в. оказалось чрезвычайно трудным. Английские

*Ф е о д — фиксированный доход, получаемый вассалом от сеньора.

континентальные владения стали важнейшим препятствием на пути объединения французских земель. Успешная универсалистская политика Генриха II, которая, как ни парадоксально это звучит, безусловно опиралась на успехи его централизаторских усилий в самой Англии, его первые международные достижения — все это давало французскому королю Людовику VII мало шансов в неизбежной для него борьбе с английским домом. На пути Капетингов в решении проблемы централизации государства стояло немало препятствий, среди которых одним из наиболее сложных было наличие обширных английских владений. Они закрывали для королевского дома выходы к морю по Сене и Луаре, лишали французских королей больших потенциальных доходов. И над всем этим (для Средневековья — именно «над») возвышалась непримиримая и нарастающая взаимная вражда королевских домов. Однако по мере укрепления государственности во Франции и Англии соперничество с Плантагенетами угрожало перерасти в столкновение межгосударственных интересов.

Начиная с 70-х гг. Людовик, по-видимому, искал любого повода для ослабления своего опаснейшего личного и политического соперника, прекрасно понимая, что признанный десять лет назад английский вассалитет во Франции может иметь реальное значение лишь при иной расстановке сил. В 1170 г. Людовик VII попытался использовать для ослабления позиций Генриха II его конфликт с архиепископом Кентерберийским Фомой Бекетом.

Задумав церковную реформу в Англии, Генрих II убедил Фому Бекета (ок. 1118—1170), канц-

лера королевства, своего друга и советника, принять духовный сан и назначил его архиепископом Кентерберийским. Бекет изменил свой образ жизни и из блестящего царедворца превратился в строгого аскета, погруженного в науки, молитвы и благотворительные дела, ярого противника политики Генриха II по подчинению церкви светской власти. В 1164 г., после принятия постановления о церковных судах, Бекет бежал из Англии во Францию. Во время шестилетнего изгнания он пытался найти поддержку у папы, но, не получив ее, примирился с Генрихом и вернулся в Англию в 1170 г. Примирение длилось недолго. Бекет снова начал борьбу против политики короля, яростно обличал своих врагов, отлучил от церкви архиепископа Йоркского из-за коронации «молодого короля» — сына Генриха II. 29 декабря 1170 г. придворные Генриха II, исполняя желание короля, ворвались в собор в Кентербери и зверски убили архиепископа Фому Бекета прямо у алтаря.

Французский король сначала усиленно подогревал недовольство римского папы наступлением английского короля на привилегии церкви. После убийства Бекета он шумно, на всю Европу, скорбел о Бекете, рисуя его в своих письмах в самых возвышенных тонах. Людовик VII определенно рассчитывал на осуждение английского короля общественным мнением западноевропейских стран. Тем не менее Генрих II, как известно, сумел выйти из этой неприятной ситуации. Более плодотворным оказался путь вмешательства в семейные дела английского короля.

«Семейная оболочка» конфликта Плантагенетов и Капетингов, а затем — Валуа не исчезла до

самого финала этого противостояния. Однако ее реальное значение существенно менялось. Во второй половине XII в. это была органичная форма международных отношений, характерных для времени превращения достаточно аморфных феодалных владений в более или менее целостные и прочные государства. Именно «семейный метод» дал на первых шагах развития англо-французских противоречий максимальные политические результаты.

В 1172 г. Людовик VII встретился в Нормандии со своим семнадцатилетним зятем Генрихом, которого за два года до этого Генрих II короновал в качестве «молодого короля». Коронация имела целью укрепить ситуацию в Англии, застраховать корону от внутренней оппозиции. Но у нее оказалась и другая сторона — статус «молодого короля» подогревал честолюбивые устремления наследника, которые умело поддерживал и направлял Людовик VII. Он убедил принца потребовать, чтобы Генрих II передал ему «или всю Англию, или всю Нормандию»¹. В ответ на отказ английского короля разделить свои обширные владения наследник бежал в 1173 г. во Францию ко двору Людовика VII, куда за ним последовали его братья Ричард и Жоффрей.

Алиенора Аквитанская поддержала мятеж сыновей и стала поднимать на восстание против Генриха II Пуату. Она была схвачена патрулем английского короля и заключена в тюрьму, где провела последующие 16 лет, и только после смерти Генриха II ее освободит Ричард.

С этого, казалось бы, сугубо семейного эпизода началось утверждение англо-французских

противоречий в качестве одной из определяющих (а со временем — ведущей) линий в международной жизни Западной Европы.

Французский король созвал в Париже совет, который принял решение о том, что «молодой Генрих» прав, а следовательно, его справедливое дело требует защиты.

В событиях 1173 г. Людовика VII поддержал граф Фландрский Тьерри. Он принял участие в Парижском совете, который одобрил выступление молодого Генриха против отца, фактически отказавшись от условий договора 1163 г.

Вероятно, французскому королю была также известна позиция короля Шотландии, готового вмешаться в назревающий конфликт между королями Англии и Франции. Причины позиции Шотландии абсолютно ясны. Относительно большие успехи централизации в Англии привели к тому, что феодальная экспансия стала характерной чертой ее политики несколько раньше, чем в других странах. Первыми объектами экспансионистских устремлений английских феодалов при Генрихе II стали ближайшие соседи Англии: Ирландия, Уэльс, Шотландия. В середине XII в. утратила независимость часть Уэльса, в 70-х гг. началась колонизация Ирландии. На Британских островах лишь Шотландия сохраняла свою территориальную целостность и активно сопротивлялась наступлению английской монархии. В борьбе за независимость она, естественно, обратилась к поискам поддержки извне. Это совпадало с интересами французской монархии, нуждавшейся в опоре в неизбежно предстоявшей борьбе с Плантагенетами.

В апреле 1173 г. французский король и граф Фландрский вторглись в Нормандию, а шотландское войско начало войну на севере Англии. Таким образом, единая тенденция к поискам путей независимого политического развития толкнула Шотландию и Фландрию в конце XII в. на первый акт вмешательства в противоречия между английской и французской монархиями. Этим было положено начало долгой и сложной политической борьбе, в которой Шотландскому королевству и графству Фландрии предстояло сыграть заметную роль. События 1173 г. еще очень напоминали домашнюю ссору в королевском семействе. Однако характерно, что уже на этой ранней стадии англо-французские противоречия вышли за рамки отношений между двумя королевскими домами и обнаружили тенденцию к обретению более широких европейских масштабов. Причина этого заключалась в том, что борьба Английского и Французского королевств наиболее рано и отчетливо отразила основные внутренние процессы, определявшие в тот период развитие международных отношений: столкновение централизаторских и универсалистских тенденций, системы вассально-ленных связей и крепнущей государственности, поиск путей независимого развития.

События 1173—1174 гг., имевшие внешне абсолютно семейную форму, закончились победой Генриха II, сумевшего отразить удар, нанесенный с трех сторон. Последствия поражения были наиболее тяжелыми для Шотландии. Шотландский король Уильям Лев был вынужден подписать Фалезский договор (1174), который снизил статус независимой Шотландии до положения вас-

сала английской короны. Шотландский король и все его подданные объявлялись «людьми английского короля», которые «держат от него свою землю». Генрих II, кроме того, конфисковал пять пограничных шотландских замков и взял заложников, среди которых был брат короля. Шотландия, по существу, оказалась на пороге полной утраты независимости. Но шотландцы не намеревались сдаваться. Напротив, положение на англо-шотландской границе было постоянно напряженным, шотландская церковь отказалась подчиняться английской. Борьба неизбежно должна была возобновиться. Поэтому прецедент сближения Шотландии с французской монархией не мог остаться случайным эпизодом.

Фландрия после событий 1173 г. сохранила свой прежний статус и положение между двумя враждующими монархиями. Поскольку английский король по-прежнему рассчитывал на возможную поддержку графа Фландрского, он предпочел «простить» ему выступление в коалиции с Францией и Шотландией.

Десятилетие с 1173 по 1183 г. было отмечено сравнительно мирными отношениями между Англией и Францией. На фоне внешнего затишья, по существу, шла подготовка нового столкновения. Позиции английского короля на международной арене по-прежнему были более прочными. Правители средневековой Европы не могли не считаться с авторитетом могущественного главы «Анжуйской империи». Автор английской официальной хроники Матвей Парижский, описавший события второй половины XII в. по трудам предшественников, отчетливо передает

стремление Генриха II утвердить за собой лидирующую роль в международной жизни Западной Европы. Он подчеркивает, что послы многих государей — включая германского и константинопольского императоров — обращались к английскому королю за советами. Генрих II обладал титулом короля, но его политические претензии постепенно обретали более крупные масштабы. Так, в конце 70-х гг. английский король начал вмешиваться в дела Германской империи, используя свои родственные связи с князем Саксонским Генрихом Львом, женатым на дочери Генриха II Матильде. Генрих Лев по могуществу соперничал с императором Фридрихом I Барбароссой, претендовал на императорскую корону. Амбиции Генриха Льва привели к конфликту с Фридрихом I Барбароссой, который организовал судебный процесс. В результате Генрих Лев был лишен многих владений и изгнан из Германии.

Мятежный князь побывал в Нормандии и Англии. В результате вмешательства английского короля был сокращен срок его изгнания, получено прощение императора Фридриха I Барбароссы для князя и его сторонников. В эти же годы Генрих II сделал новые шаги для укрепления своих позиций за Пиренеями. Опираясь на династические связи с Кастилией, он вовлек в орбиту своего влияния небольшое, но стратегически очень удобно расположенное королевство Наварра. В 1176 г. короли Кастилии и Наварры подписали соглашение, в котором они обязались разрешать любые свои конфликты при посредстве английского короля. Очень любопытна содержащаяся в этом документе оговорка, что в случае

смерти Генриха II пиренейские государи могут обратиться к третейскому суду французского короля. Думается, что здесь проявилась растущая роль англо-французских противоречий в международной жизни Западной Европы. Все более отчетливо осознаваемые современниками, они становились и основой для группировки сил, и почвой для политического лавирования.

Наиболее откровенно лавировала в эти годы между английской и французской коронами Фландрия. В начале правления пятнадцатилетнего французского короля Филиппа II (1180—1223), получившего со временем почетный титул «Август», его крестный отец граф Фландрский занимал очень прочные позиции при французском дворе. Это позволило ему добиться в 1180 г. согласия юного короля на возобновление соглашения между номинальным вассалом Франции — графом Фландрским — и опаснейшим врагом французской короны — английским королем. В договоре, как и в 1163 г., предусматривались военные обязательства правителя Фландрии по отношению к английской короне «при сохранении верности» Франции². Интересно изменение «цены» за обещанную Фландрией военную помощь — 1000 марок в год за предоставление при необходимости 500 всадников (в 1163 г. — 500 марок за 1000 всадников). Это, безусловно, свидетельствовало о том, насколько важна была для английской монархии уже в конце XII в. опора на Фландрию. Международное и экономическое значение ее сознавали в этот период и правители Франции.

К концу 70-х гг. XII в. графство Фландрское стало столь серьезной силой, что начало вызывать

опасения Капетингов. Удобное географическое положение Фландрии и высокие темпы развития феодализма в этой области привели к тому, что уже в XII в. она отличалась необычайно высоким уровнем экономики. Особенно выделялись города, которые сочетали интенсивное ремесленное производство с активной внешней торговлей. Со второй половины XI в. все более важным торговым партнером для них становилась Англия. Все это в сочетании с этнической и культурной самобытностью населения Фландрии способствовало укреплению тенденции к независимому развитию. К тому же в конце правления Людовика VII фландрские графы заняли ведущее положение при французском дворе. Граф Филипп Эльзасский был воспитателем наследника короны Капетингов — будущего Филиппа II Августа — и пытался сохранить руководящее положение после его вступления на престол. Правильно оценив опасность, Филипп с первых шагов своего правления поставил цель ослабления Фландрии. В течение 80-х гг. неоднократно вспыхивали конфликты между французским королем и его опасным вассалом. В их борьбу за спорные области Валуа, Вермандуа, Амьен постоянно вмешивался Генрих II: он выступал в роли арбитра, защищал права тех подданных графа Фландрского, которые были связаны с Англией. И все же в целом Филиппу II удалось потеснить независимые позиции графов Фландрских и урезать их владения. Это готовило дальнейшее политическое сближение Фландрии с английской монархией.

Внешнее миролюбие английских и французских королей было, таким образом, прежде всего

прикрытием подспудной подготовки к будущей борьбе и поисков международной поддержки. Ненадежность этого затишья подтверждалась частными, но крайне выразительными фактами. Хронист сообщает, что «молодой король» Генрих уже через три года после неудачного выступления в союзе с Людовиком VII отправился в Париж «повидаться с французским королем» и «дружил там с теми, кто воевал против английского короля»³. В 1177 г. Генрих II с оружием в руках потребовал у Людовика VII Нормандский Вексен и Бурж (приданое дочерей). Сын Генриха II Ричард систематически воевал с недовольными в подвластных Англии областях французского юго-запада. При вступлении Филиппа II на престол едва не вспыхнула война с Англией, куда прибыли противники молодого короля из Франции. В ответ на их жалобы Генрих II собрал войско в Нормандии и приготовился к войне. Причиной ее отсрочки была нестабильность внутреннего положения в обоих королевствах: Генрих II, как все последние годы, находился на пороге очередного конфликта с сыновьями, а пятнадцатилетний Филипп II еще не обрел реальной власти в своем королевстве.

Официальной оболочкой временного затишья в англо-французской борьбе стала в 70—80-х гг. XII в. идея совместного участия монархов в крестовом походе. 21 сентября 1177 г. был заключен договор в Иври, по которому короли Англии и Франции отказались от всех спорных вопросов во имя служения интересам «всего христианского мира»⁴. Вслед за этим соглашением Генрих II официально подтвердил свои вассальные обяза-

тельства во Франции, фактически — свою лояльность в отношении французского короля, а Людовик VII гарантировал неприкосновенность французских владений Генриха II, в случае «если он отбудет в дальние страны»⁵. Крестоносная идея, таким образом, вошла в комплекс англо-французских противоречий в качестве миротворческой тенденции. Да она, видимо, и была попыткой ослабить, по крайней мере временно, остроту конфликта на европейском континенте. Идея крестовых походов оставалась еще достаточно популярной: успех сулил земли и доходы на Востоке. А это было лучшим стимулом для поддержки королевских планов. Хотя, конечно, нельзя не заметить что-то забавное в том, что возглавить очередной поход против «неверных» собрались два супруга прекрасной Алиеноры — бывший французский и нынешний английский.

Однако в 70—80-х гг. XII в. крестоносные планы английского и французского королей не осуществились. Они были подтверждены в 1181 г., но по-прежнему не реализовались. Причиной этого, несомненно, была сложная внутривнутриполитическая обстановка в обширной «империи» Генриха Плантагенета. «Молодой король» — наследник престола Генрих — все отчетливее проявлял недовольство своим положением коронованного, но безвластного короля. И все более ясной становилась решающая роль Филиппа II, который продолжил усилия своего отца Людовика VII, направленные на то, чтобы взорвать изнутри опасное для Франции семейство Генриха II. В 1182 г. «молодой король» отказался возвратиться из Парижа к английскому двору. Генриху II удалось

предотвратить этот очередной бунт за немалые деньги и уступки. Но уже в феврале следующего, 1183 г. разразился назревавший взрыв в Английском королевстве. «Молодой король» Генрих при поддержке брата Жоффрея (герцога Британского) выступил с оружием в руках против отца, на стороне которого оказался Ричард.

Международные масштабы вспышки 1183 г. оказались меньшими только потому, что война очень быстро прекратилась в связи с внезапной смертью зачинщика — наследника английского престола Генриха. Не будь этого в общем-то случайного обстоятельства, в дело непременно вмешался бы подготовивший его Филипп II, к которому «молодой король» уже послал за помощью свою жену. На стороне английского короля успел выступить в Гаскони король Арагона. О глубинных мотивах этого политического шага судить применительно к данному раннему этапу развития англо-французских отношений можно лишь предположительно. В основе, видимо, лежало обострение противоречий между государствами Пиренейского полуострова. Симптоматично само по себе начало включения пиренейских государств в англо-французскую борьбу.

Примирение в английском королевском семействе сопровождалось англо-французским договором — обстоятельство, ярко подчеркнувшее главную причину очередной «войны сыновей». Соглашение Генриха II и Филиппа II (сентябрь 1183 г.) оставляет ощущение политического успеха французского короля. Его постоянное присутствие «за спинами» сыновей Генриха Плантагенета принесло политические результаты: Ген-

рих II возобновил свой оммаж за континентальные владения.

Официальным свидетельством примирения английского и французского королей стало возобновление идеи совместного крестового похода. В ответ на призывы папы Генрих II и Филипп II несколько раз на протяжении 80-х гг. торжественно объявляли о намерении помочь «Святой земле», в Англии и Франции вводилось специальное налогообложение для нужд крестового похода. Однако, как и в конце 70-х гг., идея не претворилась в жизнь. По-прежнему декларация примирения и совместных крестоносных планов прикрывала непримиримую вражду из-за давних семейных распрей и континентальных владений.

Филипп II отчетливо ощущал необходимость борьбы за усиление королевской власти во Франции. Для этого ему прежде всего было необходимо увеличить размеры владений, принадлежащих короне (домена). Наиболее естественно и своевременно это можно было бы сделать за счет владений Плантагенетов. Не будучи пока уверенным в возможности военной победы, Филипп II продолжал развивать «открытую» его отцом линию лавирования между Генрихом II и его сыновьями. Немедленно после смерти «молодого короля» Генриха французский король начал сближаться с Жоффреем, который в 1186 г. также внезапно умер от полученной на турнире раны. Показательно, что эта кончина произошла в Париже, где Жоффрей успел найти теплый прием. Уже в следующем, 1187 г. началась «дружба» Филиппа II и Ричарда, который со временем получил прозвище Львиное Сердце и считался

первым рыцарем Европы. До этого он всегда был на стороне противников французского короля.

Филипп II блестяще овладел искусством располагать к себе того из сыновей Генриха, который был нужен ему в тот или иной момент. Благоприятной почвой для сближения с Ричардом стало получившее известность намерение Генриха II обойти права Ричарда на наследование в пользу младшего сына Иоанна. В 1188 г. английский король прямо заявил, что не обещает передать трон Ричарду. Результатом этого очередного семейного конфликта Плантагенетов стало, можно сказать, уже традиционное французское вмешательство. Ричард принес Филиппу II оммаж за континентальные владения, стал «человеком французского короля» и попросил его о помощи в борьбе за свои наследственные права. Меньше чем через год войско Филиппа II вместе с Ричардом вторглось в Нормандию.

Тридцатипятилетнее правление Генриха II, львиная доля усилий которого была отдана цели расширения и укрепления универсальной монархии под эгидой английской короны, завершилось поражением короля. За три дня до смерти он подписал с Филиппом II договор, навязанный ему французским королем. Король Англии в очередной раз признал себя вассалом французской короны по континентальным владениям, а Ричарда — своим наследником. Вновь подтверждалась идея совместного участия в крестовом походе и план намеченного несколько лет назад династического брака Ричарда и сестры Филиппа II Алисы. Главным признаком политического поражения английского короля было его обязательство уплатить своему сюзерену

Филиппу II огромную денежную сумму — 20 тыс. марок. Французская монархия впервые нанесла такой ощутимый удар по главе «Анжуйской империи». Хотя главная цель — разрушение этого мешающего развитию Франции политического образования — оставалась недостигнутой. Тем не менее первая политическая победа после нескольких десятилетий интриг, лавирования и военных столкновений должна была восприниматься французским двором с большим удовлетворением. Вероятно, именно это сделало возможной отсрочку дальнейшей англо-французской борьбы за континентальные владения и позволило английскому и французскому королям наконец принять участие в крестовом походе.

Ричард I (1189—1199), прославившийся в средневековой Западной Европе как горячий приверженец крестоносной идеи, непосредственно продолжал замыслы своего отца. Устремленность английского короля на Восток была развитием универсалистской политики Плантагенетов, попыткой расширить пределы «империи» и утвердить ее международный авторитет. Ради достижения этой цели Ричард I в начале своего правления приостановил активность во французских владениях и, что особенно показательно, — пошел на уступки Шотландии. 5 декабря 1189 г. — то есть после полугода правления нового английского короля — была подписана Кентерберийская хартия, согласно которой Шотландское королевство возвратило себе юридическую самостоятельность. Вассальные обязательства сохранялись, как в XI в., только лично за королем. За этим событием, естественно, стояли плоды стойкого сопротивления

шотландцев английской экспансии. Однако в эти годы оно еще не было столь результативно, как в XIII — начале XIV в. Основой стоворчивости Ричарда I было стремление «обеспечить тыл» во время восточного похода. К тому же английский король остро нуждался в средствах, что, видимо, и заставило его уступить шотландцам за 10 тыс. марок пограничные крепости Бервик и Роксбург. Мирные намерения французского короля в отношении Английского королевства были торжественно провозглашены в нескольких договорах и соглашениях.

Путь к расширению владений на Востоке был открыт. Главным объектом внимания крестоносцев в Третьем крестовом походе стало Средиземноморье, и прежде всего Сицилия. Здесь завоевательные планы Ричарда I столкнулись с интересами Германской империи.

Отчетливая тенденция создания государства универсального типа, обнаруженная в период долгого правления Генриха II Плантагенета, неизбежно должна была вызвать противодействие не только со стороны государств, которым она непосредственно угрожала. Держава Плантагенетов превращалась в конкурента Германской империи, правители которой еще в X в. встали на путь универсализации государства и претендовали на роль лидеров в международной жизни Западной Европы. Давняя борьба за политический приоритет между империей и папством соприкоснулась с начинающими приобретать широкие масштабы столкновениями интересов английской и французской монархий. На этом пересечении выделялись интересы ведущих в тот момент сил: герман-

ских императоров и английских королей — правителей обширного аморфного «анжуйского наследия». Столкновение этих политических сил соответствовало интересам их соперников: французской монархии и папства. Наиболее откровенно это продемонстрировал Филипп II. Его роль в Третьем крестовом походе была прежде всего «отвлекающим маневром» расчетливого политика, который уже в течение почти десяти лет искал пути разрушения державы Плантагенетов. Включение Ричарда I в крестовый поход могло дать два желаемых для французской монархии результата: отвлечь английского короля от борьбы за расширение континентальных владений и столкнуть его с германским императором. Время показало, что Филиппу II блестяще удалось использовать и то, и другое. Считалось, что поход возглавляют три государя: Ричард I, Фридрих I Барбаросса и Филипп II. Однако положение двух первых в международной жизни было реально значительно выше, чем у французского короля.

К моменту начала Третьего крестового похода (1189—1192) французская монархия еще не была равным соперником на Востоке ни для державы Плантагенетов, опиравшейся на более совершенный государственный аппарат своего «основания» — Английского королевства, ни для Германской империи с ее обширными внешними ресурсами и утвердившимся международным авторитетом. В «политическом активе» Филиппа II пока могли числиться лишь частные успехи в борьбе с Плантагенетами и важный опыт его отца Людовика VII, который сумел в 1173 г. создать первую международную коалицию против

Генриха II. Однако за спиной французского короля был более прочный тыл. К концу 80-х гг. он одержал несколько важных побед над крупными феодалами — графом Фландрским и герцогом Бургундским, а также добился заметных результатов в укреплении административного аппарата на местах. Королевские бальи* стали серьезной опорой короля и проводниками его политики. Это выгодно отличало положение Филиппа II от ситуации в королевстве Ричарда I, окруженном враждебными владениями, подрываемом изнутри интригами откровенно ненавидящего Ричарда его брата Иоанна. Внутреннее положение в империи, правители которой хронически отдавали основные силы завоеваниям и конфликтам с папством, было традиционно непрочным. Столкновение между двумя признанными в международной жизни Западной Европы лидерами могло быть в тот момент только на руку Франции.

Известная борьба английского короля за влияние на Сицилии (Ричард I защищал династические права своей сестры Иоанны — вдовы сицилийского короля), захват английскими крестоносцами Кипра, участие крестоносцев из трех королевств в осаде и штурме Акры и выборе претендента на иерусалимскую корону — все это резко обострило противоречия между английским королем и германским императором. Они не могли сосуществовать как союзники даже в таком «общехристианском» деле, как крестовый поход на Восток.

* Б а л ь и — королевский чиновник, осуществлявший в основном судебные полномочия на территории бальяжа — мелкой административной единицы.

Филипп II явно выжидал, пока английский король под давлением своих честолюбивых замыслов поглубже увязнет в войне и борьбе с императором. Ради этой цели он внешне стически перенес скандальное решение Ричарда I отказаться от официально принятого проекта его брака с сестрой французского короля и обвенчаться прямо во время крестового похода с дочерью короля Наварры Беренгарией. В марте 1191 г. Филипп II подписал договор с английским королем, где был отвергнут прежний брачный проект за 10 тыс. серебряных марок, которые обязался уплатить Ричард I. Все еще сохраняя видимость дружбы с английским королем, Филипп II летом того же года предложил ему добровольный раздел Кипра. Выдвинутое Ричардом I ответное предложение передать ему в таком случае сюзеренитет над половиной Фландрии трудно расценить иначе чем как форму отказа. Но Филипп сделал вид, что примирился и с этим. В июле 1191 г. английский король, видимо, понял, что главные заботы французского короля остались в пределах давней проблемы «анжуйских владений» и что возвращение к ее решению до окончания крестового похода чрезвычайно опасно. Со свойственной ему прямолинейностью Ричард I попытался быстро решить этот вопрос, потребовав от Филиппа II клятву остаться на Востоке еще на три года. В тот момент, когда французский король отказывался от этой клятвы, ему, вероятно, было уже ясно, что назрело время для возвращения во Францию. Ричард I, глубоко вовлеченный в войну на Востоке, не мог сразу же последовать за ним.

Возвращение внезапно «заболевшего» Филиппа II, его договоренность с германским императором Генрихом VI о всевозможных препятствиях для отбытия в Европу Ричарда Львиное Сердце свидетельствуют о том, что англо-французские противоречия по поводу владений анжуйского дома остались центральными в отношениях между королевствами. Они затрагивали жизненно важные вопросы (прежде всего для развития Франции) и должны были отодвинуть на второй план «престижные» или экспансионистские планы Ричарда. Враждебность, возникшая между английским королем и германским императором, сыграла определенную роль в развитии англо-французской борьбы: двухлетнее пребывание Ричарда I в плену у императора было очень важно для французской короны.

Первые же политические шаги возвратившегося во Францию Филиппа II свидетельствовали о том, что он намерен наконец добиться реальных результатов в борьбе за континентальные владения Плантагенетов. Продолжая испытанную политику лавирования между сыновьями Генриха II, французский король сосредоточил внимание на установлении контактов с младшим братом Ричарда I, Иоанном. Движимый честолюбием и жаждой власти, Иоанн подписал в январе 1192 г. договор, по которому он уступил французскому королю часть Нормандии за сомнительную перспективу союза с ним против Ричарда. В тексте договора фактически содержалось обещание действовать совместно против короля Англии. «Я не могу заключить мир с английским королем без разрешения короля Франции», —

писал Иоанн. Таким образом, первое существенное территориальное приобретение за счет «анжуйских владений» произошло без применения оружия. Оно стало результатом длительных политических усилий французских королей, которые справедливо делали ставку на внутреннюю слабость «империи» Плантагенетов и неизбежные распри при наследовании такого обширного и пестрого политического образования. Однако было очевидно, что без войны завершить перераспределение владений в Европе не удастся.

Филипп II торопился использовать свое политическое достижение и развить успех до возвращения Ричарда I из плена. В Англии стали известны его усилия, направленные на удержание Ричарда в германском плену: французский король и Иоанн обещали императору огромные деньги за отказ освободить английского короля за выкуп. Это подтверждается документально в письме Филиппа II герцогу Австрийскому (Ричарда I пленил именно он на основании личной вражды, а затем «уступил» его императору Генриху VI). Французский король просил герцога строго охранять и ни в коем случае не отпускать на свободу «нечестивейшего короля Англии» (начало 1193 г.)⁶. Просьба эта наверняка повлияла на «неуступчивость» императора. Несмотря на пламенные обращения матери Ричарда I королевы Алиеноры к папе и требования самого английского короля, переговоры о выкупе шли медленно. Нет сомнений, что германский император объективно оказывал большую услугу Франции, способствуя тем самым ослаблению Английского королевства — своего опасного политического соперника. Торо-

пясь закрепить свои достижения, Филипп II продолжил политическое и военное давление на Иоанна. Весной 1193 г. он начал силой расширять свои владения в Нормандии, принуждением, убеждением и обещаниями склонил прибывшего в Париж Иоанна к дальнейшим уступкам. Иоанн обещал французскому королю уже не только раздел Нормандии, но и часть Турени и Ангумуа.

Возвращение Ричарда Львиное Сердце в Англию (1194) практически предопределяло англо-французскую войну. Однако реально она развернулась лишь три года спустя, в 1197 г., и объясняется это не только необходимостью сбора средств, подготовки войска и т. п. Время показало всю глубину противоречий между двумя королевствами и невозможность их разрешения с помощью коротких единовременных ударов, которые наносили друг другу Генрих II и Людовик VII. Требовалась международная подготовка, тем более что опыт прошлого (особенно события 1173 г.) доказал возможность вовлечения в англо-французскую борьбу европейских государств, заинтересованных в ослаблении того или другого соперника.

Ричард I в первую очередь постарался вновь обезопасить Англию со стороны Шотландии. Кентерберийская хартия 1189 г. вполне оправдала себя: Английское королевство в течение пяти лет не ощущало обычной со времени Генриха II опасности на севере. Ричард I решил подтвердить независимый статус Шотландского королевства за очень крупную денежную сумму, примерно равную размерам его выкупа (апрель 1194 г.). Это вымогательство, конечно, подчеркивало непрочность независимости, полученной из рук англий-

ского короля. Тем не менее пока тяжелое условие было принято, и Шотландия на ближайшие годы вышла из активного участия в англо-французской борьбе. Это лишало французскую монархию потенциального ценного союзника. Появление такого союза в будущем зависело от того, станут ли преемники Генриха Плантагенета продолжать и развивать его экспансионистские замыслы. Большое внимание Ричард I уделил юго-западным областям своих владений, которые со времени его юности неоднократно были объектом его тревог и усилий. Дух независимости, в высшей степени присущий французскому юго-западу, опирался на своеобразие исторической судьбы этого региона, глубокую этническую самобытность его населения, отсутствие реальной связи как с Английским, так и с Французским королевством. Если бы эти области имели большую административную целостность, они могли бы претендовать на независимое развитие не меньше, чем Шотландия или Фландрия. Сознывая важность юго-западных границ, Ричард I постарался урегулировать давние сложные отношения с фактически независимым Тулузским графством, подкрепить военно-политические контакты с Наваррой.

Важным политическим достижением английского короля стало заключение союза с графом Фландрским (1157), который, в отличие от довольно осторожных соглашений 60-х и 80-х гг. XII в., теперь занял более определенную политическую позицию: «отказался от клятвы верности французскому королю и примкнул к королю Англии»⁷. Истоком этой большей определенности была прежде всего политика Филиппа II Августа:

начиная с 90-х гг. он оказывал усиленный нажим на Фландрию. Потеснив границы фактически независимого графства еще в середине 80-х гг., французский король затем начал распоряжаться там как в своей вотчине. Его официальные письма показывают, что он стремился вникнуть в любой, даже мелкий вопрос, поставить под свой контроль каждое действие графа. Опасность поглощения Францией толкнула Фландрию на сближение с Англией, в которой графы Фландрские когда-то видели главного врага. Не последнюю роль в такой переориентации играли и крепнущие торговые связи фландрских городов с Англией, а также некоторые соображения субъективного характера. При Генрихе II Плантагенете английская опасность представлялась более реальной еще и потому, что ее носителем была сильная личность, в то время как французский престол занимали гораздо менее яркие фигуры. На рубеже XII и XIII вв. ситуация изменилась. Филипп II все более убедительно демонстрировал качества политика и военачальника.

Папство и Германская империя также не остались в стороне от назревания очередного (но, как ощущалось, более крупного, чем прежде) конфликта между английской и французской монархиями. В империи после смерти Генриха VI (1197) началась борьба претендентов на престол — Оттона Брауншвейгского и Филиппа Швабского. Первый из них был племянником английского короля, сохранившим тесные связи с английским двором. Франция, естественно, решительно приняла сторону второго. Филипп Швабский стал в 1198 г. союзником Филиппа II

Августа, обещав ему поддержку против английского короля (и его племянника), а также против неверного вассала графа Фландрского. Оттон IV, избранный «антикоролем» в противовес брату Генриха VI Филиппу Швабскому, обещал помощь Иоанну против французского короля. Папа Иннокентий III, которого вполне устраивала в тот момент междоусобная борьба в Германии, в столкновении Англии и Франции поначалу занял более благожелательную позицию по отношению к Ричарду I. Иннокентий III справедливо рассматривал его как потенциального активного участника крестоносного движения, с которым были связаны грандиозные политические замыслы папства. С Филиппом II у папы произошел конфликт на почве семейных дел короля, что препятствовало в тот момент их сближению.

Однако в целом папство пока не проявляло сколько-нибудь глубокой заинтересованности в урегулировании отношений между Англией и Францией. Разногласия между ними объективно были на руку Иннокентию III, который в любой политической ситуации стремился к укреплению авторитета папской власти. Новое соприкосновение противоречий между империей и папством с англо-французскими, как и прежде, не привело к каким-либо серьезным реальным последствиям. Договоры и папские призывы оставались на бумаге, английская и французская поддержка борющимся в Германии претендентам на престол носила преимущественно моральный, политический и дипломатический характер. Жизненно важные для обеих монархий проблемы решались в тот момент в Нормандии.

Уже со времени своего возвращения из плена Ричард I начал вытеснять Филиппа II из Нормандии, действуя и силой оружия, и дипломатическим путем, в 1197—1199 гг. развернулась настоящая война за Нормандию. Успех сопутствовал английскому королю, и Филипп II был вынужден постепенно отдать все, что получил от Иоанна. Военное поражение Филипп II решил компенсировать с помощью дипломатии. Он сделал ставку на поддержку папы, пытаясь восстановить его против Оттона IV и английского короля. От лица своего ставленника французский король посулил папе значительное денежное возмещение. Большое внимание французский король уделил Фландрии. Стремясь добиться разрыва опасного союза графа Фландрского с Англией, Филипп II объявил, что он «прощает» неверного вассала, мирно разделив с ним спорные владения. Умный и дальновидный политик, Филипп II едва ли мог не осознавать, что все эти политические шаги крайне малоэффективны перед угрозой откровенно готовившейся Ричардом I новой войны против Франции.

Ситуацию резко изменил случай — внезапная гибель Ричарда I в одном из континентальных владений. Филипп II вновь проявил себя как ловкий политик, который умеет тщательно рассчитывать свои политические шаги и извлекать максимальную пользу из благоприятных обстоятельств. Он превратил право сюзерена континентальных владений Англии в действенное средство политики французской монархии. Филипп II признал справедливыми притязания Артура Бретонского — племянника нового английского ко-

роля Иоанна — на часть «анжуйского наследства» — Анжу, Мен и Турень. Эта политическая акция была апогеем многолетней практики лавирования французского короля между наследниками Генриха II, претендовавшими на раздел созданной им «империи». Используя в своих политических интересах последовательно каждого из сыновей Генриха Плантагенета, Филипп II нанес последнему из них, Иоанну, сокрушительный удар. Он проигнорировал договор 1192 г., по которому Иоанн — тогда еще английский принц — стал его союзником.

В то время как Филипп II все более убедительно демонстрировал качества политика и военачальника, в Англии корона перешла к младшему сыну Генриха II Иоанну (1199—1216), получившему со временем прозвище Безземельного, потому что, в отличие от старших братьев, не получил владений во Франции, а затем потерял почти все владения Плантагенетов на континенте.

В ранге короля он стал врагом французской монархии. Решение Филиппа II выступить в защиту прав Артура Бретонского ярко показало, насколько условными сделались к концу XII в. вассально-ленные связи в отношениях между монархиями. Там, где они соответствовали интересам крепнущего государства, они признавались и действовали. В противоположном случае — отбрасывались. Филипп II, в отличие, например, от Ричарда Львиное Сердце, был правителем нового типа. Для него государственный интерес определенно стоял выше традиционных вассально-ленных отношений и норм рыцарской морали.

Удар по позициям английской короны на континенте был нанесен стремительно и внезапно: спустя несколько месяцев после смерти Ричарда I французские войска вторглись в Нормандию под предлогом защиты прав Артура Бретонского. Союзники Иоанна (германский король Оттон IV, граф Бодуэн IX Фландрский) не успели даже получить его призыв о помощи. В мае следующего, 1200 г. английский король капитулировал и подписал унижительный договор с Филиппом II. По существу, он предопределял полный распад «державы Генриха II»: Иоанн получил подтверждение своих прав на владения во Франции, уступив Филиппу II несколько замков и феодалов в Нормандии и на юго-западе. Это было куплено за очень высокую плату: английский король обязался уплатить 20 тыс. марок и отречься от своих союзников. Несмотря на то что в 1199 г. был подтвержден его союз с графом Фландрским, что Иоанн и Бодуэн IX поклялись не заключать сепаратного мира с Францией, Иоанн подписал договор с Филиппом II без участия Фландрии и более того — согласился, что «граф Фландрский должен принести французскому королю «тесный оммаж»⁸. Он обещал также не оказывать финансовой или военной помощи графу Фландрскому и Оттону Брауншвейгскому. Довершая свою наметившуюся политическую изоляцию, Иоанн в том же году вступил в противоречия с папой Иннокентием III по финансовым вопросам, приближая будущий глубокий и очень тяжелый для Англии политический конфликт. Единственным союзником Иоанна в Европе остался король Наварры Санчо VII, который обещал при

необходимости предоставить ему войско и деньги, а также не заключать без его согласия мира с Кастилией и Арагоном.

Положение Филиппа II было на рубеже веков совсем иным. Он возвратил под власть короны практически независимую Фландрию, в очередной раз включив часть владений графа в состав королевского домена. В том же, 1200 г. французский король заключил очень важное династическое соглашение о браке своего наследника Людовика и дочери короля Кастилии. До этого времени пиренейские страны находились почти исключительно в сфере внимания и влияния Плантагенетов, страховавших свои обширные владения на юго-западе Франции. Королей Кастилии и Наварры связывали с домом Генриха II династические узы и военные обязательства; они неоднократно выступали на стороне английского короля с оружием в руках и признали его арбитром в решении своих противоречий; король Арагона оказывал военную помощь Генриху II в юго-западных владениях, а Ричард I во время крестового похода помогал королю Португалии в борьбе с арабами. Кастильская принцесса, просватанная за наследника французского престола, приходилась племянницей Иоанну Безземельному, а ее отец Альфонс VIII уже тридцать лет ждал перехода под его власть Гаскони — приданого дочери Генриха II. Устроенный Филиппом II «французский брак» дочери Альфонса открывал путь вмешательству Франции в отношения между Англией и странами Пиренейского полуострова. С целью обретения поддержки Иннокентия III Филипп II занял позицию энтузиаста провозгла-

шенного папой в 1199 г. Четвертого крестового похода. Тем самым он закрепил и свои контакты с германским императором Филиппом Швабским, который был заинтересован в антивизантийских замыслах крестоносцев.

Несмотря на шумную словесную поддержку крестового похода, Филипп II не принял в нем реального участия. В отличие от многих современных ему правителей, французский король сумел отодвинуть на второй план эффектные перспективы завоеваний на Востоке и возможности приобретения императорской короны. Борьба с Плантагенетами решала более насущный вопрос собирания французских земель. Обстановка подсказывала, что столкновение из-за «анжуйских владений» вступало в решающую фазу. Борьба за континентальные владения английского дома органично соединялась с внутренней политикой Филиппа II, его централизаторскими усилиями. Эта линия его внешней политики фактически была прямым продолжением внутренней. «Крестоносные заботы», судьба Германской и Византийской империй могли быть лишь частью экспансионистских замыслов, которые, как правило, опирались на относительно высокие достижения в укреплении государственности (Англия при Генрихе II) либо подменяли собой выполнение этой задачи (Германская империя в XI—XIII вв.). Французская монархия на рубеже XII—XIII вв. являла собой иной, третий вариант — она подошла к порогу первых крупных достижений в укреплении феодального государства, и, для того чтобы они стали реальностью, Филиппу II остро требовалось в первую

очередь увеличить свой домен и доходы, следовательно — воевать с Англией. Не будь этой острой необходимости, роль Франции в истории Четвертого крестового похода и Латинской империи* могла быть совсем иной.

В 1202 г. Филипп II нашел подходящее юридическое основание для того, чтобы объявить Иоанна Безземельного «непокорным вассалом» и начать против него войну. За четыре года он отвоевал у английского короля Нормандию, Мен, Анжу и Турень (области на севере и северо-западе Франции). В сочетании с успехами в ослаблении Фландрии и наметившимся еще в конце XII в. союзом с Шотландией это принципиально меняло международное положение Франции. Капетинги реально властвовали над половиной французских земель и могли рассчитывать на внешнюю поддержку в дальнейшей борьбе против английской монархии. По существу, «Анжуйская империя» перестала существовать. Согласно условиям перемирия 1206 г., под властью английской короны остались только области на юго-западе Франции: Гасконь, Сентонж, Ангуама, Пуату. Нормандия и владения в долине Луары были утрачены, и, как показало время, безвозвратно. Надо сказать, что современники ощущали значительность происходящих событий для судеб Англии и Франции. Это отразил и уверенный победный тон распоряжений Филиппа II, и скорбный стиль рассказа английского хрониста,

* Латинская империя — феодальное государство со столицей в Константинополе, основанное участниками Четвертого крестового похода на захваченных ими европейских владениях Византийской империи. Существовала с 1204 по 1261 г.

например, о капитуляции Руана, которую сопровождали зловещие небесные знамения. Английский король не только понес огромные территориальные утраты. Его поражение было более значительным. Во-первых, оно вызвало недовольство королем в Англии, ощутившей финансовые тяготы в связи с безрезультатными войнами короля. Во-вторых, пошатнулся авторитет Иоанна в Европе, где стала известна его жестокая расправа со сторонниками Артура Бретонского и причастность к убийству самого Артура. И, наконец, в ходе англо-французской войны произошло событие, положившее начало утрате позиций Англии в пиренейских странах. В 1204 г. умерла Алиенора Аквитанская, кастильский король Альфонс VIII немедленно ввел войска в Гасконь, которая по договору тридцатипятилетней давности должна была отойти к Кастилии как приданое дочери Генриха II. По существу, Кастилия приняла участие в войне на стороне Франции: в Нормандии против Иоанна Безземельного сражались войска Филиппа II, Сентонж, Перигор и Пуату признали власть французского короля, а войска короля Кастилии оккупировали Гасконь. Путем большого напряжения сил Иоанну удалось выбить кастильские гарнизоны из Гаскони. Решающую роль в этом сыграли гасконские города, которые прочно связали свои торговые интересы с Англией. Здесь впервые проявилось огромное значение крепнущих англо-гасконских экономических связей в политической судьбе французского юго-запада. Так же как и опыт военно-политического сближения Франции и Кастилии, этот фактор стал одним из важней-

ших в англо-французских отношениях несколько позже — примерно с середины XIII в.

После заключения перемирия 1206 г. в отношениях между Английским и Французским королевствами наступило непродолжительное затишье. Иоанн Безземельный, естественно, рассматривал свое поражение как временное и готовился к борьбе за возвращение континентальных владений. Не мог не сознавать неизбежности продолжения борьбы и Филипп II. Об этом убедительно говорит тот факт, что заключенное сроком на два года перемирие не было продлено ни в 1208 г., ни в следующие пять лет — вплоть до возобновления войны в 1213 г. Однако короли Англии и Франции готовились к предстоящему столкновению по-разному. Прежде всего, глубоко различным было положение обоих монархов. Переход к Франции обширных континентальных владений перераспределил доходы в пользу Филиппа II. Из правителя, ограниченного в средствах, как и все его предшественники, и окруженного фактически независимыми крупными феодалами, он превратился в обладателя обширного домена. Богатые отвоёванные области, среди которых первое место бесспорно занимала Нормандия, давали огромные доходы. Собрание распоряжений Филиппа II неоспоримо свидетельствует о том, что король в первые годы XIII в. уделял очень большое внимание экономической жизни своих земель, в первую очередь — городам. Он не скупился на пожалования новых привилегий крупным городам, одновременно подтверждая прежние, поощрял и регулировал развитие торговли, заботился об обеспечении расположения церкви. Пожалования, кото-

рые Филипп II раздавал из фонда приобретенных земель, были немногочисленны и, как правило, за счет конфискованных владений бежавших в Англию подданных Иоанна Безземельного. Значительного успеха добился французский король в борьбе с сепаратизмом высшей знати. В королевской распорядительной документации первого десятилетия XIII в. крупные феодалы все чаще выступают как «*homines liges*» короля, который вмешивается в вопросы распоряжения их владениями и имуществом. В международной жизни в эти годы французский король сделал главную ставку на укрепление контактов с папством. Это была хорошая ставка не только потому, что Иннокентий III все больше утверждал в Европе свой авторитет влиятельного политика. Папа мог оказать Франции неоценимую услугу в предстоящей борьбе с английским королем еще и потому, что постепенно становился очевидным конфликт между ним и Иоанном Безземельным.

Относительно высокая степень централизации государства в Англии привела к тому, что здесь значительно раньше, чем во Франции, началась борьба за приоритет между светской властью и церковью. Еще в 60-х гг. XII в. всю Европу потрясло столкновение Генриха II с архиепископом Фомой Бекетом. В начале XIII в. король Иоанн отказался принять навязанного ему архиепископа Стефана Ленгтона. В ответ на папский интердикт* в связи с этим отказом (1208) король

* И н т е р д и к т (лат. *interdictum* — запрет) — в средневековой католической церкви временное запрещение отправлять богослужения и обряды на определенной территории.

начал сбор церковных доходов в Англии. Эти действия Иоанна, видимо, были непосредственно связаны не только с проблемой приоритета светской или церковной власти, но и с реальной перспективой неизбежной войны против Франции. Английская монархия, как никогда прежде, остро нуждалась в деньгах и должна была искать способа возместить болезненные земельные потери. Как раскаты приближающейся грозы гремели на всю Европу угрожающие письма папы Иннокентия III и Иоанна Безземельного. В Англии крепло недовольство политикой короля, его финансовыми вымогательствами, наступлением на права церкви, ссорой с папой и т. п.

На международной арене Иоанн мог твердо рассчитывать только на германского императора Оттона IV. Однако его собственное положение в Германии было до 1208 г. (до убийства политического соперника Филиппа Швабского) крайне непрочным. Против него действовали все более сближавшиеся между собой Иннокентий III и Филипп II Август. Посетив в 1206 г. Лондон, Оттон IV обещал английскому королю помощь против Франции, имея в виду будущее, а пока сам получил от Иоанна 5 тыс. марок. Едва укрепившись в 1208 г. на императорском престоле, Оттон IV уже в 1210 г. вступил в конфликт с Иннокентием III из-за прав на Сицилийское королевство и был отлучен от церкви. В 1207 г. Иоанн попытался возместить ослабление английских позиций за Пиренеями, заключив союз с Леонским королевством, которое постоянно испытывало угрозу своему существованию со стороны Кастилии. Однако это сближение не имело реальных политичес-

ких последствий. Оно не повлияло ни на судьбу Леона, который в 1230 г. окончательно объединился с Кастилией, ни на англо-французскую борьбу. На международном положении Англии и судьбе будущего столкновения с Францией существенно отразился другой политический шаг Иоанна Безземельного. В 1209 г. он силой оружия заставил шотландцев в очередной раз заплатить за свою независимость. Под военным давлением Англии король Шотландии Уильям Лев был вынужден согласиться на мирный договор с южным соседом за 11 тыс. марок. Помимо денег с него потребовали «pro bono pacis» заложников — двух его сыновей. Этим, по существу, было предreshено дальнейшее франко-шотландское сближение и участие Шотландии в борьбе против Англии. Английский король в очередной раз продемонстрировал ненадежность Кентерберийской хартии 1189 г. как гарантии независимого статуса Шотландского королевства.

Сходная политическая ситуация, но с другими участниками событий, сложилась во Фландрии. Начиная с 80-х гг. XII в. это фактически независимое графство испытывало угрозу своей самостоятельности со стороны Франции. Попытка графа Фландрского Бодуэна IX выступить в 1197 г. против французской монархии совместно с Ричардом Львиное Сердце закончилась неудачей, после которой Филипп II окончательно перестал считаться с традициями фактической политической автономии Фландрии. Его распоряжения свидетельствуют о том, что королевский сюзеренитет в первые годы XIII в. осуществлялся во Фландрии очень последовательно⁹. Более того,

французский король откровенно страховал себя от возможности рецидива вмешательства опасного вассала в англо-французскую борьбу. В 1206 г. он заключил договор с близким соседом Фландрии — графом Намюра, который признал себя вассалом французской короны. В договоре специально оговаривалось, что граф Намюра обещает королю помощь «против всех, включая его брата, графа Фландрского»¹⁰. Буквально на пороге англо-французского вооруженного конфликта династическими узами был привязан к французскому правящему дому герцог Брабантский. Ситуация во Фландрии, по-прежнему и даже отчетливее, чем в XII в., тяготевшей к независимости, была, таким образом, объективно сходной с положением в Шотландии. Стремление к самостоятельному развитию опиралось в обоих случаях прежде всего на этническую самобытность. В Шотландии оно подкреплялось пограничным положением, своеобразием исторической судьбы и политическим статусом королевства, во Фландрии — растущей экономической независимостью городов. Наиболее естественным потенциальным союзником Фландрии в борьбе против поглощения ее французской монархией была Англия, противоречия которой с Капетингами к началу XIII в. все более отчетливо выдвигались в центр международной жизни Западной Европы. Аналогичным образом Шотландское королевство неизбежно должно было со временем все более сближаться с Францией — своим столь же естественным политическим союзником. Таким образом, уже в самом начале XII в. наметилось распределение сил на международной арене в русле раз-

вития обостряющихся англо-французских противоречий. Казалось, семейные истоки этой вражды ушли в бесконечно далекое прошлое. Однако за прошедшие годы противостояние Капетингов и Плантагенетов обросло множеством разнообразных (экономических и политических) мотивов и стало привычной формой отношений между королевствами.

Новая вспышка вооруженной борьбы между Англией и Францией окончательно созрела к 1212 г. Многие представители английской знати, недовольные правлением Иоанна Безземельного, бежали от его «тирании и суровости» во Францию. Это давало Филиппу II серьезные юридические основания для подготовки войны против «тирана», тем более что к ней уже открыто призывал Иннокентий III. Характерно, что в столкновении с Иоанном Иннокентий III стремился опереться именно на Францию. Объявив крестовый поход против английского короля, папа поручил возглавить его французской монархии. Это ярко демонстрирует осознание современниками глубины и нерешенности противоречий между Английским и Французским королевствами. В Англии также шла подготовка к войне. Иоанн собирал войско для борьбы за восстановление своих, как он считал, временно утраченных континентальных владений. Одновременно он развернул активную дипломатическую деятельность: настоятельно призывал графа Фландрского к восстановлению прежнего союза с английской короной; договорился с крупным французским феодалом графом Булонским о позиции, напоминающей «благожелательный нейтралитет» более

поздней эпохи; «купил» в традициях классических вассально-ленных связей оммаж графа Голландского; направил посольство в Арагон; затребовал из Шотландии новых заложников.

Очередная англо-французская война, основной причиной которой без сомнения была борьба за восстановление прежней «Анжуйской империи», началась с вооруженного конфликта во Фландрии. Это представляется симптоматичным: конфликт, основанный на «дележе» обширного наследия Генриха Плантагенета, выросал во что-то большее. Начинаясь с его межгосударственный характер и растущие международные масштабы. Он уже совсем не походил на ссору в королевском семействе и все меньше — на столкновение двух крупных феодальных сеньоров из-за богатых земель. В начале 1213 г. во Франции был собран большой флот для вторжения в Англию, у английских берегов произошли частные военные столкновения. В этот момент граф Фландрский Ферран объявил, что он отказывается воевать в Англии, так как он «союзник английского короля»¹¹. Особенно важно отметить, что именно здесь впервые сказали свое веское самостоятельное слово фландрские горожане: жители Ипра и Сент-Омера поклялись в преданности Иоанну Безземельному. В интереснейших документах — письмах городских коммун английскому королю — отчетливо проступает связь между началом активного включения фландрских городов в решение сложных международных вопросов и их экономическими интересами. «И если французский король или кто-то другой запретит нам торговать в ваших землях, —

писали английскому королю горожане Ипра, — мы это не выполним»¹². Члены городского совета Сент-Омера от имени жителей города обещали «остаться верными людьми и добрыми друзьями» английского короля, служить и помогать ему всеми возможными средствами, выступить против любого, кто причинит ему зло, и т. п. Письмо заканчивается той же фразой, что и послание горожан Ипра, — то есть в нем также проявляется торгово-экономическая основа растущей приверженности фландрских городов «дружбе» с Англией.

Филиппу II пришлось начать войну против Иоанна Безземельного весной 1213 г. с вторжения во Фландрию. Французские войска, поддержанные у побережья флотом, захватили значительную часть графства, но были быстро изгнаны с помощью подоспевших английских войск. Фландрия боролась за свою независимость, так давно и постоянно лавируя между Англией и Францией, что это привело наконец к непосредственному столкновению между ними на ее территории. Стремясь развить военный успех, Иоанн приготовился к вторжению во Францию. Момент казался особенно благоприятным, потому что французский флот был разбит, и успех кампании выглядел вполне реальным. Но здесь сказались политические последствия его конфликта с папой, который провозгласил Иоанна Безземельного низложенным, а войну против него — крестовым походом. Это было могучее оружие в руках внутренней оппозиции. В ответ на призыв короля к войне во Франции бароны потребовали, чтобы он поклялся отказаться от «тирании». Внутриполити-

ческие и международные проблемы выступали в нерасторжимом единстве.

Иоанну Безземельному пришлось капитулировать перед папой. Таким путем он предотвратил, а точнее, отсрочил гражданскую войну, но еще больше уронил свой авторитет. Как известно, условием примирения английского короля с Иннокентием III было признание папы сюзереном Англии. В октябре 1213 г. Иоанн передал «матери-церкви, апостолам Петру и Павлу и господину нашему папе Иннокентию Третьему все королевство Англию и Ирландию со всеми правами и владениями при условии освобождения от грехов как для живых, так и для умерших»¹³. Широкое недовольство в Англии показало, что папское отпущение было слабым утешением по сравнению с уроном, нанесенным престижу королевской власти, в свое время высоко поднятому Генрихом II и Ричардом I. К тому же Англия отныне должна была уплачивать в папский карман, помимо «денария святого Петра», тысячу фунтов стерлингов в год. Успешная война, вероятно, была в тот момент для английского короля наиболее реальным способом попытаться преодолеть назревший внутренний кризис. К тому же Иннокентий III, возвративший Иоанна в лоно церкви, уже не занимал прежней позиции однозначной поддержки Франции, по-видимому опасаясь излишнего ее усиления. Сначала 1214 г. папа призывал к заключению англо-французского мира, аргументируя это интересами борьбы за «святые земли»¹⁴. Иоанн Безземельный тем не менее не мог не попытаться изменить ситуацию в пользу Англии. В феврале 1214 г. его войско высадилось в Ла-Рошели. Английский король добился

военного успеха в Бретани и Пуату. Однако время частных побед миновало. Степень остроты англо-французских противоречий, относительное уравнение владений двух монархий на континенте, возросшие силы и авторитет Капетингов — все это предрешало крупное или, как казалось современникам, решающее столкновение.

Наметившаяся еще в конце XII в. тенденция к расширению международных масштабов англо-французских противоречий привела к тому, что в 1214 г. против Филиппа II Августа выступила коалиция, созданная Иоанном. В нее вошли германский император Оттон IV, граф Ферран Фландрский, граф Булонский. Это было второе после событий 1173 г. действительное вторжение международных сил в развитие англо-французских отношений. В 70-х гг. XII в. французская монархия выступила против Генриха Плантагенета, опираясь на поддержку европейских правителей, которые опасались его дальнейшего усиления. В начале XIII в. основание для подобных опасений давало растущее влияние Франции. На этот раз международную поддержку обрел английский король.

Таким образом, у коалиции, созданной в начале XIII в. английским королем против Франции, была единая основа. И все же эта группировка еще не являлась подлинным международным союзом государств, объединенных глубокими общими интересами. В действиях Оттона IV присутствовал сиюминутный политический расчет на ответную помощь Иоанна в борьбе с папой. Граф Булонский был типичным вассалом на денежном расчете. Наиболее серьезные основания для участия в антифранцузской коалиции были у Фланд-

рии. Политика Филиппа II Августа по отношению к этому фактически независимому графству с 90-х гг. XII в. была откровенно жесткой, не оставляющей сомнений в намерении короля включить Фландрию в число административно подчиненных территорий. Выступление в составе антифранцузской коалиции стало для Фландрии актом борьбы за независимость, в которой на данном этапе соединились усилия феодального сеньора и широких слоев населения.

Военно-стратегический замысел коалиции казался продуманным и удачным: английское войско во главе с Иоанном наносит удар на юго-западе Франции; объединенные отряды германских, фламандских, английских рыцарей, войск графа Булонского под командованием Оттона IV одновременно наступают с северо-востока. В июле 1214 г. план был приведен в исполнение и потерпел полный провал. 2 июля Иоанн Безземельный был разбит в Анжу при Ларош-о-Муане.

Филипп получил возможность перейти в наступление на севере. Решающая битва произошла 27 июля 1214 г. в болотистой местности близ селения Бувин. Неистовое противоборство закончилось явной победой Франции.

Сражение при Бувине было очередной и, пожалуй, наиболее яркой точкой пересечения англо-французских противоречий и традиционной линии борьбы империи и папства. И в очередной раз это не привело к долговременным и глубоким международным последствиям. Принципиально различный характер причин, которые лежали в основе столкновений противоборствующих сил, делал невозможным их реальное сотрудничество.

Вся суть англо-французской борьбы сводилась в конечном счете к формированию основ будущих национальных государств. Соперничество империи и папства основывалось на столкновении двух наднациональных сил, претендовавших на главенство в древнем традиционном духе «наместников Бога на земле», «преемников цезарей» и т. п. И вполне закономерным представляется отход германских императоров от участия в англо-французских отношениях на длительное время, от столь активной роли — навсегда. Паническое бегство императора Оттона IV с поля боя при Бувине как бы символизировало это глобальное явление в частном факте.

Совсем в ином свете представляется судьба Фландрии. Бувинское поражение было тяжелым ударом по ее самостоятельности. Участники битвы хорошо понимали, что они сражаются именно за это, а не за короля Иоанна или императора Оттона. Один из фламандских рыцарей, вопреки принятым правилам рыцарской морали и кодексу поведения в бою, призвал: «Смерть французам!» Современники, осудившие его за то, что он ведет себя «не по правилам», естественно, не могли и предполагать, насколько точно, опережая время, эта реплика предвосхищает грядущую ломку стереотипов рыцарского поведения под давлением таких существенных обстоятельств, как борьба за независимость. Железная рука Филиппа II Августа заставила жителей Фландрии ощутить это достаточно рано. Победа при Бувине дала французскому королю возможность для очередного усиления политического давления на непокорное графство: граф Фландр-

ский отправлен в заключение в Париж, скрыты укрепления нескольких крупных городов, наложен запрет на сооружение новых укреплений, затребованы заложники из наиболее значительных городских общин.

В тюрьме оказался также граф Булонский; практически оборвалась политическая карьера Оттона IV, окончившего свои дни в Брауншвейге в качестве частного лица. Из всех участников коалиции английский король непосредственно после Бувина понес наименьший ущерб. Заключенное 18 сентября 1214 г. англо-французское перемирие носило достаточно нейтральный характер. Иоанн обязался в течение пяти лет не вторгаться во владения французского короля, а Филипп II — не притеснять его сторонников во Франции. Такой результат никак не мог удовлетворить французского короля, который безусловно воспринимал Англию вслед за своими предшественниками как главного политического соперника французской короны в Европе и не мог не сознавать значительности, но незавершенности своего военно-политического успеха. Однако давно назревавший внутренний кризис в Английском королевстве давал Филиппу II основания рассчитывать нанести Иоанну Безземельному решающий удар. В этом смысле Бувин сыграл свою роковую роль в судьбе английского короля. Недовольство его внутренней политикой и провалом в международных делах приобрело в Англии самый широкий характер, приведя фактически к гражданской войне. События 1215 г., которые завершились принятием Великой хартии вольностей, имели помимо широко известных

внутренних причин достаточно тесную связь с международной ситуацией.

С самого начала XIII в. оппозицию в Англии подогревал Иннокентий III. Исходя из характерной для папства тактики «сталкивания» монархов, римский папа неоднократно давал понять, что борьбу против недостойного государя Иоанна Безземельного должен возглавить французский король. Более того, в 1212 г. он обратился к духовенству и знати Англии и Франции с призывом к борьбе «против тирана и врага церкви Иоанна»¹⁵. Все это поддерживало оппозицию и готовило почву не только для англо-французской войны, но и для прямого вмешательства Филиппа II в английские дела. Создав таким образом все условия для ослабления позиций Иоанна, Иннокентий III уже в 1214 г. внешне изменил тактику: начал призывать к примирению английского и французского королей, а в 1215 г. даже отлучил от церкви английских баронов за неповиновение законному государю. Но это уже не могло ничего изменить. Весной 1216 г. вновь произошло серьезное обострение англо-французских противоречий, существо которого составляло естественное стремление Франции закрепить свои успехи в борьбе за континентальные владения Плантагенетов.

Конфликт 1216 г. отразил новую расстановку сил в англо-французском соперничестве и окончательно доказал прочность тенденции к расширению его международных масштабов. События внутривосточной и международной жизни переплелись в нем с той степенью неразделимости, которая стала характернейшей чертой англо-

французских отношений до конца Средневековья. Династическая форма, органично присущая международной жизни эпохи, была вполне выдержана в событиях 1216 г. Как сообщает Матвей Парижский, мятежные английские бароны «избрали» на специальном совете королем Англии наследника французского короля принца Людовика (будущего Людовика VIII)¹⁶. Основанием для этого решения были недавно официально провозглашавшиеся римским папой недостойные качества Иоанна как государя и родственные связи принца Людовика с английским правящим домом (он был женат на внучке Генриха II Бланке Кастильской). Филиппа II, по всей видимости, вполне удовлетворяла такая форма конфликта. Она позволяла лично ему официально оставаться в тени и не выглядеть инициатором выступления против законного государя, оказавшегося в сложных обстоятельствах. Однако современники хорошо понимали существо происходящего. Как писал хронист, Филипп Август «не открыто» поддерживал Людовика¹⁷.

Серьезную международную и военную помощь Франции оказала на этот раз Шотландия. Постоянное английское давление на северного соседа и ненадежность гарантий шотландской независимости вновь, как почти столетия назад — в 1173 г., привели к франко-шотландскому сближению. Король Александр II принес Людовику, как английскому королю, оммаж за пограничные области, существенно подкрепив тем самым притязания Капетинга на корону Плантагенетов. В ответ Людовик обещал не заключать мир с Иоанном без участия Шотландии. В ходе

развернувшихся затем военных действий Александр II поддержал с севера войну претендента в Южной Англии.

Весной 1216 г. французское войско во главе с принцем Людовиком высадилось в Южной Англии, захватило Лондон, южноанглийские области (кроме Дувра и Виндзора), опустошило ряд восточных графств. Иоанн Безземельный прилагал отчаянные усилия для организации сопротивления вторжению. Но его крайняя непопулярность в английском обществе, а также юридическая видимость «законности» притязаний французского принца делали эти попытки в течение лета — начала осени 1216 г. безрезультатными.

Изменения в обстановку внесло обстоятельство неожиданное и достаточно случайное. В ночь на 19 октября умер Иоанн Безземельный. Это было, как ни парадоксально, лучшее, что он мог сделать в тот момент для своего королевства. Законным наследником стал девятилетний сын Иоанна Генрих (1216—1272), коронованный через десять дней после кончины короля. Не существовало каких-либо оснований для сомнений в его правах. Цену «избранию» Людовика на английский трон сами бароны понимали, видимо, достаточно трезво. Но если в пике непопулярному Иоанну оно могло быть одобрено общественным мнением, то война против Генриха III выглядела в глазах населения Англии совсем иначе. Французское войско начало встречать стихийное сопротивление в юго-восточной части страны. К тому же значительная часть баронов тоже охладела к идее утверждения в Англии династии

Капетингов. Правление малолетнего Генриха III и регентство сулили им большую власть и доходы, избавляя от перспективы опасной конкуренции со стороны французской знати.

Эта новая ситуация обусловила неизбежные военные поражения французов. Весной 1217 г. они были разбиты на суше (битва при Линкольне) и на море. Филипп II, в планы которого, по всей видимости, никогда не входило реальное завоевание Англии, занял очень осторожную позицию. Его главная цель — ослабление Английского королевства и закрепление своих завоеваний 1202—1206 гг. — была достигнута. Перед новым малолетним английским королем стояли очень серьезные задачи, и трудно было представить, что он в ближайшее время ринется в бой за Анжу или Нормандию. Непременное превращение принца Людовика в реального правителя Английского королевства едва ли когда-либо было подлинной целью такого трезвого политика и властолюбца, как Филипп Август. Продолжение войны в Англии теперь могло только повредить французскому королю в глазах европейского общественного мнения. Об этом наиболее выразительно свидетельствовали решительные призывы нового римского папы Гонория III к заключению мира между Англией и Францией (вдохновитель войны против Иоанна Безземельного Иннокентий III умер на три месяца раньше своего политического врага). В ответ на призывы Людовика о помощи Филипп II уклонился от личных контактов с представителями принца, прибывшими из Англии, а затем предоставил в распоряжение сына 300 рыцарей — смехотворно мало в услови-

ях серьезных военных поражений. У Людовика не оставалось иного выхода, кроме мирных переговоров.

Основным условием мира в Ламбете (сентябрь 1217 г.) было «прощение» всех участников событий. Надо сказать, что такое обещание было дано от имени Генриха III еще почти год назад, сразу после его коронации. Однако в тот момент оно откровенно преследовало цель уменьшения числа сторонников принца Людовика. Подтверждение этого в англо-французском договоре было важной гарантией против новой вспышки гражданской войны. Той же цели служило взаимное обязательство королей Англии и Франции освободить за выкуп всех пленников. Таковы основные условия, изложенные в тексте договора. Кроме этого, хронист утверждает, что по договору в Ламбете Генриху III должны были быть возвращены «все права в заморских владениях»¹⁸. Это абсолютно нереальное условие ни в малейшей степени не отражало истинного положения дел и расстановки сил. Английская корона, с трудом справившаяся с глубоким внутренним и международным кризисом, не могла претендовать на возвращение отвоеванных Филиппом II в 1202—1206 гг. континентальных владений. Но юридически переход Нормандии, Анжу, Мена и Турени к французскому королю не был закреплен. После давно истекшего перемирия 1206 г. этот принципиально важный вопрос официально не ставился. Иоанн Безземельный до конца своей жизни считал утрату огромной части владений Генриха II временной. Как показало дальнейшее развитие англо-французс-

ких отношений, это убеждение вполне унаследовал Генрих III.

Англо-французская вооруженная борьба 1213—1216 гг. фактически развернулась на основе непризнания английской короной утраты владений на континенте и была поддержана теми государствами и правителями, которые опасались усиления какой-либо из сторон. Тот факт, что договор в Ламбете обошел молчанием наиболее острый спорный вопрос, свидетельствовал о некоторой незавершенности успеха Франции на международной арене. Отсутствие юридического урегулирования по проблеме континентальных владений делало позиции Капетингов достаточно уязвимыми и сохраняло почву для дальнейшего развития англо-французских противоречий. Как показали события ближайшего и достаточно отдаленного времени, окончательное решение этого вопроса было возможно лишь на основе абсолютного перевеса сил одной из сторон. В 1217 г. при всех трудностях, переживаемых английской короной, такого положения не было. Более того, по мере укрепления находившейся на подъеме феодальной системы и усиления государства добиться абсолютного преобладания становилось все труднее.

Особо следует сказать об условиях договора в Ламбете, касающихся Шотландии. Несмотря на объективные предпосылки для франко-шотландского сближения, на наличие убедительных признаков фактических союзных отношений между этими странами перед лицом общего политического противника — Англии, Шотландия была в договоре фактически обойдена и даже предана

французской монархией. Людовик не сдержал обещание не заключать мира с английским королем без участия короля Шотландии Александра II. В договор был внесен следующий пункт: «Принц Людовик передаст шотландскому королю условия мира с английским королем. И если король Шотландии желает принять в этом участие, он должен вернуть английскому королю все замки и земли, которые он захватил во время этой войны». Спустя полтора месяца Александр II был приглашен, а точнее — вызван Генрихом III в Англию для переговоров о пограничных областях. Потенциальный союзник оставил, таким образом, Шотландское королевство один на один с опасным южным соседом. Французской монархии, по всей видимости, представлялось в тот момент, что она не нуждается более в серьезной поддержке шотландцев против ослабленной и утратившей львиную долю своих заморских владений Англии. Предшествующий опыт международных отношений не знал длительных и прочных межгосударственных союзов. Обычно происходило объединение государей в конкретных критических ситуациях, таких, например, как борьба против Генриха II во второй половине XII в. или против Иоанна Безземельного в начале XIII в. Европейским монархиям, в частности Франции и Шотландии, еще предстояло осознать необходимость постоянного военно-политического объединения против общего соперника.

В течение 20—50-х гг. XIII в. характер англо-французских отношений несколько изменился — на смену острым крупным столкновениям пришла, если можно так выразиться, «позици-

онная борьба». Однако основа противоречий оставалась прежней — английская корона не признавала утраты владений во Франции и продолжала добиваться восстановления «анжуйского наследия» в прежних границах. Борьба за установление и закрепление определенных границ между государствами по-прежнему налагала серьезный отпечаток на их международные позиции. В частности, отказ Плантагенетов признать свои потери на континенте был, по существу, формой борьбы за более обширные границы Английского королевства — то есть за земли и доходы. Огромные усилия французских королей, направлявшиеся в течение этих десятилетий на сохранение завоеваний Филиппа II, имели ту же основу.

Договор в Ламбете обеспечил сравнительно мирные отношения между Англией и Францией на короткое время — с 1217 до 1224 г. В 1219 и 1220 гг. он подтверждался по инициативе английской короны. В 1220 г. был оговорен четырехлетний срок перемирия. Основания этого временного прекращения открытой вражды были со стороны Англии и Франции различными. Английская монархия просто стремилась к передышке, необходимой для стабилизации внутреннего положения, достаточно сложного в результате недавней гражданской войны, военных поражений, малолетства короля. Окружение Генриха III было более всего озабочено борьбой за власть и положение при дворе. В международных вопросах английский двор в эти годы ориентировался на переговоры и дипломатические маневры. Большое внимание именно в этом плане было

уделено Шотландии. Не имея сил для прямых столкновений, Англия тем не менее не уступала в вопросе о пограничных владениях. Прибегнув к помощи папы Гонория III, англичане вели бесконечные переговоры с Александром II. В 1220 г. была выдвинута идея династического брака между шотландским королем и одной из сестер Генриха III (брак состоялся в 1221 г.). Таким путем английская корона, видимо, стремилась к урегулированию пограничных вопросов и сохранению возможностей для возобновления посягательств на шотландский сюзеренитет в будущем. Матвей Парижский, передающий официальную точку зрения по всем принципиальным вопросам, утверждает, что к 1220 г. спорные вопросы между Генрихом III и Александром II были урегулированы. Это было явное преувеличение. Вопрос о спорных пограничных графствах Нортумберленд, Камберленд и Вестморленд был временно отложен (так же как и проблема сюзеренитета Шотландии). Такие проблемы в XIII в. уже не решались на основе личных соглашений между королями и династических уз.

Снижение международной активности Филиппа II в первой половине 20-х гг. объяснялось в первую очередь его стремлением закрепить результаты прежних побед. Именно на эти годы приходится апогей государственной деятельности Филиппа II. Военные же вопросы он после сражения при Бувине полностью передал принцу Людовику. Судя по конкретным политическим шагам французского короля в отношении сохранившихся английских владений на юго-западе Франции, он делал попытки вытеснить

Плантагенетов не только с помощью вооруженной силы, но и других более сложных и соответствующих духу времени мер. Главным юридическим основанием для противодействия англичанам на юго-западе было то, что почти двадцать лет назад в момент политического кризиса после смерти Ричарда I Филипп II признал законными права Артура Бретонского на ряд владений во Франции, в том числе на Пуату. Это обширное и богатое графство составляло северную часть Аквитании — последнего английского владения во Франции. Признанные двадцать лет назад права Артура Бретонского, убитого два года спустя (1202), дали Филиппу II юридическую зацепку для подготовки изгнания англичан из Пуату. Теоретически Генрих III мог рассматриваться как узурпатор, владеющий этим графством незаконно. Укрепившаяся за годы правления Филиппа II идея королевского сюзеренитета и сила административного аппарата позволили ему начать активную борьбу за подрыв английских позиций в Пуату. Верный себе король Франции и на этот раз нашел личность, которую можно было с большой пользой вовлечь в борьбу с Генрихом III, подобно тому как в свое время использовались сыновья Генриха II или племянник Иоанна Безземельного. Этим человеком стал граф Гуго Лузиньян, который в 1120 г. вступил в брак со вдовой Иоанна Безземельного (матерью Генриха III) Изабеллой Ангулемской. У семейства Лузиньянов были давние счеты с Иоанном Безземельным, что в свое время привело их в стан активных сторонников Артура Бретонского. В этой связи брак вдовствующей английской королевы

выглядел странным и опасным для интересов Англии. Стремясь оправдаться в глазах общественного мнения, королева Изабелла в письме к Генриху III утверждала, что ее союз с Гуго Лузиньяном выгоден англичанам: иначе он нашел бы жену во Франции, что могло бы помочь французам отобрать у английской короны Пуату и Гасконь.

Обстановка на юго-западе Франции в течение 1219—1224 гг. постоянно накалялась. И если поначалу Лузиньяны просто не помогали Генриху III, то с конца 1220 г. Гуго Лузиньян стал откровенным противником английской власти и проводником политики Филиппа II Августа. Представителям английской короны приходилось постоянно бороться с частными случаями вмешательства Франции в дела Аквитании, прежде всего — в Пуату. Чиновники английского короля неоднократно сообщали в Англию об угрозе открытого французского вмешательства и даже вторжения. Богатые и традиционно независимые коммуны Ла-Рошели, Байонны, Дакса, Базаса, сепаратистски настроенные виконты Беарна старались извлечь выгоду из трудной для Генриха III ситуации, систематически настаивая на подтверждении своих привилегий и получении новых.

Несмотря на отчаянные административные и дипломатические усилия английской короны, к 1223 г. назрел очередной вооруженный конфликт между Англией и Францией из-за континентальных владений. Теперь яблоком раздора был французский юго-запад. Филипп II, опираясь на графа Лузиньяна, подготовил себе внутреннюю поддержку — на его стороне оказалась какая-то

часть коммуны Ла-Рошели и ряд феодалов Пуату и Гаскони. Верный англичанам мэр Ла-Рошели сообщал в конце 1223 г., что «бароны Пуату готовы перейти под юрисдикцию французского короля, если он этого захочет»¹⁹. Английской монархии в предстоящем конфликте совершенно не на кого было рассчитывать. После разгрома Фландрии в начале XIII в. она пока была вынуждена сохранять позицию верного вассала Франции. На Пиренейском полуострове внешнее дружелюбие в отношении Англии в 20-х гг. XIII в. проявлял только король Наварры. Однако это ограничивалось дипломатическими контактами: Санчо VII предупреждал Генриха III о тревожной обстановке в Бэйонне и угрозе перехода этого города под власть Кастилии. Обострение англо-кастильских отношений, которое произошло в начале XIII в. из-за Гаскони, временно ослабело, но продолжало оставаться актуальным, так как вопрос о Гаскони кастильские короли считали открытым. В атмосфере надвигающегося конфликта с Францией из-за юго-западных земель позиция Кастилии представляла большую опасность для Англии, особенно существенную из-за того, что последнее английское владение располагалось на границе со странами Пиренейского полуострова. В начале 20-х гг. английская корона испытывала также заметные внутренние трудности, связанные с последствиями недавней гражданской войны. Матвей Парижский сообщает интереснейший факт: 25 июля 1222 г. в Лондоне «по наущению французов» произошли волнения, организованные сторонниками принца Людовика²⁰. Крайне беспокойно было в Уэльсе, правите-

ли которого со времен Иоанна Безземельного использовали любые сложные для Англии ситуации для попыток восстановить свою независимость.

Назревший англо-французский конфликт разразился в мае 1224 г., в конце первого года правления сына Филиппа II Людовика VIII (1223—1226). Новый французский король, недолгое правление которого не оставило отчетливого следа в истории Франции, наиболее заметно проявил себя именно в отношениях с Англией. Как показали первые же шаги Людовика VIII на международной арене, бывший «принц Людовик» не забыл о своем неудавшемся опыте завоевания английской короны в 1216—1217 гг. Честолюбие (Людовик VIII, например, был немало озабочен доказательством своего родства с самим Карлом Великим) и стремление сравняться с Филиппом II в славе и авторитете побудили французского короля начать военные действия в юго-западных владениях Англии немедленно после истечения срока перемирия. Дополнительным толчком к этому послужили политические шаги Генриха III, которые неоспоримо говорили о непризнании им факта утраты части континентальных владений. Сразу после смерти Филиппа II англичане направили к Людовику VIII посольство с требованием вернуть Англии «незаконно отнятую Нормандию»²¹. Не дожидаясь неизбежного отказа, Генрих III призвал феодалов Нормандии к себе на службу, посулив им возратить владения в Англии. Все это не слишком строго согласовывалось с официальным английским предложением продлить перемирие и обращением к римскому

папе с просьбой предотвратить готовящуюся Францией войну.

Конфликт 1224—1227 гг. носил локальный характер. В отличие от прежних вооруженных столкновений между английской и французской монархиями, в него не включались другие европейские страны и правители. В 20—30-х гг. XIII в. в Англии и Франции, видимо, сложилось представление о возможности разрешить свои противоречия на континенте без чьего-либо участия. В течение мая — августа 1224 г. французским войскам удалось оккупировать Пуату и часть Гасконии. В этом, и особенно в капитуляции Ла-Рошели, немалую помощь оказал Франции Гуго Лузиньян. Людовик VIII планировал развить свой успех и двинуться на Бордо и Байонну, которые сохранили верность Англии. В этих событиях первой половины XIII в. ведущие юго-западные города начали политические маневры и игру на англо-французских противоречиях. В силу своего выгодного географического положения, экономического процветания и своеобразия исторической судьбы эти города, подобно фландрским, испытывали в XIII в. тяготение к экономической и политической самостоятельности. Нарастающая напряженность борьбы Англии и Франции за Аквитанию создавала для этого благоприятную обстановку.

Англичанам удалось в течение 1225 — начала 1226 г. отстоять Гасконь, практически потеряв Пуату. Сохранению английской власти в значительной части юго-западных владений способствовали лавирование городов, присланные из Англии войска и деньги, а также некоторые об-

стоятельства международного характера. О них следует сказать особо. Большую роль сыграла позиция папства. Если во времена Иоанна Безземельного при некотором маневрировании она была в целом неблагоприятна для Англии, то теперь Гонорий III довольно определенно осудил Людовика VIII и настаивал на заключении англо-французского мира. Главной причиной этого представляется возросшая сила французской монархии, которая в случае полной победы над Плантагенетами могла бы претендовать на политическое лидерство в Западной Европе. Верное своей тактике не поддерживать сильнейшего, папство из главного и последовательного противника Плантагенетов перешло, по крайней мере, на нейтральные позиции. Основной линией поведения папы Гонория III стала борьба за срочное примирение противников, что в тот момент было безусловно более выгодно для Англии. Усиление позиций королевской власти во Франции подтолкнуло к союзу с английским королем и таких крупных феодалов, как граф Тулузский и герцог Бретонский. Кроме того, представители Генриха III вступили в 1225 г. в переговоры с германским императором Фридрихом II. Всего за пять лет до этого Фридрих II Штауфен утвердился на императорском престоле с помощью Иннокентия III и Филиппа II Августа. Обострившаяся за эти годы борьба императора с североитальянскими городами, видимо, побудила его не отказываться ни от какой международной поддержки. В этом отношении у них с английским королем сложилась сходная ситуация. И если в середине 20-х гг. это только начало проявляться

в дипломатических контактах и переговорах, то к 30-м — началу 40-х гг. сближение английской монархии с империей станет политической реальностью.

Важным международным шагом Англии в 1225 г. была попытка восстановить контакты с Фландрией. Думается, что именно английские предложения подтолкнули Францию к некоторому смягчению политики в отношении этого полунезависимого графства. Опыт неоднократного сближения его с Англией в прошлом доказал серьезную опасность союза графов Фландрских с английской монархией. Растущая активность городов, связанных с Англией торговыми интересами, делала эту опасность еще большей. Представляется далеко не случайным, что именно в январе 1226 г. Людовик VIII наконец внял давним настойчивым просьбам графини Фландрской об освобождении за выкуп графа Феррана, который находился во французском плену с 1214 г. Условием возвращения графа во Фландрию была его вассальная клятва и специальная присяга всех рыцарей и горожан, которые клялись хранить верность Франции под страхом отлучения. Таким путем Фландрия на этот раз была отсечена от участия в англо-французской борьбе.

Конфликт между Англией и Францией из-за юго-западных областей начал понемногу угасать. Решительного преимущества не было ни у одной из сторон, и дело определенно шло к тому, чтобы вновь примириться, не решив проблему до конца. И в очередной раз судьбы правителей повлияли на конкретную ситуацию. В конце 1226 г. внезапно скончался Людовик VIII. Переход влас-

ти к двенадцатилетнему Людовику IX (1214—1270) ослабил на время французские позиции. Бразды правления оказались в руках королевы-матери Бланки Кастильской (1188—1252). Многие недовольные сильной королевской властью во Франции подняли голову. Особенно тревожное положение сложилось на юге страны. Прикрываясь нежеланием иметь регентом иностранку (Бланка Кастильская — дочь короля Кастилии Альфонса VIII), крупные феодалы фактически начали гражданскую войну. Среди них были союзник Генриха III граф Тулузский и Гуго Лузиньян, с которым английский король добился примирения на приемлемых условиях еще в конце 1226 г. Изменившаяся обстановка вызвала в Англии надежды на возвращение если не всех, то хотя бы части утраченных владений. Были начаты переговоры с графом Фландрским, который и года еще не пробыл «верным вассалом» Франции. Англичане сулили графу Феррану деньги и владения, приглашали его лично прибыть в Лондон. Одновременно возобновились переговоры о союзе английской короны с германским императором Фридрихом II.

Ставка Генриха III на действия внутренней оппозиции во Франции оказалась ненадежной. Уже к концу 1227 г. королевской власти удалось подавить вспышку феодального сепаратизма. Англии пришлось согласиться на перемирие. Существо противоречий между Англией и Францией оно не решало ни в какой степени, закрепив фактическую утрату англичанами графства Пуату — северной части сохранившихся под английской властью земель на юго-западе Франции.

Юридически проблема английских континентальных владений оставалась открытой. Генрих III во всех официальных документах продолжал называть себя герцогом Нормандским, Аквитанским, графом Анжуйским. В королевских письмах из Франции его именовали только королем Англии. Сохранение хотя бы на бумаге (а значит, в какой-то мере и в сознании современников) прежней обширной «империи» Генриха II решительно не соответствовало изменившейся исторической обстановке. Уже к началу правления Людовика IX королевский домен во Франции был несопоставим по размерам с королевскими землями времен Людовика VII. Административные реформы Филиппа II внесли принципиальные изменения в управление королевскими владениями, судебную и налоговую систему. Английская монархия, опережавшая Францию по темпам и уровню централизации, во времена Генриха III также находилась в состоянии борьбы за дальнейшее усиление позиций королевской власти. В обеих странах этот процесс встречал довольно сильное внутреннее сопротивление, прежде всего со стороны крупных феодалов. В Англии в XIII в. сложилась и более широкая оппозиция. В этих условиях давний спор из-за континентальных владений приобрел особенно принципиальный характер. Речь шла уже не только о землях и доходах (что было чрезвычайно важно само по себе для монархов, остро нуждавшихся в средствах и земельном фонде), но и о приоритете королевской власти. Обострения англо-французских противоречий начали активно использоваться внутренней оппозицией и на-

оборот (политический кризис времен Иоанна Безземельного в Англии, начало правления Людовика IX во Франции). Сохранение недоговоренности в отношениях между двумя королевскими домами по проблеме «анжуйского наследия» становилось все более серьезной помехой на пути дальнейшего укрепления государственности в обеих феодальных монархиях. Это делало неизбежным продолжение борьбы между Англией и Францией, а следовательно — сохранение в международной жизни Западной Европы уже заметного и постепенно выдвигающегося в центр острого противоречия.

30—50-е гг. XIII в. прошли в основном в той же «позиционной борьбе», которая в 20-х гг. не принесла реальных результатов ни Англии, ни Франции. Наиболее характерной чертой развития англо-французских противоречий в этот период было новое усиление внимания обеих монархий к поискам международной поддержки и расширение круга государств, которые в той или иной степени оказались вовлеченными в соперничество Плантагенетов и Капетингов. Дважды — в 1230—1231 гг. и в 1242—1243 гг. — вспыхивали вооруженные конфликты из-за юго-западных владений Англии, завершившиеся столь же безрезультатно, как и в 1224—1227 гг. Постоянным фактором развития англо-французских противоречий стало взаимное стремление опереться на сепаратистски настроенных крупных феодалов. Вопросы внутренние и международные, всегда тесно связанные между собой, здесь выступали фактически неразделимо. Английская корона систематически обращалась к феодалам

Нормандии, взывая к их «верности» Англии и используя любое недовольство (например, в период регентства Бланки Кастильской). В 30-х гг. Генриху III удалось добиться союза с герцогом Бретонским, который принял участие в вооруженном конфликте 1230—1231 гг. В 40-х гг. английский король привлек к выступлению против Людовика IX графа Тулузского, заключив с ним официальный договор о союзе. Несколько раз в течение этого периода англичане пытались склонить на свою сторону коммуну Ла-Рошели, перешедшей под власть Франции в 20-х гг. XIII в. Основной внутренней опорой французской короны в соперничестве с Англией стали крупные феодалы юго-запада и в первую очередь — виконты Беарна.

В случае если бы этим ограничивался круг участников борьбы между Плантагенетами и Капетингами за континентальные владения, их соперничество следовало бы рассматривать как локальное явление в международной жизни Западной Европы. Однако это было не так. Наметившаяся еще во второй половине XII в. тенденция к расширению круга государств и феодальных правителей — участников англо-французской борьбы усилилась и к середине XIII в. стала ярким фактором функционирования формирующейся системы международных отношений в западноевропейском регионе.

При всей сложности внутреннего положения в Англии в начале правления Генриха III и невзирая на неудачи во Франции английская корона сумела уже в конце 20-х гг. уделить особое внимание своему давнему потенциальному

союзнику — Фландрии. Прежде всего было восстановлено практиковавшееся с конца XII в. принесение графом Фландрским оммага английскому королю за денежный феоде размером 500 марок в год. И не случайно во время англо-французского вооруженного конфликта 1230 г. граф Фландрский принял участие в оппозиции против Бланки Кастильской. В течение 40—50-х гг. — времени безусловного преобладания французского политического влияния во Фландрии — неоднократно повторялась церемония принесения графом частного оммага в пользу откровенно враждебного Франции английского короля. Это само по себе несомненно было свидетельством неокончательной утраты духа политической независимости Фландрии, официально признававшей свой статус вассала французской монархии. Кроме того, именно в 30—50-х гг. XIII в. источники впервые отчетливо отразили растущие торговые связи английских купцов с крупнейшими фландрскими городами при поддержке короля Англии. Документы содержат подтверждение взаимной свободной торговли, покровительственные грамоты и т. п.²² В 1239 г. Генрих III поручил своим представителям в курии римского папы защищать интересы графа Фландрского, что безусловно было свидетельством определенной политической близости. Причем наличие таких контактов в тот момент было особенно важно для Англии, поскольку Генрих III готовил очередное вооруженное выступление с целью возвращения отвоеванных Францией владений на континенте. Во время англо-французского конфликта 1242—1243 гг.

граф Фландрский не поддержал английского короля в борьбе против своего непосредственного сеньора. Причиной этого, видимо, была междоусобная борьба претендентов на графский титул из рода д'Авенон и Дампьеров (последних поддерживала Франция).

Однако сразу же после заключения перемирия в 1244 г. граф прислал Генриху III помощь для войны в Шотландии. Дампьеры, которых поддерживал Людовик IX (по приговору его «третьейского суда» Фландрия в 1246 г. прочно закрепилась за их родом), стремились быть действительно верными вассалами Франции. Поэтому косвенное участие Фландрии в англо-французской борьбе в 1244 г. на стороне Генриха III, вероятно, объяснялось и возросшими торговыми интересами городов, и ее стремлением сохранить хотя бы тень независимости, поддерживая французского противника не во Франции, а на территории третьей страны — Шотландии.

Таким образом, на завершении первого этапа англо-французских противоречий графство Фландрское, игравшее в них со второй половины XII в. заметную проанглийскую роль, несколько переориентировалось под французским давлением, но не вышло из игры до конца.

Заметную роль в международной жизни Западной Европы 30—50-х гг. XIII в. продолжали играть противоречия между германскими императорами и папством. Их очередное обострение произошло при Фридрихе II Штауфене, который стал императором в 1220 г. Соединение нескольких корон (германский король с 1212 г., сици-

лийский — с 1197 г., король Иерусалимского королевства в 1229—1230 гг.) существенно подкрепляло универсалистские устремления внука Фридриха I Барбароссы. Соответственно эти же обстоятельства обостряли обычную настороженность папства и обусловили глубокие противоречия Фридриха II с Григорием IX и Иннокентием IV. Англо-французское соперничество, естественно, не могло не привлечь внимания борющихся сторон как резерв потенциальной международной поддержки. Правители Англии и Франции также уже имели за плечами опыт сближения своих предшественников с императорами и папством в критических обстоятельствах. К тому же ценные для Фридриха II политические контакты с французской монархией возникли еще в период его утверждения на престоле при Филиппе II Августе. Тем не менее английская монархия не теряла надежды восстановить разрушенное бувинским поражением сближение с империей. Как отмечалось выше, уже в 20-х гг. XIII в. Генрих III неоднократно обращался к Фридриху II с предложением «дружбы». Эта дипломатическая активность не привела тогда к реальным результатам. После английского поражения во Франции в 1230—1231 гг. союз с Генрихом III, видимо, представлялся бесперспективным, и в 1232 г. Фридрих II пошел на заключение официального союзного договора с Людовиком IX.

Содержание договора показывает, что он был, скорее всего, только уступкой французскому королю, который воспользовался трудным положением германского императора. Фридрих II, заня-

тый сложной борьбой с Ломбардской лигой* и папством, вступил в соглашение, не сулившее ему никакой выгоды. Обязательства давал только император, который в ответ на «дружбу и союз» с Францией обещал «не заключать никакого соглашения с английским королем без согласия короля Франции». В этом условии отчетливо отразилось, что Людовик IX опасался сближения Англии с империей. И более того — договор 1232 г. демонстрирует утверждение англо-французских противоречий в качестве признанного заметного фактора развития международных отношений в Западной Европе.

И все же союзный договор 1232 г. не предотвратил политических контактов Фридриха II с английской монархией. Они начались уже в 1235 г. и привели в 40-х гг. к взаимной военной (а со стороны Англии, видимо, и финансовой) помощи. Реальной основой этого были интересы, проистекавшие из внешнеполитических трудностей и неудач. В союзе же с Францией этот момент с ее стороны полностью отсутствовал. Людовику IX не требовалось от императора больше, чем признание «дружбы и союза», что, кстати, укрепляло политический авторитет выдвигавшейся на роль международного лидера Франции. Фридриха II не могло особенно привлекать ни лидерство французской монархии, ни союз без реальных практических результатов. В итоге уси-

* Ломбардская лига — союз городов Ломбардии (Северная Италия) в XII—XIII вв., созданный для борьбы с императорами Священной Римской империи, стремившимися установить свое господство в ломбардских городах.

лия английской политики, направленные на сближение с Германской империей (естественно, в противовес Франции), начали приносить плоды. В 1235 г. была достигнута договоренность о династическом браке между Фридрихом II и сестрой Генриха III. Хотя в официальных документах говорилось только о браке, антифранцузская направленность этого шага, видимо, была совершенно очевидной. Во всяком случае, английский хронист пишет, что император обещал Генриху III помощь против Франции²³. Обещания были, по-видимому, взаимными, так как уже в 1237—1238 гг. в ответ на официальное обращение Фридриха II к Англии за помощью против ломбардских городов ему были выделены денежные средства и войско во главе с сенешалом* Гаскони. В борьбу Фридриха II с папой Англия вмешиваться явно избегала, несмотря на призывы императора отказаться от сбора крестоносной подати и т. п. При этом Генриху III все же удавалось сохранять союзные отношения с императором.

Летом 1242 г. английский король начал войну с Францией в Гаскони, используя как основание для вооруженного выступления нарушения перемирия с французской стороны. Это была очередная и последняя попытка Генриха III вернуть утраченные владения во Франции. В отличие от выступлений 30-х гг., английский король вновь обеспечил себе международную поддержку. Его союзниками считались германский император и граф Тулузский, короли Кастилии и

* Сенешал — в южной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства).

Арагона. Судя по отражению этой очередной неудачной для Англии войны в источниках, Генрих III наиболее реально рассчитывал на поддержку Фридриха II. Во всяком случае, сразу же после своего поражения при Тальебуре английский король направил из Бордо письмо императору со «смягченным» описанием своей военной неудачи. Генрих III попытался представить победу французов как случайность, объясняющуюся действием отдельных предателей, а свое похожее на бегство отступление к Бордо — как цепь оборонительных сражений. Все эти дипломатические уловки, как и многочисленные переговоры с Фридрихом II накануне конфликта 1242 г., оказались в конечном счете безрезультатными для Англии. Политические шаги германского императора, направленные на сближение с английским королем, были продиктованы частными интересами и неудачами в Северной Италии. Как показало недалекое будущее, западноевропейские государства к середине XIII в. вступили в стадию зрелости, на которой личные цели правителя не могли быть определяющими при расстановке сил на международной арене. Будущее принадлежало тем союзам, которые вырастали из глубокой общности государственных (или условно говоря для данной эпохи — «национальных») интересов.

В течение 30—50-х гг. XIII в. наиболее серьезные основания для создания подобного союза продолжали существовать и укрепляться во взаимоотношениях между Францией и Шотландией. И по-прежнему это было самым непосредственным образом связано с англо-французски-

ми противоречиями. В эти относительно спокойные десятилетия Шотландское королевство продолжало ощущать реальную угрозу самому своему существованию со стороны южного соседа. Однако все это не уничтожило угрозу шотландской независимости. Изменились методы английской политики. На смену грубому давлению и экспансии пришел политический нажим в русле межгосударственных отношений. Потенциальный шотландский союзник Франция проявила в начале XIII в. определенную сдержанность в отношении интересов Шотландии (договор в Ламбете 1217 г., как отмечалось выше, предоставил маленькое северное королевство его собственной судьбе). На какое-то время французским королям, видимо, представилось, что решение их разногласий с Англией практически достигнуто и не за горами полная победа над давним соперником. В результате, как свидетельствуют источники, Шотландия до 90-х гг. XIII в. практически выпала из поля зрения французского двора. Между тем английское давление и угроза независимости Шотландского королевства сохраняли силу. Периодически поднимался вопрос о вассальном статусе Шотландии и продолжались споры из-за пограничных областей. Наконец в 1237 г. шотландский король Александр II был вынужден пойти на подписание Йоркского договора, по которому Шотландия отказывалась от притязаний на графства Нортумберленд, Кемберленд и Вестморленд. Это было серьезное дипломатическое поражение и отступление в борьбе с давним и опасным политическим соперником.

По всей видимости, очередное усиление английской опасности заставило шотландский двор вновь обратить свои взоры к Франции. В 1239 г. Александр II предпринял шаг, казалось бы, исключительно частного, даже личного характера. Овдовевший король Шотландии вступил в брак с дочерью одного из крупнейших французских феодалов — Ангеррана де Куси. Однако если учесть, что до этого его женой была сестра Генриха III, то этот династический брак безусловно выглядел демонстративно. В условиях непрекращающейся англо-французской борьбы из-за континентальных владений шотландский король, считавшийся вассалом Англии, укреплял связи с английским врагом самыми прочными для своего времени династическими узами. Международный аспект, несомненно, присутствовал в ряду причин, которые в 1244 г. привели к очередному англо-шотландскому конфликту.

О причинах конфликта весьма откровенно «проговорился» английский хронист Матвей Парижский. Он считал, что во всем виновен шотландский король, который не желал признать хотя бы частичный вассалитет в отношении английской короны. Он отмечал также тот факт, что «между королями Шотландии и Франции существовала тесная дружба и союз, скрепленный браком»²⁴. Это высказывание автора официальной английской хроники убедительно свидетельствует о том, как был воспринят современниками «французский брак» Александра II. Однако Франция в 40—50-е гг. XIII в. не сделала реальных шагов для укрепления связей с Шотландией, оставив ее, как и в начале столетия, один на

один с сильным противником. Причиной этого, видимо, были успехи в борьбе за юго-запад, растущий международный авторитет Людовика IX, который готовился закрепить его активным участием в крестоносном движении. Внутреннее и международное положение Франции решительно переменилось со времен Людовика VII или начала правления Филиппа II, которые были вынуждены искать помощи у небольшого северного королевства. В результате международные позиции Шотландии оказались ослабленными, и она начала отступать под давлением английской монархии. После короткого вооруженного конфликта 1244 г. Александр II подтвердил условия Йоркского договора 1237 г. о пограничных областях, обещал не вступать во враждебные Англии союзы (вполне очевидно, что речь шла о Франции) и женить своего наследника на дочери английского короля.

Право сильного составляло существо англо-шотландских отношений со времени нормандского завоевания. С переходом шотландского престола к малолетнему Александру III, которому был навязан брак с дочерью Генриха III, английское вмешательство в дела Шотландии стало носить почти неприкрытый характер. Под видом заботы о дочери английский король внедрял своих ставленников в королевское окружение и требовал принесения «тесного оммажа», что означало бы превращение Шотландии в зависимое владение Англии. Шотландский двор апеллировал к римскому папе, искал юридических зацепок, но сила была на английской стороне, и отступление продолжалось. В 1255 г.

шотландский парламент был вынужден признать правомочность вмешательства английского короля во внутренние дела Шотландии. Политическое давление со стороны английской монархии затрагивало интересы всех слоев населения Шотландии. Для феодальной верхушки рост английского влияния означал утрату власти и доли доходов (например, в пограничных областях), для массы городского и сельского населения — дополнительные поборы (как, например, в свое время на крестоносные предприятия Ричарда I или при Генрихе III на осуществление его честолюбивых замыслов в Италии). Кроме того, далеко зашедший процесс формирования шотландской народности усиливал социально-психологические мотивы сопротивления политике Англии. В итоге успехи английской монархии в политической борьбе с Шотландией, достигнутые к середине XIII в., никак не были окончательными и бесспорными. По мере нарастания нажима росло сопротивление с шотландской стороны. А значит, росли основания для франко-шотландского сближения при условии появления у Франции такой потребности. До начала XIII в. пиренейские страны были далеки от участия в соперничестве двух западноевропейских монархий, хотя оно все более выдвигалось в центр международной жизни региона. Государства Пиренейского полуострова были поглощены процессом Реконквисты, который до начала XIII в. еще не принял необратимо победоносного характера. По мере освобождения северной части полуострова государства, расположенные на границе и вблизи английской Гаскони (На-

варра, Кастилия, Арагон), начинали ощущать интерес к взаимоотношениям с соседями — то есть с Францией и Англией, владевшей французским юго-западом. Кроме того, в связи с усилением христианских государств полуострова обострились их противоречия друг с другом, возникали территориальные проблемы и назревал вопрос о лидерстве. Во второй половине XII — начале XIII в. позиции Англии за Пиренеями были бесспорно прочнее французских. Первой серьезной английской неудачей было обещание Генриха II передать кастильскому королю Гасконь после смерти Алиеноры Аквитанской. Естественно не выполненное преемниками Генриха, оно серьезно омрачало отношения между Англией и Кастилией, но в начале XIII в. это еще не привело к окончательному их обострению. В 20-е гг. появились признаки ухудшения отношений между английской монархией и Наваррой. Это небольшое королевство во времена Генриха II и Ричарда I было основной опорой Плантагенетов за Пиренеями. Союз с Англией помогал правителям Наварры сохранять самостоятельность и авторитет в условиях растущего влияния соседних королевств Кастилии и Арагона. Однако в XIII в. возникли трения между городами английской Гаскони (прежде всего Байонной) и Наваррским королевством. Можно предполагать, что здесь столкнулись торговые интересы. Кроме того, определенную лепту, вероятно, внесли политические усилия Кастилии, стремившейся утвердить свое влияние в английской Гаскони, на которую правящий дом получил династические права. После неудавшей-

ся попытки Кастилии овладеть Гасконью в самом начале XIII в. вооруженным путем кастильская монархия продолжала действовать в этом же направлении с помощью дипломатии. Одним из результатов кастильской политики могло быть возникновение трений между Англией, Наваррой и коммуной Байонны. Во всяком случае, в 20-е гг. XIII в. король Наварры предупредил Генриха III, что Байонна «неверна Англии» и готова перейти на сторону Кастилии. В ответ на это коммуна Байонны сообщила английскому королю, что имеет основания подозревать короля Наварры в сближении с королем Франции.

В 30-е гг. между Наваррой и Англией возникли уже открытые разногласия, потребовавшие специальных переговоров и дипломатического урегулирования. Это стало особенно важным не только из-за расположения Наварры на границе Гаскони, но и в связи с утверждением на наваррском престоле французской династии графов Шампани (1234). Последнее произошло конечно же не без влияния Франции, которая начинала укреплять свои связи и политические контакты со странами Пиренейского полуострова. В 40-е гг. трения между Англией и Наваррой привели к частным вооруженным конфликтам в Гаскони, которые были быстро урегулированы и завершились договором об «устранении всех разногласий» (1249). Такое изменение характера отношений между двумя монархиями трудно не связать с усилением французского влияния в Наварре, а следовательно — с началом воздействия англо-французских противоречий на пиренейские стра-

ны. Это получило окончательное подтверждение в 50-е гг. XIII в.

В 1252 г. кастильский трон перешел к Альфонсу X — крупному государственному деятелю, оставившему заметный след в истории Кастилии и Западной Европы. Альфонс X в первый же год своего правления возродил притязания на английскую Гасконь. Учитывая сложную ситуацию в этом последнем владении Англии, превратившемся в яблоко раздора между английской и французской монархиями, демарш кастильского короля не мог быть расценен иначе как крайне опасный для Англии. Слухи о готовящемся кастильском вторжении распространились в обстановке широкого недовольства английской властью на юго-западе, активизации оппозиции во главе с фактически независимым Гастоном Беарнским. Генрих III немедленно предложил Альфонсу X переговоры о союзе, о котором он «страстно мечтает»²⁵. Полное согласие короля Кастилии на мирное урегулирование конфликта, видимо, объясняется несколькими причинами. Во-первых, добровольный отказ Альфонса X от владений, которые он имел только теоретически, был не бескорыстным. В самом тексте англо-кастильского договора (март 1254 г.)²⁶ этот момент обойден молчанием. Но в одном из более поздних писем Генриха III есть данные о том, что по условиям «союза» Альфонс X получает деньги из гасконских доходов²⁷. Зная, какие грандиозные политические планы вынашивал кастильский король, нетрудно понять, что реальные деньги были ему в тот момент дороже юридических прав на Гасконь. Второе обстоятельство, которое могло

подтолкнуть Кастилию к мирному урегулированию и «вечному союзу» с Англией, было связано с резким обострением в середине XIII в. противоречий между пиренейскими государствами. В 50-е гг. возникали пограничные конфликты между Кастилией и Португалией, Кастилией и Наваррой, которую поддержал традиционно связанный с ней Арагон. В этом клубке противоречий потенциальная английская помощь из соседней Гаскони должна была представляться весьма соблазнительной. Альфонс X даже обещал за нее в случае победы какие-то владения в Наварре, на которые претендовал Генрих III. В 1255 г. Альфонс X уже обратился к английскому королю за конкретной военной поддержкой против Арагона. На едва стабилизировавшиеся англо-кастильские отношения охлаждающе повлияло то, что реальной поддержки кастильскому королю Генрих III не оказал. Правда, в том же году английский двор вежливо, но определенно отклонил арагонское предложение союза. Предоставить же Альфонсу X войско из Гаскони было в тот момент практически невозможно из-за продолжающихся антианглийских выступлений, недавно постоянно подогреваемых самим кастильским королем. В конфликте пиренейских королевств Генрих III все же принял дипломатическое участие, выступив в 1257 г. в роли посредника на кастильско-арагонских переговорах и, вероятно, поспособствовав несколько большему успеху Кастилии. Таким образом, англо-кастильские отношения были в середине XIII в. урегулированы и юридически оформлены договором 1254 г. Однако это положение едва ли можно было расцени-

вать как прочное. Гасконские притязания кастильской короны могли быть возобновлены с такой же относительной легкостью, с какой Альфонс X снял их. Тем более что сепаратистские настроения гасконских феодалов сохраняли для этого благоприятную почву. Не случайно после заключения договора с Генрихом III кастильскому королю пришлось подтвердить свое примирение с Англией в специальном обращении «к викариту Беарна, баронам, рыцарям и приорам Гаскони»²⁸. Кроме того, Альфонс X стал первым кастильским правителем, который решительно включился в западноевропейскую «большую политику». В 1256 г. он выдвинул претензии на корону Германской империи, в борьбе за которую участвовал также брат английского короля Ричард Корнуоллский. Франция, естественно, поддержала короля Кастилии. Все эти моменты усложняли англо-кастильские отношения и не сулили в будущем их особенной прочности.

Было бы удивительно, если бы Франция совсем не прореагировала на усиление роли пиренейских государств в орбите английской политики. Определенные шаги, конечно, предприняты были, но по сравнению с английскими контактами за Пиренеями они были явно слабы. Французский двор ограничился укреплением династических связей: дочь Людовика IX была выдана за короля Наварры, а сын (будущий Филипп III) женился на Изабелле Арагонской. Как и в ситуации с Шотландией, можно отметить, что французская монархия в первой половине XIII в. не искала союзников для борьбы против Англии. По всей видимости, трудная для англичан обста-

новка в Гаскони, неизменные поражения в военных конфликтах с Францией, назревающий очередной внутренний кризис в Англии дали основания считать Генриха III практически побежденным. Основные усилия французский король направил на крестовые походы и приобретение авторитета миротворца и третейского судьи в делах других государств.

Таким образом, пиренейские государства в течение первого этапа долгой истории англо-французских противоречий были лишь слегка затронуты этим фактором международной жизни Западной Европы. Однако географическое положение государств Пиренейского полуострова на границе последней спорной территории уже само по себе давало основания предполагать реальность их включения в англо-французскую борьбу в будущем. В этом же направлении действовал и фактор усиления противоречий между окрепшими пиренейскими королевствами.

Определенную лепту в развитие отношений между Англией и Францией в первой половине XIII в. внесло папство. В начале этого этапа римские папы, как было показано выше, участвовали в развитии англо-французских противоречий достаточно часто и активно. Исходя из реальной расстановки сил, папы преимущественно действовали против интересов английской короны, способной претендовать на политическое лидерство в регионе. К 30-м годам XIII в. ситуация существенно изменилась. Международные позиции Англии были ослаблены, в то время как французская монархия решительно выдвинулась на роль ведущей политической

силы. Это заметно повлияло на политику папства в международной жизни, в частности — в отношении англо-французского соперничества. Уже в 30-х гг. папа Григорий IX начал оказывать поддержку некоторым политическим действиям английского короля. Традиционно лояльное отношение римской курии к Шотландии (как противовесу излишне влиятельным и властолюбивым Плантагенетам) не проявилось в трудной для шотландского короля борьбе за пограничные графства. Григорий IX потребовал, чтобы Александр II выполнял условия навязанного ему Англией Йоркского договора 1237 г. Однако в ситуации, предельно опасной для шотландской независимости, когда в 1251 г. Генрих III потребовал признания вассальной зависимости Шотландии от английской короны, папство его не одобрило. Ведь это могло полностью уничтожить политический «противовес» Англии на Британских островах. В середине 30-х гг. папа неожиданно одобрил брак германского императора Фридриха II и сестры английского короля. В письме Людовику IX папа просил, чтобы французский король «не подозревал в этом брачном союзе какой-либо опасности для себя», поскольку он сам оговорил с императором сохранение «древней дружбы с Францией, которая сложилась при предшественниках французского короля»²⁹. Опасаясь союза своего основного противника — Фридриха II — с излишне усилившейся Францией, Григорий IX, таким образом, способствовал его сближению с английским королем. К тому же это могло вовлечь императора в давнюю и ожесточенную англо-французскую

борьбу, что, естественно, было бы на руку папству.

Наиболее ярким примером политического лавирования папства, рассчитанного на столкновение феодальных государств в международных делах, было в этот период так называемое «сицилийское дело». Воспользовавшись сложностью вопроса о престолонаследии в Сицилийском королевстве после смерти короля Конрада, папа Александр IV начал торг, сделав сицилийскую корону еще одним яблоком раздора между Англией и Францией. В борьбу за сицилийский престол включились Генрих III и Людовик IX. Первым претендентом в 1254—1258 гг. был младший сын английского короля Эдмунд. Для Генриха III участие в «сицилийском деле» имело, по-видимому, принципиальный характер. Удача в этом вопросе могла бы выглядеть хотя бы частичной компенсацией за серию военных и политических поражений в борьбе с Францией. К тому же традиции универсалистской политики английской монархии, заложенные Генрихом II, еще отнюдь не отошли в прошлое. Практически все действия Генриха III в международных делах были погоней за призраком огромной «империи» его деда, что объективно шло вразрез с традиционной централизаторской политикой в самой Англии. Английский король дал римскому папе многочисленные обещания в обмен на предполагавшуюся коронацию Эдмунда: были обещаны деньги и военная помощь папе в Италии (значительную часть денег Англия успела выплатить до того, как папа изменил свои намерения в отношении Эдмунда). Считая, что альянс с папс-

кой курией таким путем гарантирован, Генрих III стал через своих послов в Риме ходатайствовать о привилегиях для английской церкви и получил оскорбительный отпор. Александр IV недвусмысленно дал понять, что помнит английское поражение в соперничестве с Францией и расценивает положение английского короля как приниженное. Как сообщили послы, папа «иронически и в поношение королю» сказал: «Почему он (король Англии. — Н. Б.) не требовал так ревностно привилегий для английской церкви, когда был герцогом Нормандским?»³⁰.

«Сицилийское дело» фактически стало одним из проявлений англо-французского соперничества. Параллельно с английским принцем Эдмундом претендентом на вакантную европейскую корону выступил брат французского короля Карл Анжуйский. Крайне честолюбивый и энергичный принц был очень опасен для Людовика IX. Это отчетливо ощутила королева Бланка Кастильская во время отсутствия короля, отправившегося в 1248 г. в крестовый поход на Восток. К началу 50-х гг. основные лидеры феодальной оппозиции во Франции были обезврежены наиболее надежным способом — они получили из рук короля высокие титулы и богатые владения. Граф Тибо Шампанский стал королем Наварры, брат Людовика IX Альфонс — графом Пуату. Честолюбие другого брата — Карла Анжуйского — требовало наиболее серьезного удовлетворения. Корона Сицилии вполне соответствовала этой потребности. Начиная с 1256 г. в английских дипломатических документах ощущается растущее беспокойство по поводу «сицилийского дела». В од-

ном из писем Генриха III прямо говорится о том, что в борьбе за корону Сицилии ему мешают «интриги Франции»³¹. А уже в 1258 г. Александр IV изменил свои намерения и поддержал кандидатуру Карла Анжуйского. Это было серьезное достижение Франции в международных вопросах, имевшее большое значение и для внутреннего положения страны. На ближайшее десятилетие Карл Анжуйский был глубоко поглощен войной за корону в Италии и перестал представлять внутреннюю опасность для короля. Вместе с тем авторитет Франции на международной арене, высоко поднятый Филиппом II и Людовиком IX, укрепился еще более. Главной причиной, по которой римский папа поддержал в данном вопросе французскую монархию, была, по-видимому, активная крестоносная деятельность Людовика IX. А кроме того, в «сицилийском деле» в очередной раз как в капле воды отразилось самое существо международной роли римской курии.

Давнее соперничество между Плантагенетами и Капетингами было превосходной почвой для осуществления международной политической линии римской курии — линии, рассчитанной на ослабление более сильного соперника и призывы к миру в случае слишком очевидного преобладания одной из сторон. Исходя из этой закономерности поведения папства в международных делах, на первый план выдвигалось столкновение римской курии с французской монархией, которая в течение первой половины XIII в. приобрела совершенно необычайный международный вес.

Политика Людовика IX в международных вопросах требует особого внимания, поскольку именно она во многом определила завершение первого этапа в истории англо-французского соперничества. Фундаментом той особой роли в международных делах, которую удалось взять на себя французскому королю в 40—50-е гг. XIII в., были большие достижения королевской власти в борьбе за централизацию и укрепление государства во Франции. Широко известные реформы Людовика IX, его усилия по совершенствованию местного управления развили и закрепили централизаторскую деятельность Филиппа II. Победы последнего в соперничестве с Англией и присоединение огромных владений английской короны были в начале XIII в. одним из слагаемых его внутривластного успеха. Людовик IX стал подлинным продолжателем дела Филиппа II Августа во Франции. Однако его политические методы во многом отличались от политики короля Филиппа II. Во всяком случае, в решении давней проблемы английских владений на континенте он занял иную позицию. Она вытекала из характера всей внешнеполитической деятельности Людовика IX. Его знаменитый предшественник во взаимоотношениях с английской монархией шел от тактики сложного дипломатического лавирования и хитроумных интриг к открытой непримиримой вооруженной борьбе первых лет XIII в. Людовик IX, получив в 1226 г. корону Франции во время очередного военного конфликта в английской Гаскони, прошел через серию вооруженных столкновений с Англией на юго-западе и приложил немалые усилия к мир-

ному урегулированию англо-французских отношений.

Парижский мир 1259 г., в котором было зафиксировано дипломатическое решение спорных вопросов, стал важной вехой в истории отношений между Францией и Англией. Его условия свидетельствовали о качественно новом этапе в развитии англо-французских противоречий. Поэтому история заключения этого договора и его содержание требуют пристального внимания. Однако прежде необходимо остановиться на особенностях французской внешней политики при Людовике IX.

Как известно, этот правитель Франции снискал себе славу миротворца и благочестивого сына церкви своими неутомимыми усилиями по примирению христианских государств и борьбой против «неверных» на Востоке. Неудачи его крестоносных предприятий, которые не дали Франции ничего реального, кроме уплаты огромного выкупа египетскому султану (1250), подчас приводят к тому, что исследователи оценивают внешнюю политику Людовика IX как неудачную в целом. Нам она видится несколько по-иному. Грань, разделяющая внутреннюю и внешнюю политику, чрезвычайно трудно различима, во всяком случае в таком малом масштабе, как деятельность одного правителя. Вполне естественно, что правилом является сочетание успехов внутривосточных и международных. Ярким примером такого рода были Генрих II в Англии или Филипп II во Франции. Людовик IX, добившийся бесспорно очень многого во внутренних делах, не представляет, на наш взгляд, исключения из

упомянутого правила. Его задачей было утверждение международного лидерства Франции в Западной Европе. В XI—XII вв. французская монархия никак не могла претендовать на такую роль. Подобные вопросы занимали тогда германских императоров и первых английских Плантагенетов. К середине XIII в. усиление Франции стало вполне очевидным. Потеснив английскую монархию, она начала выдвигаться на первые роли в международной жизни. Авторитет миротворца и убежденного поборника христианства был в тот момент очень важен для французского короля. Неудачи в борьбе с «неверными» не унижали его в глазах современников, а даже возвышали как мученика в борьбе за веру. Не будь неудачного Седьмого крестового похода, Людовик IX едва ли сумел бы занять с благословения папства совершенно особое место в международной жизни западноевропейского региона. Конечно, речь может идти лишь о Западной Европе, но в ее пределах роль французского короля была очень заметной. Без всяких военных затрат ему удалось оказать влияние на дела ряда стран и полунезависимых владений, выступая в качестве третейского судьи (во Фландрии, Геннегау, Кастилии, Наварре, Бургундии, Шампани и... Англии). Нужны были многолетние серьезные усилия по созданию уникального в своем роде авторитета признанного «справедливого арбитра» в делах других стран, чтобы с благословения папства получить право в обстановке гражданской войны в Англии «объективно» судить о правоте и неправоте давнего соперника — английского короля Генриха III («Амьенская миза»

23 января 1264 г.). И нужны были особые политические мотивы для того, чтобы приговор был полностью на стороне короля, который находился в тот момент в критической ситуации. Людовик IX не воспользовался благоприятным моментом для ослабления Англии, поскольку направленное на это решение разрушило бы его политическую концепцию, которая складывалась десятилетиями. Главное ее существо заключалось в утверждении высокого и непререкаемого авторитета королевской власти. Борьба за это составляла основное содержание политической деятельности Людовика IX. Этот незыблемый авторитет французский король стремился использовать в международных делах, проводя политику укрепления «имперских позиций» Франции без помощи войн. Именно эта концепция объясняет, на наш взгляд, условия Парижского мира 1259 г., который завершил первый этап в истории англо-французского соперничества.

Итак, какие же причины вызвали к жизни самую идею мирного урегулирования англо-французских противоречий на континенте и какая из сторон была в этом заинтересована? Английская монархия в борьбе за континентальные владения не знала побед практически с начала XIII в. Тем не менее ни Иоанн Безземельный, ни Генрих III не признавали факта утраты Англией львиной доли «анжуйского наследия». Традиция «семейного» отношения к континентальным владениям, оценка их потери как следствия домашних неурядиц пережила столетие и по-прежнему определяла многое в международной политике Плантагенетов. Так, в 1252 г.

Генрих III в очередной раз предъявил абсурдное при тогдашней реальной расстановке сил требование возвращения оккупированных Францией земель. Лишь при этом условии он был готов дать согласие на участие в крестовом походе. Конечно, это было чисто декларативное заявление, но оно свидетельствовало о позиции английской монархии. Нормы средневекового права и морали были на ее стороне, так как Нормандия, Анжу, Мен, Турень и Пуату принадлежали Плантагенетам на основе наследственного права, а к Капетингам перешли в результате завоевания. Другое дело, что у английской монархии в середине XIII в. не было реальных возможностей для возвращения этих территорий. Более того, за прошедшие десятилетия эти области, генетически связанные с Францией, достаточно прочно вошли в ее состав. Французские короли, начиная с Филиппа II Августа, приложили немалые усилия к тому, чтобы закрепить свои позиции в бывших английских владениях и заручиться поддержкой их населения, крупных землевладельцев и горожан. Так что вопрос о возвращении Англии Нормандии, Мена, Анжу, Турени и Пуату фактически перешел из практической плоскости в область умозрительных рассуждений. Реальное столкновение интересов происходило на юго-западе. Здесь, как уже говорилось, в 20—40-е гг. произошли военные столкновения, все неудачные для Англии. Кроме того, все больше распространялись подогреваемые Францией (в середине 50-х гг. еще и Кастилией) антианглийские настроения и вспыхивали локальные выступления отдельных

крупных феодалов. Начиная с 1243 г. между Англией и Францией официально существовало перемирие, которое после бесконечных переговоров продлевалось в 1247, 1249, 1256 гг. Важно отметить, что это было именно перемирие, а не мир. Мирного договора, который содержал бы юридическое решение проблемы континентальных владений Англии, не существовало со времени их утраты в начале столетия при Иоанне Безземельном и Филиппе II Августе. Фактически они были признаны договором в Ламбете 1217 г. Однако он был нарушен конфликтом 1223 г., и с тех пор Английское и Французское королевства юридически постоянно находились в состоянии войны, периодически прерываемой перемириями. Более или менее прочный мир был возможен лишь на основе какого-то официального соглашения относительно утраченных английской монархией земель и сохранившейся под ее властью области на юго-западе Франции.

К середине 50-х гг. XIII в. в Англии, по-видимому, была осознана невозможность реального возвращения древних владений Плантагенетов. К этому заключению подводила и бесконечная цепь военных неудач на юго-западе, и ослабевшие международные позиции английской монархии. Существенным слагаемым в этом комплексе факторов было новое обострение внутривнутриполитической ситуации.

В 1257 г. страна вновь оказалась на пороге гражданской войны. Помимо известных внутренних причин острое недовольство политикой Генриха III было вызвано его международными неудачами. В частности, непосредственным толч-

ком к принятию «Оксфордских провизий»* явилось широкое возмущение участием короля в бессмысленной для Англии борьбе за сицилийскую корону и финансовыми требованиями в этой связи. Универсалистские устремления монарха, когда-то воспринимавшиеся как должное, перестали в середине XIII в. быть чисто королевским делом. Возросшая зрелость и сила сословий проявилась, в частности, в том, что они высказали свое суждение о международной политике — то есть по вопросу, который прежде был исключительной прерогативой короны. В условиях фактически начинающейся гражданской войны, растущей силы оппозиции, которая не без трудностей, но все же объединяла баронов, рыцарей и горожан, мир в Гаскони был нужен Генриху III позарез.

Францией также осознавалась необходимость юридического урегулирования проблемы бывших и сохранившихся английских владений. По мере укрепления позиций королевской власти это ощущалось все более остро. Постоянная угроза, исходящая из английской Гаскони, стала резким диссонансом относительно стабильному внутривнутриполитическому положению в стране. Это отчетливо звучит в хронике такого наблюдательного и осведомленного современника, как Жан Жуанвиль. Советник Людовика IX и его спутник в крестовом походе, этот автор получал информацию из первых рук. Среди событий 1250 г. он отмечает, что французский король получил под Акрой письмо

* «Оксфордские провизии» — постановления, принятые в 1258 г., которые ограничили королевскую власть и установили баронское правление.

из Франции от Бланки Кастильской. Она сообщала о «большой опасности для королевства, так как не существует ни мира, ни перемирия с королем Англии»³². Начавшиеся по инициативе Франции переговоры, вероятно, внушили англичанам какие-то иллюзии, поскольку в официальной хронике Матвея Парижского появилось сообщение о готовности Людовика IX вернуть Англии утраченные земли за помощь на Востоке. Правда, хронист сразу же оговорился, что этому, видимо, не суждено было состояться, так как против такого решения возражала французская знать. Эти свидетельства очевидцев при всех возможных неточностях и субъективной расстановке акцентов говорят о том, насколько к середине XIII в. назрел вопрос об урегулировании отношений между Капетингами и Плантагенетами.

Причиной особой остроты этой международной проблемы были большие достижения централизаторской политики королевской власти в обеих странах. Авторитет центральной власти утвердился как высшая административная и политическая инстанция. Нерешенность и нечеткость в англо-французских отношениях стали серьезной помехой на этом пути. Юридические права и притязания Плантагенетов, постоянно мятежная и неустойчивая английская Гасконь угрожали внутренней стабильности Французского королевства. Унизительные поражения на юго-западе и лишенные реальной основы безответные требования возвращения бывших «анжуйских владений» подрывали авторитет королевской власти в Англии. Видимо, это хорошо осознавали обе стороны, и с 1254 г., судя по многочисленным сообщениям са-

мых разных источников, началась активная подготовка условий «окончательного мира» между Англией и Францией.

Первым шагом в этом направлении можно считать визит английской королевской четы в Париж. Встреча королей была представлена как абсолютно семейное дело (Генрих III и Людовик IX были женаты на сестрах — дочерях графа Прованса и герцогини Савойской). Однако сразу после этого визита начали предприниматься шаги к урегулированию англо-французских отношений. Наместником Гаскони был назначен принц Эдуард, развернулись переговоры не о продлении перемирия, а о мире между королевствами. Наконец к весне 1258 г. были выработаны основные взаимоприемлемые условия, которые и вошли в Парижский договор, утвержденный в октябре 1259 г.

Этот документ представляет большой интерес и как важная веха в истории англо-французских отношений, и как образец юридического мышления и международной практики эпохи Высокого Средневековья. Вкратце его условия были таковы. Договор уточнял границы английских владений на юго-западе Франции и добавлял к ним несколько стратегически и экономически важных областей (Лимузен, Перигор, Керси). Поскольку эти владения должны были присоединиться к английской Гаскони после смерти их сеньора графа Пуатье, Генрих III получал до тех пор право на доходы от богатого Аженэ. Кроме того, английскому королю должна была быть немедленно выплачена немалая сумма, необходимая для содержания 500 всадников в течение двух

лет. За что же платила английскому королю Франция всеми этими уступками, в то время как сама идея уступок с ее стороны противоречила в тот момент реальной расстановке сил? Это была плата за предметы, на первый взгляд вовсе не материальные. Прежде всего, английский король и его преемники теряли по договору 1259 г. все свои номинальные права в Нормандии, Анжу, Мене, Турени и Пуату. Свершилось то, что реально сложилось уже полстолетия назад, но не было признано буквой закона и общественным мнением. Не менее важным было и второе условие, принятое Генрихом III. Английский король терял статус сюзерена в тех владениях, которые сохранялись за ним на юго-западе. Он становился герцогом Аквитанским и пэром Франции, а следовательно, вассалом французской короны. Отныне он должен был приносить королю Франции так называемый «тесный оммаж» (*liege homage*). По всем спорным вопросам, связанным с гасконскими делами, ему следовало обращаться в Парижский парламент — курию своего сеньора.

Таким образом, Парижский мир прежде всего фиксировал утверждение королевского сюзеренитета французского короля за счет ослабления европейских позиций английской короны, что, естественно, подрывало и без того пошатнувшийся авторитет Генриха III в самой Англии. Автор одной из английских хроник сообщает, что после отказа от Нормандии и других владений во Франции Генрих III изменил свою печать, заменив в ней изображение меча на скипетр. Это вызвало в Англии широкое недовольство, в

народе распространились стихи критического содержания, где говорилось, что английский король «усиливает Францию». Конечно, современники далеко не всегда бывают объективны и точны в оценке крупных государственных событий. Но в данном случае они справедливо ощутили за внешними конкретными уступками Франции утрату английской короной чего-то более значительного, чем доходы Аженэ или перспектива присоединения к английским владениям Лимузена, Перигора и Керси.

Превращение давнего соперника Франции — английского короля в вассала, конечно, было реальным политическим достижением в рамках мышления и юридических норм эпохи. Людовик IX, по сообщению Жуанвиля, видел главный смысл договора именно в этом. В ответ на возражения тех своих советников, которые не соглашались с расширением английских владений на юго-западе, французский король сказал о необходимости сохранить родственную «любовь» между его детьми и преемниками Генриха III. Но главными, пожалуй, были его следующие слова: «Если же я не поступлю так хорошо, английский король не станет моим вассалом»³³. Итак, Парижский мир безусловно способствовал утверждению королевского сюзеренитета во Франции, где в первой половине XIII в. монархия имела немалые достижения в борьбе за укрепление своих позиций. Метод, использованный в договоре для этой цели, был почерпнут из юридической практики, сложившейся в эпоху раннего Средневековья. Естественная и функционально оправданная в пору формирования со-

словной структуры феодального общества система крупного землевладения должна была неизбежно отмирать по мере роста товарно-денежных связей и усиления государственного аппарата. Введение вассально-ленных связей в отношения между двумя монархиями, которые дальше других зашли в процессе централизации, было в середине XIII в. явным анахронизмом и отзвуком давней семейной драмы. Это неминуемо должно было болезненно отразиться на дальнейшей судьбе англо-французских отношений.

И все же в целом Парижский договор был важнейшей вехой в истории соперничества двух монархий. Именно это соглашение подвело черту под первым длительным этапом в развитии англо-французских противоречий в Западной Европе.

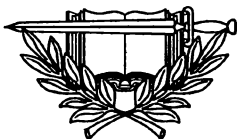
Интересным подтверждением этапного характера событий середины XIII в. в истории отношений Англии и Франции являются свидетельства источников о том, что именно к этому времени современники осознали глубину и непримиримость англо-французских противоречий. Английские хронисты, постоянно уделявшие большое внимание борьбе короны за владения на континенте, начали с 30-х гг. XIII в. проявлять острую враждебность к французам и писать о них как о злейших и опасных врагах Англии. Так, рассказывая о расследовании по делу некоего заподозренного в измене лица, автор официальной Сент-Олбанской хроники писал: «Он был обвинен в том, что вступил в союз с главными врагами короля — французами (*francigenis*), шотландцами и уэльсцами»³⁴. Матвей Парижский отмечал в 1244 г.: «...Всеми миру известно, что франки

(Francis) являются смертельными врагами господина английского короля»³⁵. Верноподданный хронист воспринял эту враждебность и отразил ее в эмоциональных оценках определенных событий. Например, крупные землевладельцы Нормандии, сохранившие в 30-е гг. XIII в. преданность Англии, представлены на страницах хроники как жертвы «высокомерия франков»³⁶. Любопытно, что этот же хронист не только осознал широту масштабов англо-французского соперничества («всему миру известно»), но и ощутил в какой-то степени расстановку сил в происходящей борьбе. Сообщение о женитьбе шотландского короля Александра II на дочери французского «барона» Ангеррана де Куси Матвей Парижский комментирует следующим образом: «И это было вовсе не приемлемо для английского короля; это показало, что Франция враждебна Англии»³⁷. Наконец, в этой же хронике к середине XIII в. (а именно в это время ее автор стал зрелым человеком и видным церковным деятелем) начинает ощущаться растущая значимость англо-французских противоречий в жизни Англии и Западной Европы. В записях за 1245 г. Матвей Парижский (уже аббат Сент-Олбанского монастыря и «государственный человек») отмечает «враждебность королевств Англии и Франции» среди самых важных событий года³⁸, хотя, заметим, в этом году не произошло ничего особенно яркого, а шла уже привычная «позиционная борьба» на юго-западе.

Итак, с какими же итогами подошли два враждующих дома, Капетинги и Плантагенеты, к зениту Средневековья — середине XIII в.? Прежде всего вражда домов превратилась в противо-

стояние двух королевств и стала стержнем, вокруг которого началось стихийное движение феодальных государств в направлении установления «равновесия сил» в западноевропейском регионе. Об этом свидетельствовал процесс образования военно-политических союзов вокруг двух соперников — Англии и Франции. Объективно оба королевства нуждались в стабилизации границ и отказе от вассально-ленных обязательств, ставших в XIII в. явным анахронизмом. Однако человеческая память и природа таковы, что ни в какие эпохи не торопятся ломать себя вслед за меняющейся политической и экономической реальностью. Столетнее противостояние леопарда и лилии соткало нервную ткань повышенной чувствительности и обидчивости во взаимоотношениях Капетингов и Плантагенетов. Главным средоточием этих страстей и эмоций стал в середине XIII в. обломок былой «Анжуйской империи» — английская Гасконь.

Вассальные обязательства английской короны, признанные Парижским договором 1259 г., стали живым воплощением анахронизма, в результате которого английский король был королем у себя дома и французским вассалом на континенте. Этот юридический казус, вполне органичный для раннего Средневековья, сделался взрывоопасным и неприемлемым для меняющегося сознания многих современников. В эпоху, когда категории чести во всех сословиях ценились высоко, хотя и понимались неоднозначно, непроясненность англо-французских отношений на юго-западе Франции сулила в будущем бедствия.

Глава II

ЛЕОПАРД ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ

В истории англо-французских отношений вторая половина XIII — первая треть XIV в. стали новым этапом, переходным между периодом возникновения и закрепления комплекса противоречий и их разрешением в ходе Столетней войны — крупнейшего военно-политического конфликта в Западной Европе эпохи Средневековья. Второй этап в истории англо-французских противоречий был отмечен существенными переменами в развитии международных отношений в регионе. Их наиболее общие черты уже были названы. Казалось, черты «семейной драмы» были полностью вытеснены крепнущим межгосударственным характером противостояния двух монархий в новой эпохе Высокого Средневековья. Однако, как показали события сравнительно недалекого будущего, на пороге Столетней войны давние родственные обиды проявились с прежней остротой и непримиримостью.

А пока, со второй половины XIII в., в центре внимания соперников, бесспорно, оказались ан-

глийские владения на юго-западе Франции. Английский король сохранял титул герцога Аквитанского, статус пэра Франции и вассала Капетингов. Это была, безусловно, большая победа централизаторской политики французской монархии. Юридическое положение английского короля во Франции стало теперь примерно таким же, как у крупнейших французских феодальных землевладельцев. Однако его фактические возможности были гораздо значительнее. Плантагенеты, безусловно, обладали несравнимо большей независимостью и материальными ресурсами. Это превращало их владения на континенте в наиболее важную опору сепаратистских сил Франции. Поэтому ликвидация английской власти на юго-западе оставалась непременным условием завершения централизации во Французском королевстве.

Для Англии же сохранение этого последнего фрагмента «Анжуйской империи» первых Плантагенетов было важно сразу в нескольких отношениях. Это был вопрос политического престижа английской монархии, которая, несмотря на большие территориальные потери на континенте, все же не превратилась пока в островное государство. По мере укрепления товарно-денежных отношений и усиления значения торговых связей возрастало экономическое значение юго-западных земель. Расположение последнего английского владения среди французских областей и на границе с Пиренейским полуостровом придавало ему важное военно-стратегическое значение.

Причудливое переплетение обстоятельств и событий прошедших ста лет сделали именно об-

ломок приданого Алиеноры Аквитанской последним владением Плантагенетов на континенте. Любое возможное движение к возрождению обширных английских земель за Ла-Маншем неизбежно должно было опираться на английскую Гасконь — родину таких знаменитых Плантагенетов, как королева Алиенора и ее венценосный сын Ричард I Львиное Сердце. А новые времена и новые реалии середины XIII в. лишь усилили интерес к этой области, присоединив к славе «края трубадуров» многие вполне материальные соображения.

Объективная ценность этого английского владения на континенте увеличивалась благодаря его выгодному для морской торговли географическому положению, наличию прекрасных водных артерий, высокоразвитому сельскому хозяйству и ремеслу, богатым городам. Немалое значение имели также наличие крупных торговых и военных портов (Бордо, Байонна, Дакс) и стратегически важное соседство со странами Пиренейского полуострова. Все это превращало вопрос о принадлежности Аквитании в ключевую проблему англо-французских противоречий (в исторической литературе ее обычно называют «гасконской проблемой»).

Конфликтный характер вопроса об английской власти на юго-западе был заложен в условиях Парижского мира. Уже через несколько месяцев после подписания договора, в январе 1260-г., Людовик IX именовал Генриха III в официальных документах своим вассалом (*fidelis noster*) без каких-либо оговорок относительно, так сказать, частичного характера вассального статуса прави-

теля одного из крупнейших государств, которое менее столетия назад претендовало на лидирующую роль в Европе. Английский король Генрих III находился в начале 60-х гг. в крайне сложном положении. Многолетнее внутреннее недовольство его политикой, неудачами на международной арене и тесно связанными с этим финансовыми вымогательствами вылилось в политический кризис, который по масштабам превзошел события конца правления Иоанна Безземельного и вступления Генриха III на престол. Выступление возглавленной крупными феодалами политической оппозиции и разгоревшаяся затем гражданская война 1263—1265 гг. в Англии сделали английского короля в первые годы после подписания Парижского мира не просто вассалом Людовика IX, но вассалом, по необходимости покорным. Перед лицом надвигавшейся гражданской войны Генрих III не только панически умолял французского короля о сохранении с таким трудом достигнутого мира, но и рассчитывал на его поддержку. Военную помощь обещал английскому королю после некоторых колебаний его брат Ричард Корнуоллский, германский император. По-видимому, Генрих III ожидал от французского короля прежде всего политической поддержки. Особый международный авторитет Людовика IX был настолько признанным фактом, что английский король был вынужден прибегнуть к нему. В течение 1261—1262 гг. Генрих III неоднократно обращался к своему давнему политическому сопернику в письмах, а затем прибыл в Париж для личной беседы. Во время встречи в Париже английский король демонстрировал

свою преданность Людовику IX, определенно стремясь подготовить его благоприятную позицию во внутреннем конфликте в Англии. Третейский суд Людовика IX («Амьенская миза» 1264 г.) действительно оказал Генриху III реальную политическую помощь, признав «неправоту» его мятежных подданных.

Лояльность французской монархии в отношении внутривполитического кризиса в Англии не означала, однако, реального смягчения англо-французских противоречий. Их основной болевой точкой была английская Гасконь. Здесь политика Франции носила явно антианглийский характер. Выполнение условий Парижского мира встречало прямое сопротивление крупных землевладельцев, церкви и горожан. Представители различных социальных слоев из Лимузена, Перигора и Керси не торопились принести присягу своему новому сюзерену — королю Англии. Они стремились прежде всего извлечь из факта перемены власти максимальную пользу для себя, требуя новых прав и привилегий. Это было следствием давнего глубоко укоренившегося сепаратизма, который опирался на историческую, этническую и культурную самобытность французского юго-запада. Во второй половине XIII в. политика французской короны способствовала резкому обострению этих тенденций. Произвольное решение о передаче под английскую власть новых областей с крупными городскими центрами Лимож, Перигё и Кагор и установление сюзеренитета Франции в Гаскони должны были всколыхнуть и без того не угасавшие сепаратистские настроения. Действия Людовика IX активно спо-

собствовали их усилению. Уже в 1262 г. он начал отдавать Генриху III распоряжения как любому из своих вассалов (конечно же при этом принималась во внимание критическая ситуация в Англии и невольная «покорность» нового вассала). В Парижском парламенте — курии сеньора для английского короля как вассала — с того же 1262 г. охотно принимались жалобы на герцога Аквитанского (т. е. английского короля) и представителей его администрации на юго-западе Франции. Архиепископ Бордоский принял участие во всеобщем и явно одобряемом авторитетным французским королем нажиме на английского правителя Гаскони. Он направил жалобу на наместника короля Англии принца Эдуарда непосредственно римскому папе.

Удержать в условиях гражданской войны в Англии такую трудно управляемую область, как Гасконь, казалось почти невозможным. Однако объективно в пользу английского короля действовал тот высокий дух независимости, который был присущ населению юго-запада Франции. Те слои общества, от которых в этот критический момент существенно зависела судьба английской Гаскони (бароны, духовенство, городская верхушка), еще менее желали оказаться под властью французской короны. Успехи централизации во Франции недвусмысленно показывали, что дух независимости юго-западных областей едва ли может сохраниться в случае включения в состав домениальных владений невиданно усилившихся за последние полстолетия Капетингов. В результате английская Гасконь при всех сложностях управления ею удержалась в течение

трудных для английской монархии 60-х гг. XIII в. под ее властью. Возможно, этому способствовали также некоторые другие обстоятельства.

Людовик IX, заняв в 1264 г. позицию объективного судьи и миротворца, едва ли считал возможным какое-либо открытое проявление враждебности в отношении английской власти на юго-западе. Это могло подорвать его десятилетиями создававшийся международный авторитет и разрушить политическую концепцию укрепления международных позиций Франции в Европе без войны. Кроме того, внимание Людовика IX в течение 60-х гг. было отвлечено «сицилийским делом». Начиная с 1261 г. папа вел переговоры с Францией о передаче короны Сицилии Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX.

В течение следующих семи лет претендент воевал за сицилийский трон в Германии и Италии на деньги французской монархии и при помощи ее войск. Сам же король Франции, сохраняя верность своей традиционной политике, остался в стороне. Он продолжал расширять династические связи со странами Пиренейского полуострова. Наваррой правил его зять, а дочь после долгих переговоров была выдана за кастильского инфанта Фердинанда. Во время Восьмого крестового похода Людовик IX умер. Его преемником на французском престоле стал Филипп III (1270—1285).

В 70-х гг. XIII в. внутреннее положение в Англии полностью стабилизировалось. Годы долгого правления Эдуарда I (1272—1307) стали временем заметных достижений королевской власти в Англии, которая после преодоления болезненных

политических кризисов максимально использовала преимущества относительно централизованного государственного аппарата и возможности опоры на авторитет сословного представительства. Эдуард I уделял огромное внимание английскому владению на континенте. Важно отметить, что при нем Англия начала осуществлять целенаправленные меры по обеспечению максимальной финансово-экономической эксплуатации этой области. К концу столетия английская корона получала из Гаскони до 50 тыс. фунтов стерлингов ежегодного дохода — сумму, близкую к общим среднегодовым поступлениям в казну Англии. Средства, поступавшие из Гаскони, складывались из доходов от обширных домениальных владений английского короля, многочисленных пошлин, доходов от продажи должностей и откупов. Особую ценность представляли пошлины на вино, поскольку виноградарство, виноделие и виноторговля были основным занятием населения этого края. Английский король, бдительно следивший за максимальным использованием каждого источника дохода в Гаскони, добился двойной выгоды от виноторговли. Гасконские вина дважды облагались пошлинами в пользу королевской казны: при вывозе вин из Бордо и при ввозе их в Англию. Это давало около 12 тыс. фунтов стерлингов ежегодно.

Таким образом, английская корона обрела ценную экономическую опору, очень важную для укрепления позиций центральной власти. Поскольку области на юго-западе Франции считались частью домена английского короля, поступления от них полностью принадлежали короне.

При этом Гасконь не была объектом завоевания и поэтому не требовала средств на колонизацию и подавление сопротивления местного населения, как, например, Ирландия или Уэльс. Напротив, прочные традиции фактически независимого развития в сочетании с заинтересованностью в английском рынке обеспечили по меньшей мере лояльные позиции баронов, рыцарей и горожан этой области по отношению к английской власти. Отсутствие завоевания сделало ненужным появление в Гаскони завоевателей из Англии. В результате гасконские доходы практически полностью доставались королю. Лишь незначительная их часть уходила на содержание английского административного аппарата.

Однако и в этом отношении английская Гасконь представляла собой приятное исключение. К моменту перехода под власть Плантагенетов она была областью с высоким уровнем экономического развития, несколько не отстававшей от Англии. Поэтому англичанам в Гаскони не приходилось ломать существующие общественные отношения. Доходы короны обеспечивались самой феодальной структурой области. Английский административный аппарат лишь направлял и контролировал их четкое и полное поступление в королевскую казну. Именно это было стержнем деятельности всех звеньев английской администрации в Гаскони, что свидетельствует об общем потребительском отношении короны к этой области.

Отстаивая свои права на юго-западные французские земли, английская корона боролась не только за стратегический плацдарм на континен-

те и свой международный авторитет, но и за ценнейший источник доходов. Наличие этого богатого домениального владения давало королевской власти очень важную в тех исторических условиях возможность располагать определенными свободными средствами и помогало обеспечить относительную самостоятельность в решении сложных внутривластных задач. В то же время и французские короли нуждались в пополнении своей казны не меньше чем английские. Они расценивали сохранение герцогства Аквитанского в руках случайно получивших его Плантагенетов как историческую несправедливость, которую следовало исправить любым путем. Поэтому с течением времени острота англо-французских противоречий на юго-западе Франции не снижалась. Напротив, растущие экономические потребности усиливали накал страстей, а сложные и не вполне соответствующие политической реальности второй половины XIII в. условия Парижского мира углубляли юридическую неразбериху. Она все более очевидно становилась питательной средой для конфликтов двух монархий и бесконечного лавирования населения английской Гаскони между ними.

Первые же политические шаги Эдуарда I в отношении Гаскони свидетельствовали о том, что английская монархия намеревалась решительно укрепить свои позиции в последнем континентальном владении. Прежде всего необходимо было добиться реального выполнения условий Парижского мира 1259 г. Крайне трудные обстоятельства, в которых находилась Англия в момент его подписания и в ближайшие последую-

щие годы, позволили Франции уклониться от строгого выполнения всех пунктов договора. Владения, обещанные Генриху III, перешли под английскую власть не полностью. В 1271 г. умер Альфонс де Пуатье, после чего Англия должна была получить Аженэ, Керси и Сентонж, но Франция не торопилась выполнить это. Уже в 1273 г. при принесении оммажа французскому королю Филиппу III Эдуард I фактически заявил, что его ближайшей целью является борьба за полное выполнение всех условий договора 1259 г. Изменив традиционную форму присяги сюзерену, английский король сказал, что он приносит оммаж «за все те земли, которые он должен держать от короля Франции».

В течение первых лет своего правления Эдуард I попытался урегулировать отношения со своими подданными на юго-западе и добиться передачи номинально принадлежавших Англии земель вдоль границы своего единственного континентального владения. Почти год он лично находился в Гаскони (1273—1274), рассчитывая таким путем скорее стабилизировать положение на юго-западе. Тем не менее прежние болезненные явления сохранялись: крупные феодалы во главе с Гастоном Беарнским не подчинялись распоряжениям английских чиновников и периодически брались за оружие; горожане требовали новых привилегий; Аженэ, Сентонж и часть Керси по-прежнему оставались в руках французского короля. Напряжение поддерживалось и усиливалось постоянным вмешательством Франции, которая получила для этого широкие возможности благодаря сюзеренитету

французской короны в английской Гаскони. Право апелляции землевладельцев и горожан в Парижский парламент стало средством давления на представителей английской администрации, а в случае обращения видных лиц — и на самого короля.

Примером именно такого случая была апелляция виконта Беарна Гастона VII. Беарн — полунезависимая область в Пиренеях на границе с Наваррой и Арагоном. В XII в. находился в вассальной зависимости от арагонской короны, а в 1240 г. Гастон VII признал сюзеренитет английского короля. Основной политической целью его при этом, по-видимому, была борьба за независимость (по крайней мере фактическую). Слабость позиций Генриха III сулила в этом смысле хорошие перспективы. Продолжая свои политические маневры, Гастон Беарнский принял затем сторону кастильского короля Альфонса X, который в 50-х гг. XIII в. возобновил притязания Кастилии на Гасконь. Энергичные действия Эдуарда I в 70-х гг. по укреплению английских позиций на юго-западе вызвали открытое сопротивление признанного лидера гасконской оппозиции. Он дерзнул представить в Парижский парламент жалобу на самого короля. Борьба с непокорным вассалом отняла у Эдуарда I немало времени и энергии. Дело дошло до временного заключения Гастона VII в Вестминстер и конфискации его владений. Лишь в 1274 г. Гастон Беарнский был официально прощен, а в 1279 г. английский король возвратил ему его владения. В те же годы не прекращался поток апелляций в Париж и от менее известных лиц.

Напряженная ситуация в Гаскони, превратившейся в постоянный очаг англо-французских противоречий, вызвала в эти же годы усиление внимания соперничающих монархий к странам Пиренейского полуострова. Не оставалось сомнений в том, что рано или поздно французский юго-запад станет причиной и местом очередного военного конфликта между Англией и Францией. Позиция пиренейских государств должна была в таком случае приобрести огромное значение. В то же время, как было показано выше, растущие противоречия между ними толкали правителей стран Пиренейского полуострова на поиски потенциальных союзников за Пиренеями. В 70-х гг. интересы Кастилии и Арагона столкнулись в борьбе за корону Наварры, где после смерти короля Энрике I единственной наследницей оставалась его трехлетняя дочь. Кастильская монархия претендовала на присоединение Наварры на основе древних вассальных связей, Арагон — на основе завещания одного из прежних наваррских королей. Но вопрос уже не мог решиться в пределах Пиренейского полуострова, так как еще в первой половине XIII в. пиренейские страны вступили в политические контакты с Англией и Францией и фактически оказались в сфере развития англо-французских противоречий. Формой борьбы за влияние в Наварре и Кастилии стали династические споры.

В начале 70-х гг. Эдуард I добился соглашения о браке наследницы престола Наварры и своего старшего сына. Это намечало перспективу политической переориентации маленького королевства, которое с 30-х гг. XIII в. находи-

лось под влиянием Франции. Французская монархия немедленно начала сопротивляться этим династическим планам и сумела добиться их изменения. После смерти малолетнего английского принца наследница наваррской короны была просватана за сына Филиппа III (будущего Филиппа IV). Предотвратив угрозу ослабления французского влияния в Наварре, Филипп III вступил в борьбу с кастильским королем Альфонсом X, который намеревался обойти династические права жены своего умершего старшего сына, племянницы Людовика IX. В 1276 г. в Кастилию и Наварру были введены французские войска. Впервые Франция действовала на международной арене так жестко, откровенно утверждая свое политическое влияние силой оружия. Английская монархия, естественно, не могла остаться в стороне от происходящего. Правда, она действовала лишь дипломатическими средствами, но характер предпринимаемых Англией шагов не оставлял сомнений относительно их антифранцузской направленности. В разгар восстания в Наварре против вмешательства Франции Эдуард I вступил в переговоры с наваррским двором. В то время как французские войска еще находились в Кастилии, Эдуард I и Альфонс X официально подтвердили урегулирование всех англо-кастильских противоречий 50-х гг. Этот явный намек на возможность английской поддержки Кастилии наверняка оказал влияние на позицию Франции, которая уже в конце 1276 г. начала склоняться к мирному урегулированию отношений с Кастилией. Эдуард I официально приветствовал такой поворот собы-

тий, традиционно связав это с интересами всего «христианского мира».

На рубеже 70—80-х гг. XIII в. было заключено несколько соглашений, которые внешне урегулировали наиболее острые противоречия на юго-западе Европы, но, по существу, свидетельствовали только об отсрочке неизбежных будущих столкновений. В 1279 г. короли Англии и Франции подписали в Амьене договор, который предусматривал более последовательное выполнение Парижского мира 1259 г. Как показало недалекое будущее, он практически ничего не изменил в сложной обстановке на юго-западе. В 1281 г. был заключен мир между Францией и Кастилией. Однако это еще не означало, что Англия выбыла из игры и полностью уступила Кастилию французскому влиянию (в Наварре ситуация сложилась именно таким образом). С самого начала франко-кастильских столкновений (1276) Англия периодически возникала на политическом и дипломатическом горизонте. В 1278 г. дочь Альфонса X посетила Лондон, в том же году Эдуард I приказал своим наместникам в Гаскони разрешить изготовить в Байонне оружие и корабли по заказу кастильского короля. Представители английского двора внимательно наблюдали за ходом франко-кастильских переговоров в Париже в 1279 г. и писали специальные донесения королю. Эдуард I настойчиво предлагал свое посредничество в заключении франко-кастильского мира и Байонну как место переговоров. Филипп III уклонялся от этого явно нежелательного варианта, прикрываясь более авторитетным посредничеством римского папы. Все это говорило

о том, что профранцузская ориентация Кастилии в 70-х гг. еще вовсе не была окончательно пре-
допределена.

Несмотря на когда-то решительно разделяв-
ший их вопрос о Гаскони, Англия и Кастилия
еще могли сблизить свои позиции. Английская
монархия стремилась к этому из-за соседства
Кастилии с юго-западными землями и утраты
поддержки Наварры, а у Кастилии могли быть
основания для переориентации из-за сохране-
ния противоречий с Наваррой, практически пе-
решедшей под власть Франции. В 1231 г. (год
заключения франко-кастильского мира) Аль-
фонс X и король Арагона Педро III достигли до-
говоренности о совместном завоевании Навар-
ры. Это, естественно, затрудняло дальнейшее
сближение Кастилии с Францией в случае пре-
творения плана в жизнь. Но позиция Арагона
тоже не была пока достаточно определенной.
Растущие интересы арагонских правителей в
Средиземноморье сталкивали их с французской
монархией, которая поддерживала борьбу Кар-
ла Анжуйского за сицилийскую корону и спо-
собствовала утверждению Анжуйской династии
и, следовательно, — французского влияния — в
Южной Италии и на Сицилии. Как потенциа-
льный противник Франции, Арагон не мог не ока-
заться в зоне политического внимания англий-
ской монархии. Не вполне еще определившиеся
отношения между Англией и Кастилией, види-
мо, объясняют осторожный характер диплома-
тических шагов, предпринимавшихся Эдуардом I
и королями Арагона. В течение 70-х гг. было
обсуждено несколько вариантов династических

союзов, в 1282 г. наконец состоялся брак между дочерью Эдуарда I и сыном Педро III. Развернувшиеся в это время международные события подтолкнули Арагон, как и Кастилию, к выбору более определенной позиции.

Так, вслед за Шотландией и Фландрией, которые ощутили потребность в международной поддержке еще во второй половине XII в., на втором этапе англо-французского противостояния в него более прочно вовлекались страны Пиренейского полуострова. В середине XIII — первой трети XIV в. их участие в борьбе Англии и Франции все более тесно увязывалось с проблемами установления стабильных границ и борьбы за лидерство в пределах полуострова, что и привело к определению позиции вплоть до возникновения межгосударственных союзов в течение 80—90-х гг.

Конец XIII в. стал временем обострения англо-французских противоречий. Основным фокусом борьбы оставалась гасконская проблема. К ней стягивались наметившиеся в прошлом столкновения интересов на почве Фландрии и Шотландии, борьбы за влияние в странах Пиренейского полуострова. В течение 80-х — начала 90-х гг. администрация английского короля уделяла большое внимание наведению порядка в Гаскони, налаживанию отношений с феодалами и богатыми городами, не забывая при этом, естественно, о главной задаче — обеспечении максимальных поступлений в королевскую казну. Как показали события конца XIII — начала XIV в., Англия немало преуспела в этом, добившись по меньшей мере лояльности большинства населения среди тех социальных слоев, от которых

больше всего зависела прочность английской власти. Однако трудности в решении задачи «закрепления» Гаскони за Английским королевством были очень велики. Они вытекали прежде всего из того, что крепнущая королевская власть Франции просто не могла примириться с существованием такого опасного «подданного», как английский король. Даже в ранге вассала он представлял несомненную угрозу королевскому сюзеренитету. Кроме того, усиление королевской власти в Англии при Эдуарде I и особенно его экспансионистская политика в Уэльсе и Шотландии не могли не вызвать опасений возрождения идеи восстановления владений анжуйского дома в прежних огромных пределах. Все это побуждало французскую корону в условиях официального мира с Англией и урегулирования связанных с Гасконью проблем продолжать максимально содействовать обострению противоречий на юго-западе. В течение 80-х — начала 90-х гг. право апелляции гасконских подданных Англии к французскому королю превратилось в серьезное оружие подрыва английской власти в герцогстве. Дело в том, что за прошедшие со времени Парижского мира два десятилетия стало вполне очевидно, что суд короля Франции всегда решает дело против английского короля и его администрации, а значит, в пользу любого недовольного. Об этом наиболее убедительно говорит интересный источник — приговоры королевского суда Франции за 1254—1318 гг. Все дела, касающиеся Гаскони, были за этот период решены против интересов английской короны. В 1282 г. Филипп III как верховный сюзерен герцогства Ак-

витанского запретил гасконским феодалам помогать Эдуарду I в войне в Уэльсе.

Постоянное французское вмешательство в гасконские дела болезненно воспринималось английской администрацией и самим королем. В 80-х гг. представители английской власти начали преследовать тех, кто обращался с жалобами в Париж. В ответ французский король издал специальное распоряжение, в котором запрещал преследовать апеллянтов из Гаскони. Данные источников за следующие годы показывают, что этот запрет не оказал реального влияния на ситуацию на юго-западе. Преследования недовольных продолжались, угрозами и конфискациями английская администрация иногда добивалась отказа от уже представленных в Париж жалоб. К концу 80-х гг. реакция английской короны на вмешательство Франции в гасконские дела достигла предельной остроты. В письмах Эдуарда I обращение коммуны Бордо (главного центра английской Гаскони) в курию Филиппа IV в 1290 г. приравнивалось к «восстанию». Дело определено шло к новому военному конфликту на юго-западе.

Сменивший в середине 80-х гг. Филиппа III новый французский король Филипп IV Красивый (1285—1314) активно проводил политику укрепления центральной власти и расширения королевского домена. Очередная попытка покончить с континентальными владениями Англии логически вытекала из его общей внутривнутриполитической линии. Эдуард I, который в течение 70—80-х гг. проявил себя как покоритель Уэльса и законодатель, должен был ощущать растущую

угрозу сохранению английской власти в последнем континентальном владении и опасную для своего авторитета жесткую политическую линию французской монархии на превращение английского короля в «реального вассала» Франции на юго-западе. Немало сделав для улучшения финансово-экономического использования Гаскони Англией, Эдуард I готовился к бою за нее.

Вопрос о новом конфликте на юго-западе был предрешен начиная с 1286 г., когда Филипп IV в свойственной ему твердой манере лидера и хозяйина положения потребовал, чтобы английский король в связи с восшествием на престол нового короля Франции принес ему оммаж. В письме французского короля подчеркивалось, что никакие отсрочки невозможны и что «оммаж должен быть тесным, в то время как он был принесен (Филиппу III. — Н. Б.) лишь в общей форме»³⁹. Эдуард I уклонился от личного выполнения этого требования, дав тем самым понять, что английский король (он же герцог Аквитанский) был и остается самым непокорным вассалом французской короны.

Готовясь к предстоящему столкновению в борьбе за юго-западные земли Франции, обе стороны обратились к поискам международной поддержки. К этому вела логика развития англо-французских противоречий в предшествующую эпоху. В изменившихся исторических условиях в Западной Европе сложились уже не просто личные унии государей, а межгосударственные союзы. Первым оформился союз между Францией и Кастилией (1288), который не имел столь давних и глубоких корней, как, например, франко-

шотландский или как сближение Англии и Фландрии. Тем не менее именно между этими странами был заключен союзный договор с определенными военно-политическими обязательствами, а не просто провозглашением «дружбы», как это было в прежние времена. Причин резкого ускорения наметившегося в 70-х гг. сближения Франции и Кастилии было несколько. В течение 70—80-х гг. укреплялись военно-политические связи между двумя королевствами. Военная служба кастильских рыцарей в пользу французской короны по договору за денежную плату стала обычным и распространенным явлением. Договор 1281 г. способствовал закреплению этой практики и усилению дипломатических контактов. Но главным поводом к этому стало, по-видимому, резкое ухудшение отношений между Францией и Арагоном после антифранцузского восстания 1282 г. на Сицилии («Сицилийская вечерня»).

Папа Мартин IV продолжал установившуюся со времени Людовика IX линию относительно стабильной поддержки Франции римской курией на международной арене. В расчете на дальнейшую помощь французской монархии в борьбе с германскими императорами папа решительно поддержал Анжуйскую династию, которая в свое время с помощью этой же поддержки пришла к власти в Южной Италии и Сицилии. Призванный сицилийским парламентом король Арагона Педро III был объявлен низложенным, против него организован «крестовый поход», который возглавил французский король Филипп III. Для Кастилии определился «враг ее врага», поскольку политическое соперничество с Арагоном все более

занимало внимание кастильской короны. Убедительная победа Арагона, явно превращавшегося в крупную средиземноморскую державу, угрожала его дальнейшим усилением. Это не могло не беспокоить кастильскую монархию, которая реально претендовала на роль пиренейского лидера. Объединение с последовательным противником Арагона, каким стала в это время Франция, было политически очень ценно для Кастилии. Договор о союзе между королем Франции Филиппом IV и королем Кастилии Санчо IV был заключен 13 июля 1288 г. во время франко-арагонской войны за влияние в Средиземноморье и был откровенно направлен против Арагона. Стороны принимали на себя взаимные обязательства оказания военной помощи против Арагона. Кроме того, еще раз подтверждалось урегулирование франко-кастильских противоречий на почве династических прав Бланш д'Артуа и ее детей. Казалось, все это никак не было связано с англо-французскими противоречиями. Действительно, побудительные мотивы заключения Лионского договора 1288 г. не вытекали непосредственно из давнего соперничества Англии и Франции, но безусловно имели с ним связь. Подготовка франко-кастильского договора вызвала в Англии пристальный интерес и очевидное беспокойство. Уполномоченные английского короля в Париже сообщали о ходе переговоров между Францией и Кастилией, пытались добиться для Эдуарда I хотя бы роли посредника, докладывали о настроениях кастильских послов в отношении Англии.

Факт возникновения франко-кастильского союза оказал серьезное влияние на расстановку

политических сил в предстоящей борьбе двух сильнейших монархий Западной Европы, подтолкнул их к дальнейшему поиску союзников, активизировал дипломатическую деятельность Англии за Пиренеями. И, что особенно существенно, появление антианглийской направленности в союзе Франции и Кастилии оказалось вопросом сравнительно короткого времени. Она прозвучала уже в 1294 г. — на пороге англо-французской войны в Гаскони. Филипп IV и Санчо IV договорились о том, что в случае войны Франции «против байоннцев, гасконцев или других сторонников английского короля в Аквитании в ближайшие десять лет король Кастилии окажет ему помощь, предоставив в течение трех месяцев тысячу вооруженных всадников»⁴⁰.

Таким образом, политические веса на Пиренейском полуострове определенно склонялись в сторону преобладания влияния Франции. Наварра и Кастилия оказались на ее стороне. Территориальная близость пиренейских стран к Франции была, безусловно, серьезным аргументом в пользу их ориентации на сближение с Капетингами. Что же касается английской Гаскони, то события почти целого столетия (начиная с войн Филиппа II Августа в самом начале XIII в.) как будто бы свидетельствовали о том, что Англия рано или поздно должна будет отказаться от своего последнего континентального владения. Однако для Англии не все еще было потеряно. Во-первых, франко-кастильский союз не был реализован во время «крестового похода» против Педро III. Арагонская дипломатия, видимо, приложила какие-то усилия к тому, чтобы Аль-

фонс X, а затем Санчо IV Храбрый воздержались от непосредственного участия в борьбе Франции против усиления Арагона в Средиземноморье. Во-вторых, Англии удалось в течение 80-х гг. укрепить династические связи с арагонским правящим домом (брак дочери Эдуарда I и короля Арагона) и добиться того, что Арагон по крайней мере теоретически считался союзником английской монархии. Судя по известным источникам, между Англией и Арагоном не было союзного договора, подобного франко-кастильскому. Их союз имел лишь традиционную династическую основу, что во второй половине XIII в. становилось уже анахронизмом, но все же свидетельствовало о наличии у английской монархии некоторых возможностей для политических маневров за Пиренеями. К тому же эти контакты не остались чисто декларативными. Во время франко-арагонской войны 1283—1302 гг. Педро III поддерживал связь с английским королем и его сенешалом в Гаскони. Послы арагонского короля получали из Гаскони ценные сведения о передвижении французской армии, англичане участвовали в мирных переговорах между Францией и Арагоном. На заключение официальной договоренности о союзе с Арагоном Эдуард I тем не менее не пошел, хотя такое предложение Англия, видимо, получила. В письме английского короля королеве Арагона о династических планах, датированном 1283 г., «между прочим» сообщалось, что английские войска не могут выступить против короля Франции в связи с принесенной ему Эдуардом I клятвой верности: «Это нарушило бы наш долг». Из этого явствует, что в

1283 г. Англия не была готова к войне с Филиппом IV, но желала бы сохранять политические контакты за Пиренеями в расчете на будущее.

Английская корона не оставляла также надежды на переориентацию Кастилии. Опираясь на родственные связи, Эдуард I пытался под любым предлогом вмешаться в кастильские дела (предлагал свою помощь в борьбе короля с внутренней оппозицией, предоставлял небольшие отряды из Гаскони для этой цели и т. п.). Английские предложения союза были выдвинуты буквально перед самой англо-французской войной в Гаскони и не встретили поддержки. Наступило время относительно прочных межгосударственных союзов, вырастающих из глубоких внутренних потребностей и обусловленной этим общности целей. Поспешные личные договоренности между правителями для конкретной, сиюминутной цели (чаще всего войны) отходили в прошлое.

В целом дела у Англии на западноевропейской сцене обстояли хуже, чем у Франции. Времена бесспорного могущества английской монархии, претендовавшей на лидерство в Европе, давно прошли. В течение XIII в. Англия постепенно превращалась в островное государство, ее политические интересы мало сопрягались с проблемами, которые решали другие западноевропейские страны. Франция же за это время превратилась в сильную монархию, которая, в отличие, например, от первых Плантагенетов, практически не осуществляла экспансионистской политики и пока не создавала угрозы установления своей гегемонии в Европе. Традиционная же эк-

спансия английской короны сосредоточилась в XIII в. на Британских островах. Ирландия и Уэльс непрерывно находились в поле зрения Эдуарда I; немало сил и средств было отдано подавлению их сопротивления и организации экономической эксплуатации. Возрастающее внимание во второй половине XIII в. уделялось Шотландии. После периода политического давления, достаточно ощутимого, но оставлявшего Шотландии надежду на сохранение независимости, английская монархия перешла к решительным действиям. Это окончательно подготовило почву для оформления давно назревшего франко-шотландского союза. Эдуард I воспользовался междуцарствием в Шотландии после смерти в 1286 г. короля Александра III. Сначала шотландцам был навязан договор в Биргхэме, по которому малолетняя наследница шотландского короля Маргарэт должна была стать женой наследника Эдуарда I. Это был верный и вполне традиционный путь к политическому подчинению Шотландии с помощью династического метода. После внезапной смерти Маргарэт в конце того же года английский король оказал на Шотландию грубое военно-политическое давление, и под угрозой английского вторжения шотландские бароны — «охранители трона» — были вынуждены признать право Эдуарда I на управление Шотландией в качестве ее сюзерена. Затем, воспользовавшись борьбой феодальных группировок в Шотландии, английский король вмешался в так называемое «Великое дело» — избрание преемника шотландской короны — и добился в 1292 г. утверждения своего ставленника Джона Бэлиола. Шотландия, кото-

рой на протяжении уже не одного столетия удалось в нелегкой борьбе сохранять свою независимость, оказалась на грани ее утраты. В этих условиях, опираясь на прежний опыт сближения с Францией в антианглийской борьбе, шотландские придворные круги обратились к своему единственному потенциальному союзнику. В обстановке назревания англо-французского конфликта это полностью совпало с интересами французской монархии и привело в 1295 г. к оформлению союза между Францией и Шотландией.

Договор между Францией и Шотландией был подписан в то время, когда в Гаскони уже начался давно назревший англо-французский конфликт (война 1294—1303 гг.). Документ носил откровенно антианглийский характер и предусматривал взаимные обязательства сторон в совместной борьбе против Англии⁴¹. Его основное военное условие заключалось в обеспечении войны на два фронта. Шотландские войска были обязаны «при необходимости как по суше, так и по морю прибыть в Англию». В случае англо-французской войны шотландский король «обещал объявить войну королю Англии и как можно сильнее и болезненнее опустошать земли Английского королевства». Франция же должна была «прочно стоять на стороне шотландского короля, оказав ему помощь путем захвата других частей Английского королевства, с тем чтобы тех, кто придет в Шотландию (т. е. английские войска. — Н. Б.), переслали в другое место». В качестве политического условия союза оговаривалось участие Франции в любых англо-шотландских мирных договорах.

Подписание такого документа в условиях англо-французского вооруженного конфликта в Гаскони было со стороны Шотландии фактическим объявлением войны Англии. Таким образом, английская монархия оказалась перед опасностью борьбы на два фронта. Эта угроза реализовалась уже в 1296 г., когда в Шотландии развернулась антианглийская война за независимость (1296—1328), в то время как в Гаскони с переменным успехом продолжались англо-французские военные действия.

Стремясь ликвидировать наметившийся перевес сил в пользу Франции, английская корона также обратилась к активным поискам союзников. Были использованы большие денежные средства и различные формы политического нажима, чтобы привлечь на сторону Англии графа Фландрского. Помимо естественного стремления найти противовес франко-шотландскому союзу усиление интереса к Фландрии имело причины стратегического характера. После потери Нормандии графство Фландрское было самым удобным плацдармом для удара по Франции с севера. К концу XIII в. сложились экономические и политические предпосылки для реализации союза между Англией и Фландрией. Английская шерсть и английские корабли стали непременным условием развития сукноделия — ведущей отрасли фландрского ремесла, основы экономики Фландрии. Главные центры сукноделия переместились с юга Нидерландов во фландрские города Ипр, Гент, Брюгге, неразрывно связанные с объединением купцов — так называемой «Лондонской ганзой». Его члены получали важные привилегии от анг-

лийского короля. В течение XIII в. эти богатые и независимые города начали играть видную роль в жизни графства. Это создавало прочный фундамент для сближения с Англией. В течение второй половины XIII в. торгово-экономические вопросы занимали видное место в отношениях Англии и Фландрии.

Основной политической предпосылкой союза Фландрии с английской короной было нарастающее в течение XIII в. французское давление на эту область. Особенно грубым и угрожающим относительной независимости Фландрии оно сделалось при Филиппе IV в 80-х гг. XIV в. Умело играя на растущих противоречиях между графом Фландрским и горожанами, используя права сюзерена, Филипп IV явно приближал превращение Фландрии в часть своего домена. Эдуард I, также отличавшийся способностями политика и дипломата, противопоставил французской угрозе горячую готовность к сближению с графом Фландрским Ги Дампьером: предоставлял ему займы, делал невиданные по щедрости подарки, поддерживал на дипломатическом поприще. Имело значение и то, что английский король с помощью династических связей и денег постепенно расширял число своих сторонников среди других нидерландских сеньоров (в Брабанте, Гельдерне, Нассау и др.). И все же к началу англо-французского вооруженного конфликта в Гаскони граф Фландрский еще не решился на очередное выступление против своего сюзерена. Это произошло уже во время гасконской войны, и толчком к последнему, решающему шагу стало именно сближение с Англией.

Проект династического союза между фландрским домом Дампьеров и Плантагенетами и переговоры графа с Эдуардом I, в которых Ги Дампьер выражал сочувствие английскому королю, притесняемому Францией в Гаскони, побудили Филиппа IV нанести Фландрии очередной удар. В 1297 г. он предал Ги Дампьера суду Парижского парламента как непокорного вассала. Суд принял решение о конфискации графства. Граф Фландрский немедленно заключил договор о союзе с Англией против Франции и направил вызов своему сюзерену Филиппу IV. Это означало объявление войны. Как и ровно сто лет назад, в 1197 г., Англия и графство Фландрское объединились в антифранцузской борьбе. Интересно отметить, что в договоре 1297 г. и поведении Ги Дампьера отчетливо проявилось давнишнее тяготение Фландрии к политической самостоятельности. В тексте соглашения с Англией звучит не только обещание помощи в войне против французской монархии, но и разрыв древних вассальных связей «из-за многих несправедливостей». Граф объявляет, что отказывается от своей вассальной клятвы «навсегда». Все это тесно смыкалось с положением Шотландии, которая также отказывалась от навязанного ей вассалитета. Только сюзереном была Англия, а Шотландия, естественно, опиралась на ее соперницу — Францию. Эта «зеркальность» ситуации при расстановке сил между наиболее активными и давними участниками англо-французской борьбы отражала глубокую закономерность их вовлечения в круг противоречий двух ведущих монархий и системный ха-

раक्टर событий вокруг столкновения Англии и Франции.

Традиционная практика «покупки» союзников тем не менее не могла сразу отойти в прошлое. И Англия, и Франция отдали ей дань в связи с конфликтом 1294—1303 гг. в Гаскони. Однако результаты ее применения блестяще подтвердили, что времена изменились, и усложнившаяся международная жизнь требовала создания подлинно межгосударственных союзов, основанных на серьезной общности интересов. Об этом красноречиво говорила полная бездеятельность ряда «купленных» Англией союзников в Нидерландах, бесплодность дорогостоящей борьбы за поддержку германского императора. Таким же недейственным оказался союз, заключенный Филиппом IV с королем Норвегии Эриком II. За обещанную и частично уплаченную Францией крупную сумму Норвегия должна была оказать ей большую помощь в усилении флота и войне на море. Однако все условия договора остались нереализованными.

Реально приняли участие в борьбе Англии и Франции на рубеже XIII—XIV вв. лишь те союзники, которые включились в нее на основе вполне назревших проблем своего внутреннего развития. Пока это были только Шотландия и графство Фландрское. Англо-французский конфликт 1294—1303 гг. обычно рассматривается как локальное столкновение в Гаскони, которое к тому же развивалось не столько на военной, сколько на дипломатической основе. Если ограничить внимание только событиями на юго-западе, то может сложиться именно такое впечатление. В

1294 г., воспользовавшись жалобой нормандских моряков на пиратские действия англо-гасконского флота, Филипп IV вызвал английского короля на суд Парижского парламента как вассала-ответчика. Эдуард I уклонился от выполнения унизительной миссии и прислал вместо себя брата Эдмунда. Суд принял решение о конфискации Гаскони у английского короля как у непокорного вассала. В ответ Эдуард I объявил всей Европе, что он жертва невыполнения Францией Парижского договора 1259 г. и пострадавшая сторона. Таково было фактическое начало давно назревшего англо-французского конфликта, центром которого в XIII в. стал юго-запад Франции, но существо которого не сводилось к этой проблеме.

Военные действия в Гаскони действительно были недолгими и небогатыми яркими событиями. Собранное наспех английское войско состояло в основном из должников короны и прощенных преступников, которых гасконская война привлекала лишь как способ оправдания и поправки денежных дел. Армия Филиппа IV быстро нанесла ему поражение, и уже с 1297 г. начались переговоры о перемирии и урегулировании гасконских дел. Однако вплоть до 1303 г. мирный договор не был заключен, и Франции так и не удалось развить свой военный успех. Причина заключалась в том, что масштабы конфликта фактически вышли далеко за пределы Гаскони. События 1294—1303 гг. можно считать локальным конфликтом Англии и Франции на юго-западе лишь формально. По существу же, они охватили также Шотландию и Фландрию. Пользуясь обо-

стрением англо-французских противоречий в Гаскони и опираясь на союзные договоры, они попытались решить свои жизненно важные проблемы: избавиться от сюзеренитета Англии (Шотландия) и Франции (Фландрия). Силы, которые постепенно сосредоточивались на полюсах противоречия между двумя ведущими монархиями региона, впервые так отчетливо и синхронно продемонстрировали неразрывную связь своих внутренних проблем с англо-французским противоборством.

В Шотландии началась война за независимость (1296—1328). Крупнейшее историческое событие внутренней истории северного соседа Англии, она на первых порах была также одной из граней нового обострения давних англо-французских противоречий. То, что внимание и силы английской монархии были отвлечены событиями в Гаскони, позволило шотландцам объявить об отказе от оммажа английскому королю и выступить, рассчитывая на успех. Расчет в большой степени подкреплялся наличием у Шотландии сильного и заинтересованного в ней союзника. Удар, нанесенный Шотландией на севере, был не только началом войны за независимость, но и выполнением условия франко-шотландского договора 1295 г. В ответ шотландцы рассчитывали на помощь Франции, которая им действительно скоро понадобилась. После первого поражения Шотландии в 1296 г. Филипп IV оказал ей дипломатическую поддержку. Когда в 1297 г. война за независимость разгорелась с новой силой (восстание под руководством Уоллеса), Франция реально помогла тем, что активизировала свои дей-

ствия на юго-западе и нанесла там поражение английскому войску. В 1300 г. Филипп IV содействовал заключению англо-шотландского перемирия, крайне необходимого Шотландии. Таким образом, с 1296 по 1300 г. Шотландия вынудила Эдуарда I воевать на два фронта — в Юго-Западной Франции и на северной границе Англии.

Но и Франции пришлось вести войну в двух довольно отдаленных точках — на юго-западной границе в Гаскони и на северо-восточной — во Фландрии. Здесь военные действия развернулись в 1297 г. Филипп IV двинул против Фландрии значительные силы. Английская помощь фландрскому графу была несвоевременной и недостаточной. Это ни в коей мере не означало, что английская монархия вдруг утратила интерес к такому ценному союзнику. Сказалась сложная внутренняя ситуация в Англии, где в 1297 г. разразился серьезный политический кризис. Страна вновь была близка к гражданской войне. Среди причин недовольства политикой Эдуарда I в Англии главными были гасконская война и поход во Фландрию. Последний представлялся особенно бессмысленным, поскольку его связь с англо-французским соперничеством не лежала на поверхности. В результате в петиции, составленной от имени «всей общины» Англии, английские феодалы отказывались воевать во Фландрии, где никогда не служили их предки. Вместе с тем комплекс неудач Эдуарда I (в Гаскони, Шотландии и Фландрии) создавал почву для усиления оппозиции. Как и на первом этапе истории англо-французских противоречий, внутренний политический кризис и между-

народные проблемы находились в тесном взаимодействии.

В 1300 г. французский король фактически аннексировал Фландрию, превратив ее в часть своего домена. Создавалось впечатление, что Франция стоит на пороге полного триумфа: присоединение Фландрии и казавшееся уже реальным возвращение Аквитании должны были дать решительный толчок усилению позиций королевской власти. Однако события первых лет XIV в. показали, что обе проблемы далеки от решения. Установление французской власти во Фландрии сопровождалось введением тяжелого налогообложения. Это вызвало во Фландрии широкое антифранцузское движение. Франции пришлось вести войну, не похожую на прежнюю борьбу против графов Фландрских. Отличавшееся глубокой этнической самобытностью население Фландрии отстаивало свою независимость. Поражение в такой войне было неизбежным. 11 июля 1302 г. пешее ополчение фландрских горожан разгромило французскую рыцарскую конницу при Куртре*. Французские войска были вынуждены покинуть Фландрию. Одна серьезная военно-политическая неудача повлекла за собой другую: Франции срочно понадобился мир в Гаскони, хотя победы там она еще не добилась. К тому же Филипп IV вступил в острый конфликт с папой Бонифацием VIII, что лишило французскую монархию традиционно благоприятной позиции папства при выработке условий мира. Единствен-

* Сражение при Куртре вошло в историю под названием «Битва шпор»: на поле боя победителями было найдено несколько сот золотых шпор.

ной, но важной опорой Франции оставалась Шотландия. Филипп IV откровенно подстрекал ее к нанесению Англии максимально ощутимых ударов в период англо-французских переговоров, чтобы сделать Эдуарда I более стоворчивым. В моменты временного перемирия с Англией он добивался включения Шотландии в число участников договоров. В мае 1303 г. в Париже был заключен мир между Англией и Францией. В Гаскони сохранялся статус-кво, который безусловно гораздо больше удовлетворял Англию. В том же году при участии Филиппа IV было подписано англо-шотландское перемирие. В отличие от ситуации 20-х гг. XIII в., французская монархия не бросила своего союзника на произвол судьбы: Шотландия еще очень нужна была ей в будущем.

Таким образом, англо-французские противоречия, имевшие уже давнюю традицию, на рубеже XIII—XIV вв. не были разрешены, несмотря на большие усилия сторон. Они локализовались территориально на проблеме Гаскони, политически — Гаскони, Фландрии и Шотландии, обретая поистине европейские масштабы. Английская монархия по-прежнему не отказывалась от плана создания обширной империи, включающей народы и земли, независимо от их этнической и исторической самобытности (Ирландию, Уэльс, Шотландию, Гасконь); Капетинги сохраняли такие же планы в отношении Фландрии. Шотландия, Фландрия и даже Гасконь рассчитывали, играя на англо-французских противоречиях, сохранить хотя бы относительную самостоятельность.

В начале XIV в. и в Англии, и во Франции у власти оказались относительно слабые и недальновидные правители, которые сменили крупных политических деятелей Эдуарда I и Филиппа IV. Эдуард II в Англии (1307—1327) и сыновья Филиппа IV во Франции (Людовик X — 1314—1316 гг., Филипп V — 1316—1322 гг., Карл IV — 1322—1328 гг.) в целом стремились следовать политике своих ярких предшественников. Однако их личные качества способствовали усилению оппозиции баронов и растущей политической самостоятельности горожан. Внутренняя политическая стабильность в обоих государствах была ослаблена. В международной жизни это получило свое преломление: попытки решить комплекс англо-французских противоречий на прежней основе, которые предпринимались вплоть до начала Столетней войны, не приводили к реальным результатам. Вместе с тем их не назовешь бессмысленными или безрезультатными, поскольку действия Плантагенетов и Капетингов, так сказать, «по прежней схеме» способствовали дальнейшему уточнению расстановки сил в западноевропейском регионе и углублению осознания общности или различия интересов отдельных государств или крупных земельных владений.

Конфликт на рубеже XIII—XIV вв. не внес принципиальных изменений в ситуацию на юго-западе Франции. Однако война обнаружила одно крайне тревожное для французской монархии обстоятельство. Население Гаскони, издавна отличавшееся глубокой самобытностью и духом независимости, в значительной своей части встало во время локальной войны на юго-западе на

сторону Англии. Гасконские феодалы, которые в мирное время охотно и много конфликтовали с представителями английской администрации, не только не воспользовались поражениями армии Эдуарда I, но и оказали ему немалую поддержку. Многие гасконские рыцари отличились в боях, некоторые помогали английскому войску денежными средствами. После каждой высадки англичан в их лагерь стекались представители местной знати и рыцарства, что реально усиливало спешно набранное в Англии войско. Абсолютное большинство городов также решительно приняло сторону Англии, в Бордо и Байонне во время «конфискации» герцогства Филиппом IV произошли антифранцузские выступления. Они стали яркой демонстрацией укрепившихся за годы английской власти тесных экономических связей между Англией и гасконскими городами. Как ни велика была сумма поступлений в английскую казну, морская торговля с этой страной была выгодна городской верхушке. Все это, естественно, обострило беспокойство Франции по поводу положения дел в Гаскони после безрезультатной войны. Парижский парламент усилил внимание к апелляциям из Гаскони, которые встречали неизменно благожелательное отношение. Ни одно дело не решалось в пользу английской администрации. Английская корона, ощущая крепнущую социальную опору в герцогстве, начала проявлять некоторую наступательность в своей гасконской политике: решительно преследовала апеллянтов, а также тех, кто во время конфликта обнаружил преданность французскому королю. Некий Бернар Пирю из Байонны жаловался на

разграбление дома и имущества «людьми короля Англии, герцога Аквитанского, за то, что во время восстания, поднятого этим герцогом и горожанами Байонны против французского короля, сохранял ему верность, как и подобает».

В 1310 г. Эдуард II попытался найти юридическую лазейку для отмены или хотя бы ограничения права апелляций из Гаскони в Париж и получил от Филиппа IV твердый отказ, изложенный в длиннейшем документе со ссылками на самые сложные казуистические положения. Между английской и французской монархиями постоянно шли бесконечные тяжбы по поводу «недоданных» Англии владений на юго-западе, убытков от войны и т. п. В 1311 г. Эдуард II поручил специально назначенным лицам собрать документы, подтверждающие неполное выполнение Францией условий Парижского договора 1259 г., а также «относительно притеснений, нарушений и обид, причиненных нам и нашим слугам в этом герцогстве со стороны короля Франции»⁴². Документы должны были фигурировать на специальном совещании, которое английский король намеревался собрать в Вестминстере для обсуждения гасконских дел. В следующем, 1312 г. Эдуард II назначил для представительства в Парижском парламенте не одного, как прежде, а сразу двух прокураторов «из-за опасностей, которые, — писал король, — могут сейчас угрожать в этой курии нам и нашим делам в этом герцогстве»⁴³. Своим наместникам в Гаскони английский король предписывал «сохранять и оберегать наш статус в этом герцогстве и наши права, ущемляемые там, не допуская узурпации

по отношению к нам»⁴⁴. Эдуард II решился даже поручить виконту Беарна — традиционному лидеру гасконской оппозиции — набрать специальное войско для защиты короля «от притеснений» на юго-западе.

При анализе писем Эдуарда II в Гасконь создается впечатление, что чем менее популярным становился он в Англии, чем очевиднее росло недовольство его политикой, тем более цепко он держался за свое последнее континентальное владение. Оно давало средства, а значит — относительную независимость и опору. Не случайно именно из гасконских земель и поступлений сделал Эдуард II в 1308 г. щедрые пожалования в пользу своего фаворита Гавестона, ненавидимого в Англии.

Былые семейные раздоры Плантагенетов и Капетингов все дальше и дальше отступали в прошлое, «английская Гасконь», казалось, стала уже чем-то совершенно другим по сравнению с приданым Алиеноры, но новая волна напряженности между королевствами зарождалась именно здесь. И конечно, было очевидно, что инициатором конфликта станет именно английский правящий дом, который не до конца расстался с воспоминаниями об «Анжуйской империи» и к тому же ощутил новый, гораздо более серьезный, чем в XII в., экономический интерес к владениям на юго-западе Франции.

Французский королевский дом, позиции которого несколько ослабели после смерти Филиппа IV в 1314 г., также все больше и больше ощущал потребность в гасконских доходах. Выступления феодальной оппозиции при Людови-

ке X, тяжелая борьба во Фландрии, удержание папства в сфере своей политики, — все это требовало огромных денежных средств. Сложные политические соображения и юридические аргументы, на основе которых Людовик IX полстолетия назад согласился на сохранение английской власти на юго-западе, канули в Лету. Через такой значительный отрезок времени уже трудно было понять, насколько важным являлось тогда признание Англией утраты Нормандии, Мена, Анжу, Пуату — территорий, которые к началу XIV в. уже прочно вошли в состав Французского королевства. Последнее английское владение на континенте не могло не оставаться наиболее острым и болезненным вопросом во взаимоотношениях между виднейшими государствами Западной Европы, какими стали к началу XIV в. Англия и Франция.

Важные и тесно связанные с англо-французскими отношениями события происходили в Шотландии. После поражения восстания Уоллеса страна временно оказалась под непосредственным английским управлением (1305). Но уже в 1306 г. в Шотландии вновь разгорелась антианглийская война за независимость (1306—1328) под руководством Роберта Брюса. В это время франко-шотландский союз обнаружил свою практическую действенность. Она безусловно проистекала из того, что к концу XIII в. стала вполне очевидной взаимная заинтересованность обеих сторон в совместных действиях против Англии на международной арене. Ведь ни Шотландия, ни Франция не решили до конца проблем, которые еще во второй половине XII в. толкнули их к

сближению в антианглийской политике. Французская монархия все еще была вынуждена мириться с сохранением английского влияния на континенте, Шотландское королевство все более энергично и жестоко сражалось за свою политическую самостоятельность. Вот почему развитие франко-шотландских союзнических отношений шло по восходящей линии. Это выразилось в важном для Шотландии фактическом признании Францией законности власти Роберта Брюса, которого Филипп IV пригласил в 1308 г. участвовать в готовившемся крестовом походе. Однако шотландцы связывали укрепление союзных отношений с решением своей основной задачи — достижением независимости. В письме Шотландского парламента говорилось, что Шотландия могла бы присоединиться к крестовому походу, «если бы статус нашего королевства был с Вашей помощью возвышен, Шотландии была бы возвращена первоначальная свобода, прекращена война и установлен мир...»⁴⁵. В период войны за независимость участие Франции стало непременным условием многочисленных англо-шотландских переговоров и перемирий, отразивших возросшее значение и действенность франко-шотландского союза. В начале войны под руководством Брюса, когда шотландцы еще не одерживали крупных военных побед, английская королева — сестра короля Франции — позволяла себе открыто проявлять сочувствие предводителю освободительного движения и заступаться за него перед Эдуардом I.

После серии поражений Англии в войне (крупнейшее из них — битва при Баннокберне

1314 г.) англичане использовали французское посредничество для начала мирных переговоров. Эдуард II прикрывал военные неудачи официальной версией о «просьбе Франции», которая якобы служила причиной примирения. Факт существования франко-шотландского союза безоговорочно признавался в английских официальных документах как политическая реальность. Так, в ноябре 1309 г. Эдуард II писал, что он начинает переговоры с Шотландией «по настоянию короля Франции, нашего дорогого отца и друга, который является союзником шотландцев»⁴⁶. Поддерживая Шотландию в течение первых двух десятилетий XIV в., французская монархия реально способствовала ослаблению Англии и, по существу, готовила свой успех в новом неизбежном столкновении с ней из-за земель на юго-западе.

Несколько иная ситуация сложилась в тот момент во Фландрии. Она по-прежнему находилась в поле зрения соперничающих монархий, но совокупность некоторых явлений внутренней жизни сделала ее в начале XIV в. не самым активным звеном в традиционной системе связей и противоречий европейских государств. Битва при Куртре 1302 г. и последовавшая за ней борьба вокруг условий мирного соглашения с Францией обнажили наметившееся еще во второй половине XIII в. расхождение политических позиций графов Фландрских и горожан, которые все более активно вмешивались в политическую жизнь и отличились в сражении при Куртре и в целом в борьбе против французской аннексии. Графы же Фландрские постепенно превращались в подлинных вассалов Капетингов.

Англия с этого времени навсегда потеряла союзника в лице этого полунезависимого вассала французской короны. Однако фландрские города стали к началу XIV в. достаточно самостоятельной силой. Их политическая активность и высокий дух независимости опирались на прочный фундамент сильной экономики, которая в масштабах Европы развивалась в опережающем темпе. Их давнее тяготение к торговым связям с Англией сохранялось, но не было однозначной предпосылкой для легкого политического сближения и тем более союза. Сказывалось и расхождение городов с позицией графов, и то, что на протяжении десятилетий Франции удалось обрести хотя бы частичную опору в городской среде: на ее стороне была значительная часть патрициата, особенно в Ипре. Наиболее болезненно отразился на отношениях английской монархии с городами Фландрии факт торгово-экономической помощи отдельных фландрских купцов воюющим за независимость шотландцам. В английских официальных документах содержатся многочисленные требования Эдуарда II прекратить торговые связи с шотландцами, Англия квалифицировала их как пиратство, поскольку корабли фландрских городов прорывались через английскую блокаду.

Осложнение отношений с Англией и политическая переориентация графа Фландрского практически оставили графство в начале XIV в. без международной поддержки. Английская монархия, правда, по-прежнему стремилась по возможности сдерживать нажим Франции на своего потенциального союзника, не вступая при этом с

ней в открытый конфликт. Так, в 1315 г. Эдуард II отказался участвовать во «фландрском походе» Людовика X, сославшись на тревожное положение в Ирландии и Шотландии. К тому же английскому королю было бы унизительно принять участие в войне против бывшего союзника, тем более что французский король призвал его в войско в качестве своего вассала. Французское давление на Фландрию продолжалось, и это со временем должно было сказаться на позиции горожан. Пока же у них, видимо, сохранялась иллюзия, что дальше достигнутых рубежей французская угроза не разовьется, сдержанная сражением при Куртре. Однако вскоре стала ясна ошибочность этих предположений.

Непрочной было положение английской монархии и за Пиренеями, где франко-кастильский союз представлял большую опасность в случае англо-французской войны на юго-западе. Англию, однако, должно было воодушевлять то, что во время предыдущего конфликта в Гаскони этот союзник никак себя не проявил. Это вселяло надежды на возможность переориентации Кастилии, особенно реальную в связи с тем, что Франция, по всей видимости, была замешана в сепаратистских выступлениях кастильской знати под флагом защиты прав инфантов де Ла Цеда — представителей французской ветви правящего дома. Несмотря на то что в 1306 г. союз между Францией и Кастилией был подтвержден, Эдуард II уже в 1308 г. предпринял дипломатические шаги для более надежного урегулирования отношений с Кастилией. Столкновения на море между кораблями кастильского и гасконс-

кого флота угрожали обострением англо-кастильских отношений, а возобновление притязаний королей Кастилии на английскую Гасконь при наличии франко-кастильского союза было крайне опасно.

В 1308 г. Эдуард II решительно отмежевался от причастности к пиратским действиям кораблей Байонны у побережья Бискайского залива, отказался в угоду Кастилии от предложенного Португалией торгового соглашения. Его письма о стремлении к добрым отношениям с Кастилией приобрели восторженно-патетический характер: «О, как горячо и страстно желаю я, чтобы между нами, нашими и вашими подданными навсегда утвердился и процветал блеск мирных отношений!»⁴⁷ В этой переписке нет и намека на какую-либо роль Франции — миролюбивые порывы английского короля официально основывались только на его христианских чувствах. В 1309 г. Эдуарду II удалось добиться урегулирования конфликтов, возникших у моряков Байонны с кастильскими купцами. Соглашение между ними было подписано в присутствии самого короля Англии, что еще раз продемонстрировало его реальную заинтересованность в укреплении дружбы с Кастилией.

В 1311 г. король Кастилии Альфонс XI обратился к Эдуарду II с просьбой о займе, которую последний, естественно, выполнить не мог. Его положение в Англии было в тот момент крайне непрочным, баронская оппозиция практически диктовала королю свои условия (например, требовала отказа от займов короля у итальянских банкиров), в Шотландии неудачно складывалась

военная обстановка. Все это заставило Эдуарда II в извинительном тоне отказать кастильскому королю в его просьбе и тем фактически лишить свои усилия по сближению с Кастилией возможной материальной основы. Это пиренейское государство осталось в русле французского влияния, о чем свидетельствовали династические проекты 1317—1320 гг. Предполагавшийся брак французской принцессы и Альфонса XI не состоялся. Но письмо Филиппа V по этому поводу содержало не только самые изысканные объяснения и оправдания. Король Франции ссылался на непредвиденные трудности и необходимость укрепления династических уз с графом Фландрским. «Человек предполагает, а Бог располагает», — писал он о сложной обстановке во Фландрии и необходимости изменить проект династического брака. Главным же в этом письме было подтверждение Филиппом V верности союзу Франции и Кастилии.

Роль Германской империи и папства в развитии англо-французских отношений постепенно уменьшалась в течение XIII в., а в начале XIV в. практически сошла на нет. С началом Авиньонского пленения* поддержка папства, естественно, оказалась в резерве французской политики. Но использовался этот резерв пока не особенно эффективно. Профранцузская позиция папства в течение 20-х гг. проявилась, пожалуй, лишь в постепенном изменении отношения к Роберту Брю-

* Авиньонское пленение пап — вынужденное (под давлением французских королей) пребывание римских пап в Авиньоне в 1309—1377 гг. (с перерывом в 1367—1370 гг.).

су, которого папа Иоанн XXII признал в 1323 г. королем Шотландии. В целом же папство было по-прежнему поглощено борьбой с Германской империей. Это давнее противоборство перестало занимать центральное место в западноевропейской международной жизни, но все же несколько больше интересовало Францию. Папы препятствовали усилению позиций Германской империи в Италии, где у французской монархии появились собственные политические интересы. Здесь отработывалась и крепла не раз применявшаяся папством тактика объявления «крестового похода» против политически неудобного правителя. В 80-х гг. она уже послужила интересам Франции в столкновении с Педро III Арагонским. Сохраняли силу контакты папства с анжуйским домом, который имел влияние в Средиземноморье, что тоже было выгодно Франции. Отношения французской монархии с Германской империей, которая в прошлом неоднократно сближалась с Англией, были в начале XIV в. юридически урегулированы договором 1310 г. между Филиппом IV и Генрихом VII, в котором провозглашались «дружба и союз».

Такова была расстановка сил на международной арене перед последним конфликтом на юго-западе, фактически завершившим второй этап в истории англо-французских противоречий. В целом она была в пользу Франции. Это должно было создавать у французского двора веру в сравнительно легкую победу над Эдуардом II и возможность завершения процесса вытеснения Англии с континента. Непосредственным толчком к очередному взрыву стало уже традицион-

ное обострение обстановки в Гаскони. Французский двор, который к началу 20-х гг. XIV в. явно искал повода для изгнания англичан с юго-запада, в 1323 г. решительно потребовал, чтобы Эдуард II в третий раз прибыл во Францию для личного принесения оммажа французскому королю. Оммаж этот был третьим по счету в связи с частой сменой правителей Франции после смерти Филиппа IV. В 1308 г. Эдуард II вскоре после своего вступления на престол принес оммаж Филиппу IV, в 1320 г. Филиппу V (Людовику X не успел). Требование Карла IV было унижительно для королевского достоинства английского монарха, и он начал уклоняться от его выполнения. Ссылаясь на действительно трудную для Англии ситуацию в Шотландии, Эдуард II оттягивал принесение оммажа, чем окончательно подтолкнул Францию к выступлению на юго-западе. Непосредственным поводом к нему послужила тяжба из-за бастиды* Сен-Сардо в Аженэ, которую французы начали сооружать на спорной территории. Английская администрация считала эту землю объектом своего контроля и возражала против строительства на ней укрепленного поселения, подвластного Франции. Парижский парламент отклонил этот протест. Тогда представители английской власти в Гаскони сожгли бастиду. Карл IV использовал этот факт в качестве основания для конфискации герцогства Аквитанского у Эдуарда II как у непокорного вассала. Следовательно, начало очередного англо-фран-

* Б а с т и д ы — небольшие города-крепости, население которых в случае вооруженного конфликта могло быть важной опорой королевской власти.

цузского вооруженного конфликта на юго-западе было точно таким же, как в 1294 г., при Филиппе IV и Эдуарде I.

В историю англо-французских отношений конфликт 1323—1325 гг. вошел как «война Сен-Сардо». Это была последняя попытка Франции избавиться от английских владений на континенте в рамках традиционных взаимоотношений сюзерена и вассала, кем являлся по условиям Парижского договора 1259 г. английский король в ранге «герцога Аквитанского». Абсолютная безрезультатность второй за сравнительно короткое время попытки окончательно доказала бесплодность этого устаревшего подхода и необходимость перевода англо-французских противоречий на новый уровень подлинно межгосударственных отношений. По существу, это произошло еще в середине XIII в. Сохранение вассально-ленной формы отношений между двумя монархиями становилось все более очевидным анахронизмом, который должен был быть устранен в условиях уже сформировавшейся, достаточно высоко развитой государственности.

Конфликт 1323—1325 гг. в английской Гаскони носил более локальный характер, чем события 1294—1303 гг. Тогда столкновение интересов Англии и Франции происходило практически одновременно, хотя и в разных формах, в Гаскони, Фландрии и Шотландии. «Война Сен-Сардо» развернулась только на юго-западе Франции, но и она имела связь с событиями в тех же Шотландии и Фландрии, а также непосредственно затрагивала страны Пиренейского полуострова. Начало военных действий на юго-западе заставило

англичан поспешно заключить в 1323 г. перемирие с Шотландией после очередной неудачной кампании Эдуарда II. Хотя французская монархия на этот раз сама стремилась к конфликту и явно рассчитывала на победу над многократно разбитым в Шотландии и непрочно сидящим на английском троне Эдуардом II, она не смогла должным образом развернуть военные действия в Гаскони. Отвлекающую роль сыграли события во Фландрии, где в 1323—1328 гг. вспыхнуло крупное народное восстание. Масштаб и накал движения вызвали серьезное беспокойство французской монархии и заставили ее активно вмешаться в события в графстве: уже в 1325 г. там были размещены французские войска, а в 1328 г. французская армия разбила повстанцев в решающем сражении при Касселе. Франция не могла не воспользоваться такой благоприятной возможностью для укрепления своих позиций в графстве. Граф Людовик Неверский получил утраченную в результате восстания власть из рук французского короля, что еще более прочно приковало его как вассала к французскому трону. Серьезный удар был нанесен и городам, которые в очередной раз смирились с ограничением Францией их свобод и привилегий, высокими контрибуциями и т. п.

Сама по себе англо-французская война на юго-западе была кратковременной и бедной на события. После нескольких столкновений на море с неопределенным исходом и осады Лареоля стороны начали мирные переговоры. Часть герцогства Аквитанского оставалась в руках французов, но под английской властью со-

хранились ключевые центры: Бордо, Байонна, Дакс, Сент-Эмильон, Сен-Север. В Гаскони сложилось относительное равновесие сил, которое обе стороны не могли нарушить из-за опасения ослабить свои позиции в Шотландии или Фландрии. По-видимому, это способствовало резкому обострению внимания Англии к странам Пиренейского полуострова. Английская монархия развернула энергичную дипломатическую деятельность вокруг Кастилии и Арагона. Была предпринята попытка добиться союза с арагонским королем Жуаном II. Казалось, что здесь у Англии были все основания рассчитывать на успех. К этому располагали не забытые еще противоречия между Францией и Арагоном в Средиземноморье, а также опыт дипломатических контактов английской и арагонской монархий в конце XIII в. Английское предложение союза, скрепленного династическими узами, встретило, однако, решительный отказ. Как писал в декабре 1324 г. Жуан II французскому главнокомандующему в Гаскони Карлу Валуа, «прекрасно сознавая, что этот союз был бы направлен против короля Франции, мы отказались от него наотрез»⁴⁸.

Весной 1325 г., когда военные действия в Гаскони практически прекратились, но мир еще не был заключен, англичане повторили свое предложение. Они, видимо, уже не рассчитывали на военную помощь, но хотели по крайней мере укрепить свои политические позиции, противопоставив сближение с Арагоном франко-кастильскому союзу. И снова получили отказ со ссылкой на невозможность «дружбы» с врагом коро-

ля Франции, с которым у Арагона утвердился «мирный союз». Арагонская монархия определенно не желала нарушать отношений с Францией, стабилизация которых далась в конце XIII в. нелегко. Это нарушение было бы очень опасным для Арагона и из-за соседства с Францией, и из-за возможного обострения обстановки в Средиземноморье. К Англии же арагонскую монархию не толкали в тот момент никакие реальные интересы, даже денежные, поскольку было ясно, что бесславная война в Шотландии и конфликт в Гаскони истощили английскую казну.

Параллельно с безуспешными попытками добиться сближения с Арагоном Англия стремилась разрушить франко-кастильский союз и сделать Кастилию своей опорой за Пиренеями. Англо-кастильские противоречия из-за притязаний Кастилии на английскую Гасконь, казалось, ушли в далекое прошлое (они возникли в конце XII в. и были юридически урегулированы примерно через полстолетия). Почва же для франко-кастильского сближения (противоречия обеих стран с Арагоном) сделалась к началу XIV в. менее прочной. С конца 1324 г. англичане начали дипломатическое давление на Кастилию. Английский главнокомандующий граф Кентский прямо взывал к ней о помощи, Эдуард II пытался в письмах к королю Кастилии создать впечатление, что англо-кастильское урегулирование 1254 г. следует рассматривать как союз. Результаты этих шагов были более заметными, чем в контактах с Арагоном. В мае 1325 г. одновременно с переговорами об англо-французском мире начались переговоры между представителями

Англии и Кастилии. Обсуждались многие предположения, включая династические браки и предоставление Кастилией войск «для защиты герцогства Аквитанского против короля Франции» (англичане просили 3000 всадников)⁴⁹. Однако ответное требование кастильской монархии разрушило все достигнутое: в качестве приданого для дочери Эдуарда II в случае ее брака с королем Кастилии было предложено назначить герцогство Аквитанское или хотя бы его часть. Фактически это было равнозначно возрождению древних кастильских притязаний на Гасконь. Они всегда стояли между Англией и Кастилией. Принятие кастильского предложения означало бы полную или частичную потерю английских владений на юго-западе Франции, владений, которые стали последним плацдармом Англии на континенте, последним реальным напоминанием о сильной монархии времен первых Плантагенетов, наконец, — важнейшим источником доходов для королевской казны. Это требование было неприемлемо для Англии. Переговоры с Кастилией не привели к реальным результатам. Франко-кастильское сближение, происшедшее в конце XIII в., имело под собой более прочное основание, что и сохраняло союз двух монархий до Столетней войны, когда он на некоторое время стал действенной силой в международных отношениях западноевропейского региона.

Создать перевес сил на юго-западе английской монархии не удалось. Внимание Франции было серьезно отвлечено Фландрией, но в активной французской внешней политике были союзы с Кастилией и Шотландией. Последний был осо-

бенно опасен, так как англичане продолжали терпеть военные поражения в борьбе с освободительным движением под руководством Роберта Брюса, а Франция тем временем вела переговоры об «укреплении» союза с Шотландией. Все это ускорило юридическое завершение англо-французской войны на юго-западе. Договор, заключенный в Париже в мае 1325 г., свидетельствовал о полной безрезультатности очередного конфликта в Гаскони. Он вновь устанавливал статус-кво: английскому королю было возвращено герцогство Аквитанское при условии принесения оммажа и сохранения права рассмотрения апелляций за королем Франции. Эти условия реально не удовлетворяли ни одну из сторон. В них не было даже намека на решение центральной проблемы в англо-французских противоречиях. Между тем острота ее для обеих монархий усиливалась — дефицит земель и доходов был естественным спутником эпохи. Присоединение юго-западных областей стало серьезной задачей французской монархии как с экономической точки зрения, так и в политическом отношении. При сохранении «английской Гаскони» нельзя было считать завершенным дело объединения французских земель под единой властью. И все же Франция не смогла в течение второй половины XIII — первой трети XIV в. решить проблему присоединения «английской Гаскони» к королевскому домену. Конфликты 1294—1303 и 1323—1325 гг. оказались совершенно бесплодными.

Сходная ситуация сложилась и во Фландрии: несмотря на большие усилия французской монархии, которая нанесла немало тяжелых ударов

по независимости графства, подчинила себе его правителей, урезала вольности городов, Фландрия все же не вошла в состав королевского домена. Причины этой незавершенности в решении актуальнейших для Франции задач в Гаскони и Фландрии заключались во внутренней жизни обеих областей. В каждой из них, несмотря на географическую отдаленность и определенное различие исторических судеб, существовали своеобразные, но сходные между собой социально-экономические и политические явления, препятствовавшие их окончательному присоединению к Французскому королевству. Это можно назвать глубокой внутренней самобытностью и независимостью, которые ощущались начиная с эпохи раннего Средневековья.

В Юго-Западной Франции многие объективные обстоятельства могли способствовать утверждению французской власти: территориальное расположение Гаскони, вокруг которой все более плотно сжималось кольцо французских владений; большая протяженность равнинных границ с Францией (это делало герцогство Аквитанское крайне уязвимым с французской стороны в военном отношении). Серьезной опорой французских королей в борьбе за Гасконь было положение верховных сюзеренов этой области, закрепленное за ними Парижским договором 1259 г. Право сюзеренитета в сочетании с принятой в Гаскони французской системой вассалитета давало Франции достаточно широкие возможности вмешательства в гасконские дела вплоть до права конфискации этой области у герцога Аквитанского — т. е. английского короля.

Однако в пользу Англии в Гаскони действовали такие факторы, как взаимные экономические интересы английской короны и жителей многочисленных и богатых гасконских городов, исторически сложившиеся традиции относительной политической независимости этой области и стремление ее населения избежать реального подчинения какой бы то ни было центральной власти. Причем власть французского короля была для Гаскони особенно нежелательной. Франция находилась в непосредственной территориальной близости, и присоединение к ней угрожало полной утратой относительной независимости и возможным нарушением ценных экономических связей с Англией. Кроме того, население французского юго-запада отличалось этнической и культурной самобытностью. Стремясь к ее сохранению, жители Гаскони считали наиболее серьезной угрозой поглощения Францией.

Объективные трудности на пути присоединения юго-западных земель к Французскому королевству усугублялись целенаправленными и достаточно эффективными мерами английской короны по укреплению своих позиций в Гаскони. Английская политика в этой области отличалась гибкостью, стремлением к сглаживанию острых углов и использованию всех возможностей для укрепления контактов с феодалами и горожанами. К началу XIV в. появились свидетельства успеха этой политической линии. Прекратились вооруженные антианглийские выступления местной знати, характерные для более раннего периода. Сепаратизм гасконских баронов и рыцарей стал уживаться с признанием объективной

ценности поддержания добрых отношений с Англией. Многие из них активно служили английскому королю не только в Аквитании, но и на Британских островах (например, во время войн в Уэльсе).

Если о феодалах Гаскони можно с уверенностью сказать, что они не были последовательными противниками английской власти, то горожане, безусловно, стали ее союзниками и опорой. Этот союз основывался не только на общности экономических интересов. Английская корона укрепляла его путем активного вмешательства во внутригородские дела и установления полного контроля над внутренней жизнью сооружаемых англичанами городов-крепостей (бастид). В результате во все критические для английского короля моменты (англо-французские войны в Гаскони, сепаратистские выступления знати и т. п.) горожане в абсолютном большинстве поддерживали Англию.

Таким образом, власть Плантагенетов в Юго-Западной Франции к XIV в. приобрела серьезную социально-экономическую основу. И неудивительно, что французской монархии не удалось разрушить ее в локальных войнах конца XIII — начала XIV в. на основе традиционных политических вассально-ленных отношений.

Положение, сложившееся в этот период во Фландрии, было во многом сходно с гасконской ситуацией. Так же как и в Гаскони, французская монархия имела здесь военный успех, но он не приводил к присоединению области в силу активной борьбы ее населения за сохранение своей самобытности и относительной самостоятель-

ности. Хотя здесь, в отличие от Гаскони, Англия не имела никаких юридических прав, именно она создавала опору сепаратизму Фландрии. Давние торговые связи с городами — ведущей, экономической силой графства — помогали английской короне укреплять политические позиции во Фландрии. Об этом красноречиво свидетельствовали совместные антифранцузские выступления и союз между Англией и графством Фландрским, сложившийся в XIII в. В XIV в. усиление давления на Фландрию со стороны французской монархии и ряд поражений в борьбе против нее привели к тому, что графы Фландрские превратились в верных вассалов Капетингов, а горожане начали видеть в союзе с английским королем единственный путь сохранения своей независимости. Их ориентация именно на Англию, а не на соседнюю Германскую империю объяснялась теми же мотивами, что и позиции жителей Гаскони: территориальной отдаленностью Англии и наличием общих экономических интересов.

Таким образом, давние противоречия между английской и французской коронами в начале XIV в. не были разрешены. Более того, столкновения интересов Англии и Франции в Гаскони и Фландрии сделались глубже, чем прежде, обретая прочную экономическую основу. На международной арене давняя тенденция расширения масштабов англо-французского соперничества привела к образованию группировок государств и феодальных правителей вокруг стран-соперниц. Все это говорило о том, что заключительный этап борьбы между Англией и Францией будет более трудным и масштабным, чем прежние. За-

падная Европа стояла на пороге длительного англо-французского военно-политического конфликта, называемого в историографической традиции Столетней войной.

Соперничество между Англией и Францией к началу XIV в. сосредоточилось в нескольких конкретных узлах противоречий: гасконском, фландрском, шотландском. В неизбежном столкновении каждой стране предстояло решать свои задачи. Во Франции без окончательного территориального размежевания с английской монархией не мог завершиться процесс централизации государства. Для Англии война против Франции и ее союзницы Шотландии должна была решить, реализуется ли наметившаяся тенденция к созданию универсального государства, включающего этнически чуждые друг другу народы.

В 1327 г. английский парламент низверг Эдуарда II как недостойного правителя, угнетавшего церковь и баронов и потерявшего Шотландию. В заговоре против своего мужа участвовала королева Изабелла (дочь французского короля Филиппа IV Красивого). Эдуард II был пленен, а потом убит в одном из замков. Королем Англии был провозглашен его сын Эдуард III (1327—1377).

Коронованный в пятнадцатилетнем возрасте, Эдуард III начал по-настоящему править страной через три года — в 1330 г., отстранив от власти свою мать королеву Изабеллу и ее фаворита лорда Мортимера. Вполне реальные династические права Эдуарда на французскую корону были отвергнуты еще в 1328 г., когда пэры Франции избрали на престол представителя бо-

ковой ветви дома Капетингов Филиппа VI Валуа (1328—1350). Законность династических притязаний Эдуарда III не вызывает сомнений. Они были достаточно прочно обоснованными с точки зрения феодального права, а их защита строго соответствовала давней традиционной линии международной политики предшественников Эдуарда из дома Плантагенетов. Начиная с основателя династии Генриха II английский правящий дом не оставлял надежды на создание под эгидой английской короны империи, раскинувшейся на Британских островах и значительной части французских земель (Нормандия, Мен, Турень, Анжу, Аквитания). Это так называемая «Анжуйская империя», реальность создания которой была для Плантагенетов серьезной политической целью со второй половины XII в. Каждая крупная личность на английском троне — Генрих II, Ричард I, Эдуард I — пыталась собирать или укреплять под английской властью причудливый комплекс земель, образовавшийся в результате сложного переплетения семейных уз домов Плантагенетов и Капетингов, а также в итоге некоторых достижений экспансионистской политики нормандского герцога и английских королей в XII—XIII вв.

Права на французский престол, неожиданно возникшие у Эдуарда III после прекращения мужской линии древнего королевского рода Капетингов, могли стать вполне органичной для Средневековья формой давней борьбы за создание под властью английской короны империи универсалистского типа. И все же в течение первых

девяти лет Эдуард III не предпринимал никаких шагов против Филиппа VI Валуа. Казалось бы, он оставил мысль о защите своих династических притязаний.

Английская монархия получила прекрасный аргумент для любых выступлений против Франции и короля Филиппа VI. Возобновление династических притязаний Эдуарда III было вопросом времени. Время требовалось ему в первую очередь для того, чтобы укрепить свое положение в Англии. Правление Эдуарда III с первых шагов ознаменовалось усилением центральной власти, ослабленной при его предшественнике Эдуарде II. Были пресечены попытки установления баронской олигархии, укреплены контакты короля с парламентом. Все это позволило Эдуарду III возобновить активную внешнюю политику и попытаться наконец разрешить давние спорные проблемы.

В 1332 г. английские войска вторглись в Шотландию. Эдуард III не только воевал против союзника французской короны, но и стремился предотвратить возможный удар с севера в случае начала французской кампании. Молодой английский король выковывал в трудных условиях враждебной горной страны будущую победоносную армию. А сам становился полководцем, задатки которого ему, видимо, дала природа.

Победа на севере была важным условием успешной борьбы против Франции: она избавила бы Англию от перспективы войны на два фронта. Выступление против Шотландии делало англо-французскую войну вопросом ближайшего будущего. Отчетливо сознавая это, Эдуард III

энергично укреплял прежние союзные связи и искал новые.

Готовясь к вторжению во Францию с севера, Англия оказала сильнейшее давление на Нидерланды. В 1336 г. был наложен запрет на продажу английской шерсти традиционным торговым партнерам во Фландрии. Это заставило горожан вопреки воле графа Фландрского решительно пойти навстречу желаниям Эдуарда III и открыто признать себя союзниками Англии. Инициатором и непосредственным руководителем подготовки союза стал Якоб Артевельде (1290—1345) — предводитель восставших против власти графа сукноделов Гента. Объективно это объединение было подготовлено давно.

Поддержку феодальных правителей Нидерландов английскому королю пришлось покупать под видом подарков, пожалований в знак дружбы и т. п. Некоторые из этих сделок скреплялись династическими браками или их проектами. Эдуард III проявил невероятную активность, изворотливость, безусловные дипломатические способности, умело использовал родственные связи по линии жены и в итоге добился многого. Почти все крупные феодалы Нидерландов обещали ему военную помощь.

Большим дипломатическим успехом Англии был официальный союз с германским императором Людовиком Баварским (август 1337 г.). В договоре открыто говорилось о взаимной помощи против Франции. Императора толкнули на это поиски опоры в борьбе против профранцузски настроенного папы Бонифация XII. В обмен на немалую денежную сумму и обещание Эдуар-

да III способствовать примирению императора с папой Людовик Баварский пожаловал английскому королю титул викария империи. Это позволяло Эдуарду III не только рассчитывать на участие армии императора в войне, но при необходимости самому набирать войска в Германии.

В эти же месяцы лихорадочных приготовлений к войне с Францией (весна — лето 1337 г.) Эдуард III попытался создать себе опору на Пиренейском полуострове, разрушив традиционную близость позиций Кастилии и французской монархии. Дипломатические шаги предпринимались также с целью сближения с Арагоном и Португалией. К началу Столетней войны эти усилия еще не принесли реальных результатов, но они свидетельствовали о первых шагах на пути будущего вовлечения стран Пиренейского полуострова в сферу англо-французской борьбы.

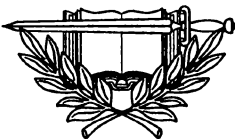
Филипп VI готовился к войне менее энергично. Во Франции, по-видимому, не думали, что Эдуард III вступит в борьбу с таким сильным противником до победы в Шотландии. Поэтому большое внимание уделялось поддержке шотландцев. Успокоительным образом влияли на французский двор еще два обстоятельства: гарантированная поддержка папы (в 1336 г. от него были получены большие субсидии) и прочно утвердившееся со времен Бувина и Касселя представление о непобедимости французской рыцарской конницы. О печальном уроке битвы при Куртре старались не вспоминать, хотя именно он мог бы чему-то научить в преддверии грядущих поражений первого этапа Столетней войны. Французские рыцари почтили на лаврах своей былой славы

как раз в то время, когда английская армия во главе с Эдуардом III в условиях горной Шотландии и отчаянного сопротивления ее жителей отработывала и совершенствовала тактику ведения боя, приобретала опыт взаимодействия пехоты и конницы, наконец, просто закалялась в трудной борьбе.

Пользуясь тем, что Эдуард III увяз в шотландской войне, французский король объявил в мае 1337 г. об очередной конфискации Гаскони. Во Франции явно недооценивали готовность Англии к крупному конфликту, полагая, вероятно, что дело может и на этот раз кончиться локальной войной на юго-западе. Однако назрело время решающего столкновения по всем спорным проблемам. В серии обращений к своим подданным, папе и даже подданным Филиппа VI английский король довольно ловко представил Англию пострадавшей стороной и жертвой происков «Филиппа Валуа, управляющего сейчас вместо короля»⁵⁰. Подготовив таким образом общественное мнение, Эдуард III выдвинул притязания на французский трон и объявил войну Франции.

Эдуард приказал включить эмблему дома Капетингов — королевские лилии — в свой королевский герб. В итоге традиционные английские леопарды оказались изображенными на одном геральдическом поле с французскими королевскими лилиями. Это означало, что войска двух королевств встретятся в непримиримом военном противостоянии на полях сражений.

Часть вторая
СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА
1337—1453

Глава III

ПОВЕРЖЕННАЯ ФРАНЦИЯ?

Объявленная в 1337 г. война разворачивалась, как и большинство средневековых войн, медленно. Характерно, что первые акты военных действий совершились на территориях, представлявших собой основные объекты англо-французского соперничества: в Юго-Западной Франции и во Фландрии. В Гаскони, которой Англия лишалась согласно приказу Филиппа VI, французские войска попытались вытеснить англичан из крепостей и атаковать Бордо. В то время как английские гарнизоны под руководством сенешала Оливера Ингхэма сдерживали этот натиск, английские войска высадились во Фландрии. Их целью были, по-видимому, действия отвлекающего и разведывательного характера. Не проникая в глубь французской территории, они опустошали и грабили прибрежные районы. В ответ французский флот предпринял серию таких же набегов на побережье Южной Англии — в Саутхемптон, Портсмут и др.

Осенью 1339 г. произошло первое внушительное вторжение английской армии во главе с са-

мим Эдуардом III в Северную Францию через Нидерланды. В этой экспедиции приняли участие союзники английского короля из Нидерландов — герцог Брабантский, граф Гельдернский, маркграф Юлихский и другие. Продвигаясь по Пикардии, английский король, как отметил хронист Уолсингем, «предал огню тысячу деревень и произвел большие опустошения»⁵¹. Это сообщение хрониста — свидетельство начала систематических грабительских рейдов по территории Франции, которые станут одним из ее величайших бедствий в течение предстоящего более чем столетнего периода.

Однако дальше этого дело не пошло — известие о приближении французской армии под руководством Филиппа VI заставило Эдуарда остановиться. То же самое сделали и французы. Армии, насчитывавшие, по данным Фруассара, примерно по 40 тыс. человек, замерли по приказу государей, не торопившихся вступить в бой и затеявших обмен обличительными письмами, угрозами вызова на поединок и т. п. Затем соперники отступили, так и не начав сражения.

Подобная нерешительность в развитии давно назревшего и неизбежного военного конфликта должна была иметь серьезные причины помимо естественной осторожности враждующих сторон, питавшихся слухами о взаимных грандиозных приготовлениях. Английские историки в силу присущей им предвзятости при рассмотрении истории Столетней войны склонны объяснять это исключительно трусостью и бездарностью Филиппа VI. Но следует принять во внимание и более серьезные факторы. Прежде всего

Англия была вынуждена вступить в войну с Францией в условиях продолжавшейся с 1332 г. борьбы с Шотландией. Неоднократные попытки Эдуарда III добиться «окончательного мира» с шотландцами не увенчались успехом. Это заставляло его быть крайне осторожным, так как поражение во Франции должно было активизировать шотландцев.

Ненадежны были союзники каждой из враждующих армий. Выступившие на стороне Филиппа VI король Чехии Ян Люксембургский и герцог Лотарингский горячо отговаривали его от битвы, пугая возможным поражением. Английские союзники из Германии и Нидерландов (по существу, наемники) вообще покинули английскую армию. Нельзя также забывать и о роли папы. Он принимал позу миротворца, но реально поддерживал французского короля. Эдуард III, как умный и тонкий политик, не мог не считаться с «идеологическим центром» тогдашнего общества. Отсрочку английского вторжения он публично связал с «волей папы»⁵².

Итак, начало военных действий между Англией и Францией свидетельствует, что в конце 30-х гг. XIV в. еще не проявилось военное или международное превосходство какой-либо из борющихся сторон. Более того, возможно, Эдуард III был вполне готов к мирным переговорам и урегулированию конфликта с Францией при условии уступок с ее стороны. Об этом говорит назначение в конце 1339 — начале 1340 г. целого ряда послов для переговоров «с Филиппом Валуа, называющим себя французским королем». Английские представители получали полномочия «гово-

речь о мире, перемирии или о продолжении войны», по всем спорным вопросам — в первую очередь об английских правах в Аквитании и о прекращении французской поддержки Шотландии⁵³.

Первую крупную военную победу одержали англичане на море 24 июня 1340 г. в битве при Слейсе у берегов Фландрии. Стремление Эдуарда III нанести удар по французскому флоту было вполне понятным. Для успеха войны на континенте надо было добиться преимущества на море. В противном случае в тылу английской армии постоянно находилась бы опасная сила, способная прервать подвоз подкреплений, снаряжения, денег и т. п.

В Западной Европе было широко известно, что Филипп VI под флагом подготовки крестового похода сосредоточил у берегов Франции большой флот. Данные хроник относительно его численности противоречивы. Если отбросить крайние преувеличения, то наиболее приемлемой представляется цифра 200 кораблей (французских, кастильских и генуэзских). Английский флот был несколько меньше.

Сражение красочно описано в хрониках того времени. Однако для восстановления его картины следует отказаться от многих преувеличений, проникших на страницы источников под влиянием эмоций и предвзятости (французский хронист сообщает, что потерпевшие поражение французы убили 10 тыс. англичан; английский уверяет, что вода в районе Слейса была в течение трех дней красной от крови, и т. п.).

Основными причинами победы англичан были большая маневренность кораблей и про-

явившаяся уже здесь роль английских лучников. Пролив, в котором происходило сражение, был очень узок. Это вынуждало корабли находиться близко друг к другу и позволило лучникам вести прицельный обстрел. Руководивший битвой Эдуард III оказался более способным флотоводцем, чем стоявшие во главе французского флота «сухопутные» полководцы Киере и Бегюше. Оба они были схвачены и убиты в начале сражения, что внесло растерянность в ряды французов. Разгром французского флота был полным — уцелела лишь небольшая часть кораблей.

Главным результатом этой победы было нарушение внешнего равновесия и неопределенности, характерных для первых лет войны. Теперь инициатива перешла к Англии. Пышные празднества по этому случаю в Англии, специально выбитая монета, на которой английский король был изображен как триумфатор, победоносные репортажи на всю Европу — все это подчеркивало унижительный для Франции характер поражения. Один из авторов хроник передает оскорбительную шутку, которую распространяли после Слейса англичане: «Если бы Бог дал рыбе возможность говорить, то она заговорила бы по-французски, так как она съела очень много французов». Унижение национального достоинства французов началось.

Важно также заметить, что уже после этой первой победы Эдуард III начал пропагандировать идею о том, что грандиозное поражение французского войска — проявление воли Бога, который желал покарать узурпатора Филиппа VI. Мысль о «Божьем суде», выразившемся в

победе или поражении одной из сторон, была глубоко традиционной для Средневековья. Весь крестный путь тяжелейших военных поражений Франции английские Плантагенеты от Эдуарда III в первой половине XIV в. до Генриха V в начале XV в. сопровождали этим психологическим мотивом.

Достигнутый военный успех требовал развития, однако это удалось английскому королю не сразу и не легко. Кампания 1340 г. на суше была неудачной: английские войска вместе с союзниками медленно продвигались по Фландрии, предпринятая ими осада г. Турнэ затянулась. Между союзниками Англии (в первую очередь между рыцарями из Германии и горожанами Рента) начались разногласия. Осложнилась и международная обстановка. Эдуард получил известие, что на северной границе Англии активизировались шотландцы. Освободив свою территорию, они начали вторгаться в Англию. При этом была очевидна связь между ними и Францией. Не случайно именно теперь в Шотландию прибыл воспитанный при французском дворе и лично воевавший на стороне Франции шотландский король Давид II.

Не могла не тревожить английского короля и позиция папства. До 1340 г. профранцузская ориентация авиньонских пап проявлялась довольно осторожно. Под впечатлением разгрома французского флота при Слейсе Бенедикт XII попытался реально помочь Филиппу VI, лишив Англию важнейших союзников. В 1340 г. он наложил интердикт на жителей Фландрии за то, что они помогали Эдуарду III, а не своему законному

союзерену — королю Франции. Горожане держались стойко и пытались доказать, что «Филипп Валуа оказался ложным королем». Действия папы представляли реальную опасность. Они могли поколебать позиции Эдуарда III в общественном мнении (английский король придавал этому большое значение) и помешать союзу Англии с фландрскими городами.

Еще в 1339 г. Бенедикт XII начал разрушать союз Эдуарда III с германским императором и к 1341 г. добился блестящего успеха. Полностью переориентировавшийся Людовик Баварский лишил Эдуарда III титула викария империи и в самом благоприятном для Филиппа VI тоне предложил свое посредничество в заключении англо-французского мира. Ненадежны были и остальные союзники Эдуарда III в Нидерландах. Отсутствие среди них графа Фландрского, твердо придерживавшегося профранцузской ориентации, серьезно ослабляло английские позиции в этом регионе. Огромные деньги и дипломатические усилия Эдуарда III были направлены на то, чтобы укрепить свою опору в Нидерландах.

Все это в сочетании с серьезнейшими финансовыми затруднениями заставило английского короля согласиться на перемирие. Оно не решило ни одного спорного вопроса и сохранило прежнюю расстановку сил: граф Фландрский остался верен Франции, сохранялся франко-шотландский союз.

Перерыв в открытой войне между Англией и Францией продолжался до 1345 г. Однако нерешенность противоречий делала неизбежным ее возобновление. Да и само по себе перемирие

было весьма относительным. Английский король использовал его для борьбы в Шотландии. Он попытался решительным ударом покончить с независимостью северного соседа и лишить Францию важнейшего союзника.

Фактическим продолжением войны в условиях официального перемирия стало в этот период столкновение в Бретани. Здесь англо-французские противоречия проявились в традиционной форме вмешательства в династическую борьбу. Филипп VI и Эдуард III, прикрываясь защитой интересов двух претендентов на герцогский титул, боролись за важнейший стратегический плацдарм в будущей англо-французской войне. В 1341—1343 гг. здесь шли военные действия, завершившиеся успехом Англии. При поддержке английского ставленника де Монфора в Бретани были размещены английские гарнизоны.

Подтвержденное в 1343 г. перемирие предусматривало прекращение военных действий между Францией и Англией на три года повсеместно, в том числе и в Бретани. В условиях перемирия оговаривалось сохранение статус-кво, а следовательно, всех нерешенных вопросов.

В 1345 г. Англия возобновила военные действия в благоприятной для нее международной обстановке. Сохранялся и целенаправленно поддерживался Эдуардом III союз с городами Фландрии. Это обеспечивало базу для английского вторжения на северо-востоке Франции. Бретань могла быть использована как военно-стратегический плацдарм на северо-западе. В Аквитании — традиционной области английского влияния — были проведены военные приготовления

и приняты меры по укреплению политических позиций Англии. Безопасность северных английских границ обеспечивал английский ставленник Эдуард Балиоль, практически находившийся «на жаловании» у Эдуарда III. Признанный в Англии законным королем Шотландии, он вел при английской поддержке пограничную войну и сдерживал натиск шотландцев.

Кампания середины 40-х гг. была задумана как широкое наступление на Францию одновременно с нескольких сторон. В 1345 г. военные действия развернулись в Аквитании и Бретани. На юго-западе Франции английская армия, высадившаяся в Байонне, с боями прошла по Борделэ и Перигору до Ангулема, который был осажден и взят. Одновременно англичане одержали победу над французским войском в Бретани. Контрудар французской армии был нанесен лишь весной следующего, 1346 г. Но уже в июле, прежде чем французы смогли закрепить наметившийся успех на юго-западе, большая английская армия во главе с самим Эдуардом III высадилась на севере Франции, в районе Шербура. Широта военных действий и их интенсивность свидетельствовали о более решительных по сравнению с концом 30-х — началом 40-х гг. намерениях английского короля. Последующие события подтвердили это.

Английская армия быстро продвигалась по Нормандии, опустошая и разрушая все вокруг. Первое серьезное сопротивление она встретила в Кане, который был тем не менее взят, а Эдуард III, по словам хрониста, «получил большое богатство». Недалеко от Руана на пути анг-

личан встала французская армия во главе с Филиппом VI. Однако ни одна сторона не стремилась в тот момент к решительному сражению. Французский король, видимо, не считая свою армию достаточно подготовленной, позволил англичанам беспрепятственно продвигаться к Парижу.

Таким образом, еще до знаменитой английской победы при Креси выявилось, что инициатива перешла к Англии. Франция была атакована с нескольких сторон; английская армия подошла к самому Парижу. Англичане демонстративно и беспощадно опустошали окрестности французской столицы.

Известный французский хронист Жан де Венетт, очевидец событий, писал о том, что с крепостных башен Парижа были видны бесконечные дымы пожаров. По его мнению, никогда раньше людям не приходилось переживать такие страшные бедствия.

Армия Филиппа VI по-прежнему занимала выжидательную позицию, не навязывая противнику сражения. В намерения английского короля пока не входил захват Парижа. В такой успех еще трудно было поверить.

Проведя демонстрацию силы у стен французской столицы, Эдуард повел войска через Пикардию в направлении Фландрии. Там, на земле своих союзников, он мог чувствовать себя почти так же уверенно, как в Аквитании. Пикардия была подвергнута страшному опустошению: продвижение английской армии сопровождалось пожарами, убийствами, разграблением деревень и городов. Франция уже несла урон в войне, хотя

время решительного сражения при Креси еще только приближалось.

26 августа 1346 г. Филипп VI наконец решился атаковать английскую армию, продолжавшую движение в сторону побережья. Этому неожиданному решению дать разумное объяснение так же трудно, как и предшествующему бездействию, например у стен Парижа.

Битва при Креси — одно из наиболее знаменитых сражений в средневековой истории Западной Европы и поворотный момент первого этапа Столетней войны. Причины блестящей победы Англии заключались в принципиальных отличиях между двумя встретившимися армиями. Организация и профессиональный уровень английской армии отражали относительно высокую степень централизации страны и военный опыт, накопленный за годы длительной военной экспансии против соседних стран и народов. В войске преобладала рекрутировавшаяся из свободных крестьян пехота. Армия находилась под единым командованием короля. Отряды рыцарей были, по существу, наемными и подчинялись также королю, а не отдельным феодалам. Постоянные войны в Ирландии, Уэльсе, Шотландии закаляли английскую армию и позволили ей добиться определенных тактических успехов, в частности взаимодействия пехоты и конницы, неведомого рыцарскому войску прошлых времен.

Основу французской армии в то время составляло рыцарское ополчение, распадавшееся на отдельные отряды, не подчиненные единому командованию. Тактика такой армии определялась индивидуальными качествами рыцарей, не

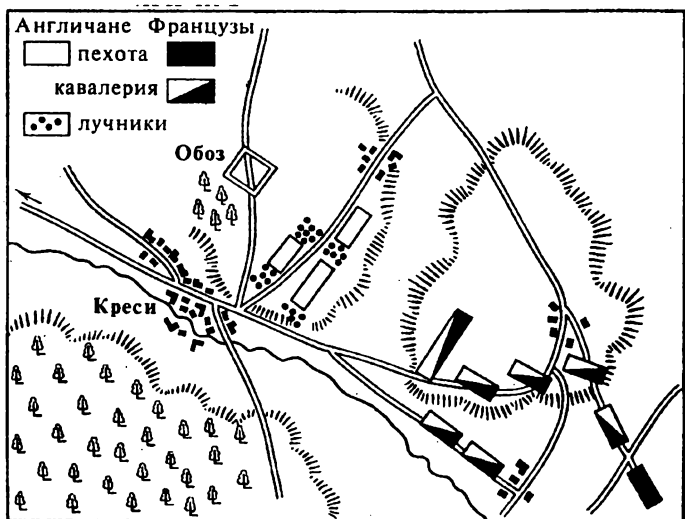
умевших сражаться в пешем строю, презиравших пехоту и военную дисциплину.

Численность войск противников была приблизительно одинаковой: 14—20 тыс. человек. Тем не менее французская армия потерпела полное поражение, обусловленное общей отсталостью военной организации страны. Англичане превзошли французов прежде всего в тактическом отношении. Они вели оборонительное сражение на основе сочетания действий пехоты и конницы под четким единым командованием короля. Эдуард III применил испытанный им в Шотландии тактический прием, совершенно неизвестный во Франции. Он приказал большей части своей конницы сражаться в пешем строю. Это укрепило оборонительные позиции армии и, как справедливо отмечают специалисты по военной истории, имело огромный психологический эффект. Пехотинцы-лучники, интенсивность стрельбы и стойкость которых решали дело в оборонительном сражении, были уверены, что рыцари в трудный момент боя не покинут их и обеспечат им прикрытие. Сыграло свою роль продуманное построение английской армии, развернутой на холме вдоль дороги флангом к противнику. Это не позволило атаковать ее широким фронтом.

Французская армия при Креси обнаружила все свойственные ее организации слабости. К тому же Филипп VI не проявил себя как полководец. Пойдя на поводу у рыцарской спеси и самоуверенности, он не дал армии отдыха после марша и даже не собрал военачальников на совет перед боем. Не признававшие дисциплины

рыцари не дождалась перестроения всей армии и начали разрозненные атаки на английский правый фланг. Медленно продвигаясь на усталых лошадях по мокрому полю, они представляли собой прекрасные мишени для расположившихся на холме и построенных в шахматном порядке английских лучников, стрелявших на 300 шагов. Фруассар отмечает поразительное отсутствие дисциплины и организации в рядах французского войска, которое атаковало англичан «без всякого порядка». На первом этапе боя трагически обнаружилась неспособность французских рыцарей взаимодействовать с пехотой — начавшие отступать арбалетчики были изрублены и потоптаны французской конницей⁵⁴.

Потери французов были огромны — около 1,5 тыс. рыцарей и более 10 тыс. пехоты. Среди

Битва при Креси 26 августа 1346 г.

погибших немало представителей высшей французской знати и союзников Филиппа VI: король Чехии, герцог Лотарингский, герцоги Фландрский, Алансонский, граф Блуасский и многие другие.

Победа англичан при Креси имела большое значение, но отнюдь не решала исхода войны и даже не означала завершения задуманного Эдуардом III плана многосторонней атаки Франции. Английский король еще в течение целого года продолжал действовать именно в русле этого замысла. Сразу же после Креси он направил свою армию к Кале — важнейшему порту на Северном побережье Франции. Стратегическое значение этого города в англо-французской войне невозможно переоценить. Часто применявшееся к нему выражение «ворота Франции» говорит само за себя. 4 сентября 1346 г. Эдуард III начал осаду Кале. Город был осажден с суши и моря, местность вокруг него полностью опустошена. Одновременно английские войска продолжали военные действия в Аквитании и в Бретани. На юго-западе англичане захватили Пуатье и ряд других городов, совершали опустошительные рейды вдоль Гаронны, вплотную подступили к Ла-Рошели. Успешные военные действия в Бретани привели в середине 1347 г. к захвату и пленению французского ставленника Карла Блуасского, признанного во Франции законным герцогом Бретонским. Таким образом, продолжалось задуманное наступление широким фронтом в трех наиболее важных стратегических направлениях.

Именно в это время натиск английской армии встретил первые серьезные препятствия. Как

обычно, опасно для Англии проявил себя франко-шотландский союз. Практически одновременно с высадкой английской армии в Нормандии шотландцы вторглись в северные области Англии. В октябре 1346 г., в тот момент, когда основные силы англичан прочно увязли на юго-западе, в Бретани и под Кале, шотландская армия вступила в сражение с английским войском при Невилл-Кроссе. Однако шотландцы потерпели поражение, а их король Давид II оказался в английском плену. Таким образом, шотландская угроза на этот раз миновала.

Война во Франции при всех успехах по-прежнему не приближалась к победному концу. Серьезную отрезвляющую ноту в общую оценку событий внесла осада Кале. Его жители и небольшой гарнизон оказали англичанам поистине героическое сопротивление. Хорошо укрепленный и вооруженный город не сдавался претендовавшему на роль «законного короля Франции» Эдуарду III в течение целого года. Затянувшаяся осада требовала громадных средств и сил. Армии пришлось зимовать в походных условиях. Это вызвало болезни и смертность в ее рядах. С приближением лета нарастала угроза прихода французских войск на помощь осажденному городу. В июле 1347 г. Филипп VI действительно прибыл в район Кале с большой армией (как пишет английский хронист, с ним было «пять тысяч рыцарей и много пехоты»)⁵⁵. Однако дальше произошло труднообъяснимое. Французский король не решился вступить в бой с измученной английской армией. Вместо этого он предложил мирные переговоры, от которых Эдуард III укло-

нился. Тогда французская армия на глазах потрясенных жителей Кале развернулась и ушла, кинув их на произвол судьбы. Этот позорный шаг Филиппа VI усугубили англичане, устремившиеся вслед аррьергарду и отбившие французский обоз.

О том, насколько сильным было потрясение и недоумение французов, говорит, например, объяснение поступка Филиппа VI в одной из французских хроник. По мнению ее автора, только «дурные советы жены — злой хромоногой королевы Жанны Бургундской» заставили короля поступить таким образом. Жители Кале были далеки от дипломатических, юридических, вассальных и прочих проблем. Они просто защищали свой дом от тех, кто на него посягал.

После двенадцати месяцев мужественной обороны город был вынужден сдаться. Английский король обрушил на жителей Кале свою бессильную ярость «непобедившего победителя». Он потребовал публичной казни шести самых уважаемых и знатных граждан. Только при этом условии Эдуард соглашался не учинять в городе разбоя и резни. В хронике Фруассара ярко описана знаменитая история добровольного согласия этих шести человек принять смерть ради спасения города⁵⁶. Жена Эдуарда III королева Филиппа на коленях вымолила для них пощаду. Тем не менее расправа с горожанами была жестокой — им было приказано налегке покинуть город, который заселялся англичанами, с тем чтобы стать важнейшей опорой Англии на континенте.

Итак, широко задуманная военная кампания 40-х гг. дала Эдуарду III многое, но не принесла

решительной победы. Позиции Англии на континенте серьезно укрепились. В ее распоряжении теперь были три плацдарма — в Аквитании, Бретани и Кале. По-прежнему сохранялся союз с городами Фландрии, хотя смерть Якоба Артевельда (1345), друга и союзника Эдуарда III, и спад городского движения делали перспективы этого союза менее надежными. Нестабильным было положение на севере Англии. Хотя шотландцы потерпели поражение, оставалась проблема их полного подчинения, сохранялся франко-шотландский союз, не был заключен мир с шотландцами. Продолжение действий во Франции могло вновь привести к войне на два фронта, что потребовало бы немыслимых в тех условиях сил и средств. Учитывая все это, Эдуард III принял в 1347 г. настойчиво предлагавшееся папой перемирие.

Очередное относительное затишье в событиях Столетней войны продолжалось до 1355 г. Однако, как и прежде, было ясно, что война, в ходе которой все еще не решены основные спорные вопросы, будет возобновлена. В эти годы вступили в действие некоторые новые факторы экономического и психологического характера. Война принесла первые материальные выгоды англичанам. Грабительские рейды английских войск по территории Франции, захват городов принесли большую добычу. В Англию начиная с 1346 г. на кораблях доставлялись драгоценности, одежда, деньги. По словам Уолсингема, в Англии «теперь не было женщины», не имевшей одежды, украшений, посуды из Кале и других французских городов. Во многих домах появились золотые и

серебряные изделия из Франции. Серьезным источником доходов стали выкупы за богатых и знатных пленников, огромное число которых появилось в Англии после 1346 г. Возникла даже спекуляция пленными, их подчас неоднократно перепродавали и обменивали. Наиболее емко выразил новые ощущения англичан по этому поводу хронист Бертон после сообщения о взятии Кале: «И возникло тогда общее мнение народа, что пока английский король будет завоевывать Французское королевство, они будут процветать. В противном случае и их положение ухудшится»⁵⁷. Общественное мнение Англии было, таким образом, на стороне продолжения войны.

Перемирие не прекратило полностью военных действий. Оно не распространялось на Бретань, где французские и английские войска продолжали воевать под предлогом защиты интересов двух претендентов на герцогский титул. Не установилось реального мира и на юго-западе Франции. Как пишет Фруассар, «и англичане, и французы, несмотря на перемирие между двумя королями», продолжали борьбу с переменным успехом⁵⁸. Непокойно было в районе Кале. Уже в 1348 г. Эдуарду III пришлось спешно отплыть с войском из Дувра, чтобы предотвратить захват Кале французами, план которого был выдан ему предателем. В 1352 г. англичане с трудом справились с новой вооруженной попыткой вернуть этот город Франции.

В этой фактически продолжавшейся войне явного успеха не было заметно ни с одной стороны. И все же чаша весов постепенно склонялась в пользу Англии. Военные действия шли

исключительно на французской земле. В то время как англичане вкушали плоды побед 40-х гг. и делили доходы, жители Франции все более остро ощущали тяготы войны, превращавшейся в какое-то бесконечное бедствие. Приближалось ее двадцатилетие, выросло первое поколение людей, не знавших жизни без войны с Англией. Кроме того, англичанам, прочно увязшим в затяжных боях на суше, удалось одержать существенную победу на море. В 1350 г. они разбили союзный Франции кастильский флот.

И хотя это был не тот масштаб побед и успехов, какого Англия достигла в 40-х гг., Эдуард III попытался наконец добиться реализации хотя бы наиболее важной задачи. В 1354 г. английский король предложил не просто соглашение о прекращении военных действий, а перемирие при условии передачи ему на условиях суверенитета французского юго-запада. Это было бы решением самой острой проблемы, и поэтому Эдуард соглашался в таком случае отказаться от претензий на французский престол. Но это означало бы отказ Франции от завершения объединения своих земель, создание очага постоянной опасности на ее территории. И поэтому даже сменивший в 1350 г. Филиппа VI на французском престоле его столь же недалекий сын Иоанн II Добрый (1350—1364) отказался от такого условия. Это предрешало новую активизацию войны. Нетрудно поверить Уолсингему, который пишет, что Эдуард III начал этот новый натиск на Францию в большом гневе.

Возобновляя в 1355 г. военные действия, Англия на этот раз впервые могла рассчитывать на

серьезную поддержку внутри самой Франции, более того, непосредственно при королевском дворе. Ценнейшим английским союзником стал король Наварры Карл Злой (1332—1387). Этот молодой правитель маленького королевства на границе Франции и Испании не мог примириться с тем, что его родство с домом Капетингов не было более тесным, чем у дома Валуа. Он решил добиться более высокого положения любыми средствами. Начиная с 1352 г. Карл устраивал при французском дворе заговоры, затевал хитроумные интриги против дома Валуа. Он грозил перейти на сторону англичан и в 1356 г. выполнил это. Так началась длинная цепь предательства интересов Франции представителями феодальной верхушки, периодически вступавшими в сговор с англичанами. На путь, открытый в 1356 г. Карлом Наваррским, со временем вступили бургундские и орлеанские герцоги, отличаясь друг от друга лишь ценой, предлагаемой за предательство.

Стратегический замысел Эдуарда III в 1355 г. был таким же, как и десять лет назад. Но на этот раз он рассчитывал добиться его более полного воплощения. Для таких надежд были основания: Франция ослаблена почти двадцатилетней войной на ее территории и военными поражениями; Эдуард III обрел союзника, способного нанести французскому королю удар в спину.

Вновь планировались военные действия одновременно в трех частях Франции. Сам Эдуард III во главе двухтысячной армии высадился в Кале, его старший сын Эдуард (1330—1376) по прозвищу Черный Принц возглавил английские войска

в Аквитании, Карл Злой начал готовить обстановку для высадки английских войск в Нормандии под руководством брата Эдуарда Джона Ланкастерского (войска прибыли туда чуть позже — в 1356 г.).

Однако относительная синхронность английского наступления с самого начала была нарушена. Едва добившись незначительного успеха в районе Кале, Эдуард III был вынужден срочно возвратиться в ноябре 1355 г. в Англию. Причиной вновь было выступление шотландцев, создавших для Англии, как и в 1346 г., второй фронт. Они вторглись на английскую территорию и захватили стратегически важную крепость Бервик. И хотя английскому королю в очередной раз удалось довольно быстро расправиться с ними, это проявление франко-шотландского союза не было напрасным.

Реального успеха английские войска добились только на юго-западе. Вторгшийся с тысячей рыцарей и таким же числом лучников в Аквитанию, Черный Принц огнем и мечом прошел по этой области. Прежние английские рейды не отличались такой беспощадностью. Сказывались нарастающее ожесточение сторон и крепнущая страсть к добыче. Были полностью сожжены города Каркассон и Нарбонн, опустошены области Бержерак и Перигор. Обосновавшись в Бордо, англичане совершали систематические военные набеги за Луару: сжигались города и крепости, безжалостно лилась кровь. Английский хронист Капгрейв писал об этих рейдах Черного Принца: «Всех, кто оказывал ему сопротивление, он захватывал в плен или убивал». Уолсингем сообщил,

что в английском плену оказалось за короткий срок не меньше шести тысяч французских рыцарей и даже сам коннетабль Франции⁵⁹.

Над Францией нависла серьезная опасность. В случае выступления Карла Наваррского совместно с англичанами и уже подготовленного встречного английского удара с севера война могла быть безнадежно проиграна. Французский король, его окружение, Генеральные штаты правильно оценили обстановку и приняли срочные меры. Штаты выделили средства на подготовку армии, король неожиданно приказал арестовать и заключить в тюрьму Карла Наваррского. В конце лета 1356 г. большая французская армия во главе с королем выступила из Парижа и двинулась на юго-запад. Форсировав Луару, французы обнаружили, как далеко стали проникать грабительские набеги Черного Принца. Его войско, обремененное огромным обозом с добычей, находилось у самых стен Тура на левом берегу Луары. Силы армий были очевидно неравны. При всем разном в цифрах, сообщаемых хронистами, ясно, что численность французской армии была по крайней мере вдвое больше⁶⁰. Черный Принц начал спешно отступать на юго-запад, по направлению к своей основной базе в Бордо. Преследовавшая его французская армия опередила англичан в районе Пуатье и отсекла им дорогу на юг. Было очевидно, что Иоанн II намерен навязать им очень опасное и тяжелое сражение.

У французской армии, казалось бы, были на этот раз все шансы победить — численный перевес, владение инициативой, наконец, моральное

превосходство. Английский принц и его войско были откровенно испуганы ситуацией и готовы идти на уступки. Об этом говорят затеянные посланцем папы кардиналом Перигорским перед самым сражением мирные переговоры. На коленях умолял он Иоанна II принять предложенные Черным Принцем условия: возвращение добычи, пленников и всех захваченных крепостей и городов в обмен на свободный проход в Бордо. Кроме того, предлагалось перемирие на семь лет. Французский король, глубоко уверенный в силе своей армии, по существу, отверг эту возможность бескровной победы на юго-западе. Он потребовал, чтобы Черный Принц сдался ему вместе со свитой и был заточен в тюрьму. Это означало неизбежность боя.

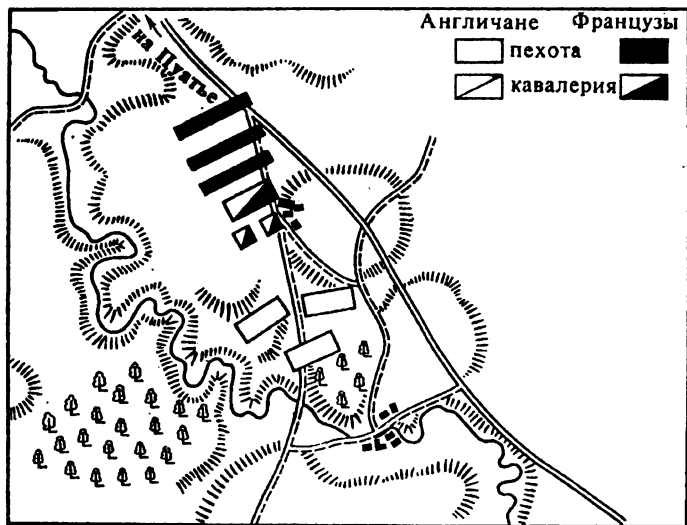
19 сентября 1356 г. произошла знаменитая битва при Пуатье. Она еще более ярко, чем сражение при Креси, обнажила непригодность военной организации Франции.

Крестьяне, горожане, измученные бесконечной войной, уже начинали ощущать необходимость победы любой ценой, любыми средствами. На поле боя вблизи Пуатье пришло ополчение горожан, чтобы помочь своему войску. Однако Иоанн II и его окружение еще жили отмирающими рыцарскими представлениями, согласно которым война между королями — дело знати и ее феодальных дружин. Король совершил поступок, который автор «Хроники первых четырех Валуа» назвал «безумием», — ополчение по приказу Иоанна было отослано назад⁶¹.

В тактическом отношении сражение при Пуатье стало повторением ошибок и слабостей, про-

явленных французской армией ровно десять лет назад при Креси. Вновь англичанам дали возможность укрепиться на возвышенности и занять прочные оборонительные позиции. Более того, им позволили выстроить частокол с единственным очень узким проходом, который французы сначала использовали для атак. Монолитные ряды английских спешенных рыцарей и лучников внутри этого частокола представляли собой, по существу, защищающуюся крепость.

Черный Принц сумел воодушевить свое потерявшееся при встрече с французской армией войско. Он заверил, что в случае победы при таком соотношении сил его воины «станут самыми уважаемыми людьми в мире»⁶². Французский король попытался применить известный по битве при Креси английский прием спешивания ры-

Битва при Пуатье 19 сентября 1356 г.

царей. Однако в наступательном бою, который вели при Пуатье французы, он был не новшеством, а слепым подражанием и совершенно не оправдал себя. Рыцари в тяжелых доспехах атаковали укрепившихся на возвышенности англичан, с трудом передвигаясь по мокрой земле под градом стрел. Французские атаки захлебывались одна за другой. И тогда английское войско во главе с Черным Принцем перешло в контратаку. Ряды французской армии, уже понесшей большие потери, дрогнули. Началось отступление, а затем и бегство, особенно трагическое в условиях отсутствия единого командования и дисциплины. Отдельные отряды армии покидали поле боя без ведома короля. Особенно пагубным было решение брата короля герцога Орлеанского увести свою сильную и многочисленную колонну. Это предрешило окончательный разгром французской армии.

Поле боя было усеяно телами погибших французских рыцарей. Восторженный «певец рыцарства» Фруассар писал, что в битве «погиб весь цвет Франции», а автор «Хроники первых четырех Валуа» скорбел даже о гибели «цвета рыцарства всего мира». Потери французов насчитывали 5—6 тыс. человек, приблизительно половину из них составляли рыцари. Сам Иоанн II в полном соответствии с дорогими ему рыцарскими идеалами продолжал сражаться до последней минуты и позволил захватить себя в плен. Лавры бесстрашного воина были для него дороже интересов государства, которое в трудный момент лишалось главы. Претендовавший на благородство и величие в глазах потомков Иоанн пред-

стает на страницах хроник не только неумным и безответственным, но и смешным. После того как он, согласно рыцарскому кодексу чести, объявил, что сдается, его едва не раздавили английские солдаты, думавшие в ту минуту не о красоте его жеста, а об огромном выкупе.

Поражение при Пуатье поставило Францию в очень трудное положение. Она фактически потеряла армию, лишилась короля, на значительной части ее территории продолжалась война. На севере, в Бретани и Нормандии, действовали английские войска под руководством Джона Ланкастерского и рыцари Карла Наваррского во главе с его братом Филиппом. В стране нарастало глубокое недовольство народа, страдавшего от бесконечной войны и роста налогов. После Пуатье к этому прибавилось ощущение унижения Франции, преданной сеньорами, которые покинули поле боя или вообще перешли на сторону врага, как наваррцы.

Наследник французского престола дофин Карл, будущий Карл V (1364—1380), правильно оценив сложившуюся обстановку, попытался с помощью Генеральных штатов собрать средства на вооружение новой армии и выкуп короля из плена. Потерявшие веру в способность двора спасти Францию, Штаты колебались. Сторонники Карла Наваррского с оружием в руках боролись за освобождение своего сюзерена из заключения, север и юго-запад Франции пылали в огне английских и наваррских опустошений.

В этот момент находившийся в английском плену Иоанн II подписал в Бордо перемирие с англичанами, признав все захваты Черного

Принца (март 1357 г.). Этот шаг демонстрировал окончательный разрыв короля с интересами страны, отнюдь не настроенной на капитуляцию. Выражая широкое общественное мнение, дофин и Генеральные штаты отказались утвердить договор.

Не дожидаясь призыва дофина, не рассчитывая на помощь дворян, горожане и крестьяне Франции после битвы при Пуатье начали все более активно включаться в борьбу против завоевателей. На первых порах основу их действий составляла элементарная самооборона, которая со временем перешла в более сложные формы борьбы. Уже в 1357 г. бунтующий Париж (там разворачивалось движение под руководством Этьена Марселя) принял меры для защиты города от возможного нападения англичан. Как пишет Жан де Венетт, «опасаясь врага и не доверяя знати»⁶³, жители столицы привели город в полную боевую готовность. Был даже прорыт дополнительный ров и возведены стены вокруг пригородов. Эти работы потребовали от горожан жертв, так как пришлось разрушить дома, примыкавшие к новым стенам или оказавшиеся на пути дополнительного рва. Эти действия парижан можно было бы считать не вполне показательными — ведь город был на положении восставшего и мог опасаться не только англичан. Однако подобные явления получали все более широкое распространение. Жители городов Иль-де-Франса, Вермандуа, Пикардии и Нормандии решительно выступили против английской армии и Карла Наваррского — союзника Эдуарда III. Англичане уже в 1359 г. начали расцени-

вать их действия как сознательное сопротивление и, по существу, впервые в истории Столетней войны перешли от обычных «опустошений» к целенаправленным действиям: полному сожжению и массовому уничтожению жителей подвергались именно те города, в которых завоеватели встречали отпор не только со стороны гарнизона, но и со стороны населения.

Во второй половине 50-х гг. XIV в. доведенные до отчаяния крестьяне Северной Франции включились в самооборону. Они начали превращать деревенские церкви в настоящие крепости: сооружали вокруг них рвы и ограды, на колокольнях складывали арбалеты и камни. Ночью крестьяне с семьями находились в этих крепостях, а днем оставляли на колокольнях мальчиков в качестве дозорных, которые трубили в рог или звонили в колокола в случае появления английских войск или банд, которых становилось во Франции все больше. Крестьяне из домов и с полей сбегались в укрепленные церкви и занимали оборону.

Так случилось и 28 мая 1358 г. в одной из деревень провинции Бовези. Крестьяне отразили нападение так называемых бригадов — бандитов и, опасаясь мести, решили не складывать оружия. С этого инцидента началась одна из крупнейших крестьянских войн Средневековья — Жакерия (Жак-простак — презрительная кличка крестьянина во Франции).

Восстание быстро охватило ряд областей севернее Парижа — Бовези, север Иль-де-Франса, Вермандуа, Пикардию, часть Шампани. Возглавил восстание Гильом Каль, крестьянин из де-

ревни Мело, — способный военачальник, пытавшийся создать из стихийно возникших отрядов единое боеспособное войско. Собрав около тысячи французских и английских феодалов, Карл Злой выступил против восставших. Обманом, под предлогом переговоров, захватив в плен Гильома Каля, Карл Злой неожиданно напал на лагерь повстанцев. Многие были перебиты, остальные рассеяны. Гильом Каль был казнен. Повсюду начались расправы с восставшими. Резня продолжалась до середины августа, пока дофин Карл не объявил общей амнистии.

Все силы феодального государства были теперь брошены на подавление этих восстаний. Блестящее свидетельство гораздо более тесного «сплочения рядов», чем перед лицом внешнего врага, дал освобожденный из тюрьмы Карл Наваррский, возглавив подавление восстания крестьян.

Англичане не могли не воспользоваться такой благоприятной ситуацией. Эдуард приложил большие усилия к тому, чтобы именно теперь развязать себе руки в Шотландии. Он пошел на уступки шотландцам, согласился в обмен на их обещание мира освободить за выкуп находившегося в плену уже одиннадцать лет шотландского короля Давида II (договор 1358 г. в Бервике).

Лето 1358 — осень 1359 г. стали временем особенно большого размаха опустошений во Франции. Английские и наваррские солдаты разграбили и обескровили Нормандию, Пикардию, Бретань, превратив в пустыню земли до самого Парижа. На юго-западе бесчинствовали отряды англичан, уже мало похожие на регулярные войска. Их

единственной целью стала добыча, предводителем — настоящий бандит и грабитель Роберт Кноллис, которому предстояло сыграть заметную роль в последующих событиях войны. И вновь это не была победа, так как англичане натолкнулись на растущее сопротивление, особенно на севере Франции. Англичане определенно начали увязать в Северной Франции. К тому же дофину удалось добиться существенного дипломатического успеха: он примирился с Карлом Наваррским, обещавшим теперь воевать против англичан.

В этой ситуации находившийся в плену французский король еще раз продемонстрировал крайнюю политическую близорукость. В разгар борьбы и растущего широкого сопротивления англичанам Иоанн II подписал в 1359 г. в Лондоне чудовищный по своим условиям договор. В обмен на отказ Эдуарда III от претензий на французский трон Иоанн «уступил» ему примерно половину Франции: весь юго-запад в границах древней Аквитании, Анжу, Мен, Пуату, Турень, Нормандию, Понтье и др. Это были пресловутые «анжуйские владения» с таким ценным дополнением, как Кале и некоторые острова у берегов Фландрии. Английский король получал их в суверенное владение, т. е. как независимый государь. Такой договор означал гораздо больше, чем поражение в войне. Он создавал серьезную угрозу независимости Франции. Ограбленная и наполовину урезанная территориально, она едва ли могла бы просуществовать рядом с усилившейся Англией. Английская монархия ступила бы на путь создания крупного государства универсального типа.

Во Франции поняли смертельную опасность Лондонского договора. По словам Уолсингема, против его условий «возражали все французы»⁶⁴. Принявший титул регента Франции дофин Карл отказался признать подписанный его отцом документ. Разъяренный Эдуард III, который был так близок к заветной цели, начал готовить новую армию для очередного «решающего удара» по Франции.

Осенью 1359 г. английский король с армией около 30 тыс. человек высадился в Кале, прошел через Бургундию и осадил Реймс. Очередным проявлением сепаратизма, крайне опасного в условиях войны, стало поведение герцога Бургундского. Он откупился от англичан. За деньги они согласились не грабить Бургундию и «мирно пройти» через ее территорию. Отказавшись от сопротивления, герцог открыл Эдуарду III путь к Реймсу, где английский король предполагал короноваться короной Франции. Но жители города, в котором много веков совершалась коронация, оказали англичанам упорное сопротивление. Наступившая холодная зима и недостаток припасов заставили англичан снять осаду.

Английская армия двинулась к Парижу. Добиваясь капитуляции противника, англичане беспощадно и демонстративно опустошали пригороды столицы. Английский хронист гордо писал, что из обезлюдивших, разрушенных, сожженных крепостей французы «бежали как зайцы»⁶⁵. Но он преувеличивал. Дух сопротивления жил: не сдался Реймс, отчаянное сопротивление наваррцам оказали жители Амьена, в Руане было создано ополчение, которое вместе с нормандски-

ми рыцарями сражалось за каждую крепость, «люди из Пикардии» совершили нападение на Южноанглийское побережье.

В безусловной связи с растущей силой сопротивления английскому завоеванию следует рассматривать согласие Эдуарда III вступить в мирные переговоры с дофином Карлом. После долгих колебаний английский король в очередной раз был вынужден отказаться от надежды на решительную победу.

Весной 1360 г. Эдуард III согласился на предложенные дофином Карлом мирные переговоры. Сделано это было неохотно, после больших колебаний и первоначального отказа говорить о мире с Францией. Месяц переговоров и ожесточенных споров завершился в мае 1360 г. подписанием в деревушке Бретиньи близ Шартра мира, ратифицированного затем обоими королями в Кале. Договор в Бретиньи подводил итог первого этапа войны и во многом определял ее характер на будущее. Англичане в ходе переговоров стремились добиться условий, максимально приближенных к страшному для Франции отвергнутому Лондонскому договору. Французская сторона, напротив, пыталась как можно дальше уйти от него.

В итоге было принято компромиссное решение. Потери Франции были велики, но не так трагичны, как по условиям мира, подписанного Иоанном II. В обмен на отказ Эдуарда III от притязаний на французскую корону он получил в свое полное распоряжение юго-западные земли в несколько ограниченных по сравнению с Лондонским договором размерах и ряд новых владений на севере с центром в Кале (графства По-

нтые и Тин). За освобождение французского короля был назначен огромный выкуп — 3 млн золотых крон, которые должны были выплачиваться частями. Следовательно, Франции удалось отстоять обширную территорию, которую Иоанн II уступал англичанам по условиям договора в Лондоне: Нормандию, Мен, Анжу, Турень и ряд более мелких владений.

Договор в Бретиньи не разрешал спорных вопросов с достаточной определенностью в пользу Англии. Проблема юго-запада была решена пока лишь теоретически, проблема Фландрии не получила даже официального решения. Главное, что не позволяло считать мир 1360 г. разрешением англо-французских противоречий, заключалось не в параграфах договора. Весь ход событий продемонстрировал силу растущего сопротивления Франции. Именно этот фактор заставил Эдуарда III, несмотря на ряд блестящих побед, подписать не столь триумфальный договор.

Серия успешных военных кампаний 40—60-х гг. не привела к полной победе Англии в первую очередь из-за того, что натиск англичан при каждой хорошо продуманной атаке на Францию разбивался об упорное сопротивление и стойкость ее жителей. Так было в конце 40-х гг. при осаде Кале и в конце 50-х гг., когда англичане не могли добиться реального покорения Нормандии и Пикардии. В войне, начавшейся как типичный для той жизни военно-феодальный конфликт, довольно быстро стала обнаруживаться тенденция к изменению характера происходящих событий.

Первоначальной основой этого была традиционная для Средневековья тактика опустошений на земле противника. Франция стала объектом применения этого жестокого приема войны, что неизбежно вызвало сопротивление ее населения. Этот фактор развивался по нарастающей. Постоянное пребывание английских войск во Франции к концу 50-х гг. XIV в. привело к небывалому распространению банд на всей ее территории.

Французские хронисты рисуют страшные картины их поведения во Франции, положения населения и состояния разграбленных областей. И их не заподозришь в преувеличении, так как в английских хрониках дана та же картина. Лишь иногда попадаются оговорки, что особенно беспощадные рейды бригаанды проводили «без приказа английского короля»⁶⁶. Вполне возможно, но это не облегчало положения местных жителей.

Страстный поклонник рыцарской войны и сторонник Англии на первом этапе англо-французского конфликта, Фруассар писал как о естественном, будничном факте следующее: «Итак, англичане жгли, опустошали, грабили добрую и богатую страну Нормандию» (1346)⁶⁷. Он описал «тактику» бригаандов, неотличимую от действий обыкновенных налетчиков. Узнав, что в таком-то городке можно рассчитывать на богатую добычу, они инсценировали начало военных действий. Бежавшие в панике жители оставляли им город на разграбление. Среди главарей этих банд — капитанов — появились свои знаменитости, первым из которых был Роберт Кноллис. В 1359 г.

его отряд насчитывал 1000 человек. Бриганды стали такой грозной силой во Франции, что находившийся в Авиньоне папа был вынужден в 1357 г. откупиться от них деньгами и отпущением грехов.

Естественное стремление защитить свою землю, свой дом было главным в процессе изменения характера войны и зарождения элементов национального самосознания. Эти перемены стали вполне очевидными значительно позднее — в 20-е гг. XV в., но истоки их видны уже в событиях первого этапа Столетней войны. Встречая во Франции все более упорное сопротивление, англичане переходили от традиционной тактики опустошений к целенаправленным репрессиям. В конце 50-х гг. они начали применять карательные меры против тех городов и местностей, где сталкивались с непокорностью жителей. Как сообщает автор «Хроники первых четырех Валуа», население в таких случаях подлежало полному уничтожению. Естественное ответное стремление защитить себя усиливалось у простого люда Франции из-за неспособности правящей верхушки выполнить эту задачу. Соединение этих факторов вело к рождению народной войны. Ее первые признаки проявились в конце первого периода Столетней войны, после битвы при Пуатье.

В знаменитой анонимной поэме «Жалобная песнь о битве при Пуатье», содержащей острую критику предательства и трусости дворянства, фактически прозвучал призыв к народной войне. Автор писал, что дофин «должен повести с собой на войну Жака Простака — уж он не бросится бежать ради сохранения своей жизни»⁶⁸.

В 1359—1360 гг. в районе Парижа и Нормандии уже действовали отряды крестьян и горожан, которые помогали войскам дофина, а иногда вели самостоятельные военные действия. В хронике Жана де Венетта рассказано о крестьянском отряде численностью 200 человек, действовавшем в деревне Лонгейль вблизи Компьеня.

Базой их стала превращенная в крепость обитель монастыря. Почти в былинном стиле описал хронист предводителей отряда — крестьянина Гийома л'Алу, избранного капитаном, и его помощника — Большого Ферре. Отвага л'Алу не знала пределов: смертельно раненный, он продолжал руководить боем с англичанами. Богатырь Большой Ферре каждым ударом своего боевого топора, который не всякий человек мог поднять, прорубал коридор в толпе врагов.

Описание истории лонгейльского отряда отразило некоторые новые черты сопротивления, развивающегося во Франции. К концу 50-х гг. XIV в. крестьяне уже не просто защищали свои семьи, дома и поля — в их действиях стала проявляться сознательная и глубокая неприязнь к завоевателям. Сумев прорваться на территорию крестьянской крепости, англичане укрепили в центре двора свое знамя. Большой Ферре вышел со своими людьми из укрепления, перебил множество врагов и сорвал знамя. Одному из крестьян он приказал немедленно выбросить знамя в ров через пролом в стене. Однако на пространстве перед рвом было много англичан, и знамя могло, не долетев, попасть им в руки. Тогда Большой Ферре опять ринулся в толпу

врагов, приказав человеку с захваченным знаменем следовать за собой. Знамя англичан полетело в ров.

Выходит за пределы самообороны и отношение крестьян к пленникам: «Если бы крестьяне захотели отпустить их за выкуп, они бы получили любые деньги, которые могли потребовать»⁶⁹. Но крестьяне отказались от традиционной рыцарской практики выкупа и убили пленных, заявив, что важнее денег не позволить им причинять вред людям. Интересно также сообщение Жана де Венетта о том, что жители нескольких небольших городков в Иль-де-Франсе предпочли сжечь их, чем отдать врагу.

В отличие от рыцарей крестьяне видели в англичанах настоящих врагов и не брали их в плен, считая, что врагов следует уничтожать. В Нормандии горожане создали ополчение, которое, по существу, полностью приняло на себя тяготы войны в последние годы перед миром в Бретиньи. В борьбе участвовали и представители местного рыцарства. В хрониках многократно отмечается большая роль молодого графа Людовика д'Аркура, возглавившего сопротивление в Верхней Нормандии. Под его руководством в 1360 г. была предпринята экспедиция в Англию. Французское войско (около 6 тыс. человек, в основном из городов Нормандии и Пикардии) совершило нападение на побережье Южной Англии не с целью традиционного опустошения, а под флагом серьезной политической задачи. Как пишет хронист, «они страстно хотели освободить из заключения своего сеньора — короля Франции Иоанна II»⁷⁰.

Действия военных отрядов встретили поддержку населения. Очень показателен эпизод осады занятого англичанами нормандского города Бутанкура. Как сообщает хронист, осадившим город войскам и ополчению из Руана оказали большую помощь «добрые крестьяне» окрестных деревень: «Они принесли из рощи дрова и наполнили ими ров. На эти дрова они положили настил, по которому прошли войска и вступили в рукопашный бой с англичанами»⁷¹.

Дофин Карл оказался первым представителем дома Валуа, обнаружившим черты незаурядного и дальновидного политического деятеля. Он сумел правильно понять сложившуюся обстановку и оценить проявившиеся элементы народной войны. В 1358 г., в разгар борьбы против Карла Наваррского, дофин-регент разослал призывы в Пикардию и Вермандуа «ко всем добрым городам», прося их помочь ему «оказать сопротивление наваррцам, которые опустошают Французское королевство». И как пишет Фруассар, «добрые города были рады сделать это»⁷². Крестьяне в районе Компьеня воевали против англичан также по согласованию с дофином.

Таким образом, мир в Бретињи, завершающий историю первого периода Столетней войны, не только не решил основных спорных проблем, но и был подписан в обстановке наметившегося изменения ее характера. Договор не мог коренным образом перестроить ситуацию, так как он представлял серьезную опасность для независимости Франции. Примерно третья часть ее территории переходила на условиях суверенитета под английскую власть. Эдуард III, правда, отка-

зался от титула французского короля. Во Францию возвращался освобожденный со многими оговорками (выкуп, заложники и т. п.) Иоанн II. Однако события недавнего прошлого показали всю глубину сепаратизма высшей знати и слабости позиций центральной власти. В этих условиях предусмотренное договором 1360 г. расчленение территории Франции было для нее смертельно опасно. Все это должно было определяющим образом повлиять на дальнейшие события войны.

Военные действия между Англией и Францией возобновились в 1369 г. Девять лет официального мира были важным этапом в развитии англо-французских отношений. В это время произошли значительные изменения во внутреннем и международном положении Франции, во многом определившие историю второго периода войны. Характер внутренней и внешней политики Франции в этот период говорит о том, что в стране была осознана серьезность угрозы ее независимому существованию, заложенная в условиях мира 1360 г. После смерти Иоанна II королем Франции в 1364 г. стал Карл V — бывший дофин-регент. Карл V вошел в историю с лестным прозвищем Мудрый.

В свой еще вполне рыцарский век этот правитель никогда не выходил на турниры и поля сражений, зато собрал одну из крупнейших в Европе библиотек (900 томов), тратил огромные деньги на приобретение древних рукописей и дорогих рукописных книг. Неординарность его мышления не раз проявлялась в поступках.

Вся его энергичная деятельность внутри страны и на международной арене была направлена на подготовку к борьбе против условий договора в Бретиньи.

Собрав значительные денежные средства, Карл V начал готовить новую большую армию (5—6 тыс. тяжеловооруженной конницы, около тысячи арбалетчиков). Была усовершенствована организация войска, обеспечена регулярная выплата жалованья, улучшено вооружение. Горожане по распоряжению короля проходили специальное военное обучение с целью обороны городов в случае войны. На руководящие посты в армии наряду с представителями родовитого дворянства выдвигались талантливые военачальники невысокого происхождения. Наиболее характерна в этом отношении фигура Бертрана Дюгеклена (1344—1380) — рыцаря из Бретани, ставшего в 1370 г. коннетаблем* Франции.

Для французской аристократии это был безродный мелкий дворянин, к тому же из Бретани — в их глазах далекой полудикой области. Поразившее французскую аристократию назначение, вероятно, было глубоко продуманным шагом со стороны Карла V. Невозможно представить, чтобы кто-то из высшей знати, представители которой традиционно с XIII в. занимали этот важнейший пост в государстве, решился бы на такие смелые, принципиальные тактические изменения в ходе войны. Классическим подходом к ведению военных действий в XIV в. было сочетание систематических гра-

* Коннетабль — во Франции с XII в. военный советник короля, с XIV в. главнокомандующий армией.

бительских рейдов с редкими крупными сражениями, в которых сталкивались основные вооруженные силы противников. Дюгеклен отказался от этого. Его военные успехи в 70-х гг. основывались на использовании партизанской тактики: засады, нападения на вражеский арьергард на марше, мелкие короткие и неожиданные схватки и т. п. И как результат — почти всю потерянную к 1360 г. огромную французскую территорию удалось за короткое время отвоевать у англичан. Большинство освобожденных Дюгекленом городов было захвачено при помощи «тайных соглашений» с горожанами. Какой контраст по сравнению, например, со временами английской осады Кале (1347)! Тогда к стенам осажденного города подошло наконец долгожданное войско Филиппа VI, но король вообще не вступил с горожанами в какие-либо переговоры. На глазах у потрясенных людей, измученных осадой и голодом, войско развернулось и по приказу короля ушло от городских стен, оставив жителей Кале на произвол судьбы. Принципиально новая военная тактика французского войска при Дюгеклене была санкционирована королем Карлом V. Есть сведения, что он запретил главнокомандующему вступать в крупные сражения и предписал поддерживать партизанскую войну. Дюгеклен, которого массовое сознание не отделяло от «его короля» Карла V, приобрел популярность в народе еще и тем, что принял требование незнатных участников освобождения захваченных англичанами городов отказаться от традиции отпускать за выкуп знатных пленников.

Еще в «Жалобной песне о битве при Пуатье» звучала мысль о том, что дворянам выгоднее не сражаться до последнего, а продлевать войну, сдаваясь друг другу в плен, чтобы получить выкуп. Волна массового сопротивления завоевателям начала разрушать этот некогда незыблемый принцип рыцарского поведения на войне. Главнокомандующий Карла V Дюгеклен не оставался глухим к требованию, исходившему из народной среды. С его согласия в нескольких освобожденных городах французы предали казни почти всех захваченных в плен англичан. Популярность, которую приобрел Бертран Дюгеклен, была огромной. Она ярко отразилась в многочисленных поэмах и балладах, посвященных ему, вероятно, еще при жизни и записанных в конце XIV в. Подобно Роланду, он предстает в этих произведениях бесстрашным рыцарем, любимым своим королем и народом.

Большие усилия Франции и Англии были направлены на обеспечение союзников и международной поддержки в предстоящей войне. Английский король в первую очередь стремился укрепить свои позиции во Франции — заручиться расположением или покорностью жителей Гаскони, превратить в послушное орудие герцога Бретани (в 1362 г. он даже обязался не жениться «без разрешения» английского короля). Передав Гасконь под управление Черного Принца (он получил титул герцога Аквитанского), Эдуард III постоянно подчеркивал суверенный характер английской власти в этой области, требовал пресекать любые попытки французского вмешательства.

В этом, как и во всех остальных международных вопросах, Англия столкнулась с дипломатическим и военным противодействием Карла V. Английская политика во Франции оказалась результативной только в Гаскони — области традиционного английского влияния. Бретань после очередной вспышки борьбы между английским и французским ставленниками перешла в 1364 г. на положение вассала французской короны. Это был большой успех Карла V. В 1365 г. французскому королю удалось добиться соглашения с Карлом Наваррским, на помощь которого рассчитывал английский король.

Ареной острой дипломатической борьбы между Англией и Францией стала в 60-х гг. XIV в. Фландрия. Formой проявления англо-французских противоречий здесь была борьба за «фландрский брак» единственной наследницы огромных владений в Нидерландах — дочери графа Фландрского Маргариты де Маль. Грандиозные размеры ее потенциального приданого превратили вопрос о браке в проблему гегемонии в Нидерландах. И неудивительно, что претендентами на руку Маргариты оказались сын Эдуарда III Эдмунд и брат Карла V Филипп, герцог Бургундский. Несмотря на огромные дипломатические усилия Англии и традиционно благоприятную для нее позицию фландрских городов, пятилетняя борьба вокруг этого династического брака завершилась в 1368 г. успехом Франции. Карл V использовал поддержку папы Урбана V, отказавшего английскому принцу в разрешении на брак под предлогом дальнего родства с Маргаритой де Маль. Его дипломати-

ческие усилия склонили также на сторону Франции графа Фландрского.

В результате после 1368 г. была фактически предрешена утрата прочных позиций Англии в этом важном регионе и подорван английский союз с городами Фландрии.

Большое внимание уделялось в 60-х гг. Шотландии. Здесь Эдуарду III необходимо было добиться двух целей — прочного мира и разрыва франко-шотландского союза. Сочетая угрозы и уступки, английский король решил только одну задачу. В 1369 г. был заключен англо-шотландский мир. Однако, хотя одна из статей договора в Бретиньи предусматривала расторжение союза Франции и Шотландии «на все времена», он продолжал оставаться политической реальностью. Более того, в 1371 г. он был официально возобновлен по инициативе Франции. В подписанном сторонами договоре прямо объявлялась его антианглийская направленность. Это был еще один важный дипломатический успех Карла V. Ему удалось преодолеть довольно сдержанную позицию Шотландии, гораздо менее, чем Франция, заинтересованной в тот момент в традиционном союзе. Англо-шотландский мир 1369 г. в основном решил проблему сохранения ее независимости и территориальной целостности, в то время как во Франции после мира в Бретиньи положение было как раз противоположным.

Наконец, объектом острой дипломатической и вооруженной борьбы между Англией и Францией стали в 60-х гг. государства Пиренейского полуострова. Их позиция имела большое политическое и военно-стратегическое значение. На

первом этапе Столетней войны Кастилия оказывала поддержку Франции.

После договора в Бретиньи Англия, получившая большую часть французского юго-запада в суверенное владение, рассматривала пиренейские государства как пограничные и стремилась добиться их поддержки в предстоящей войне. На первых порах этому сопутствовал успех. В 1362 г. Эдуарду III удалось заключить договор о союзе с королем Кастилии и Леона Педро I. Англия использовала серьезные внутривластные трудности, которые испытывал в тот момент Педро: в борьбе за централизацию он столкнулся с сопротивлением дворян, особенно в Леоне. В результате при дворе сложилась сильная оппозиция королю, поддержанная церковью. Одновременно возникла внешняя опасность со стороны Арагона на почве территориальных споров. Все это заставило Педро I согласиться на помощь Англии, владевшей пограничным с Кастилией французским юго-западом.

Однако и здесь англичан сумела опередить Франция. Угроза утраты позиций на Пиренейском полуострове заставила Карла V поддержать претензии на престол Кастилии и Леона соперника Педро I — его сводного брата Энрике Трас-тамарского. В 1365 г. в Кастилию была направлена армия во главе с Бертраном Дюгекленом для борьбы против Педро I. Этим Карл V решал одновременно две задачи — укрепление позиций на Пиренейском полуострове и освобождение Франции от наводнивших ее отрядов бригадиров. Именно они составляли основу посланного за Пиренеи войска.

Французское вторжение привело к свержению Педро I и к коронации профранцузски настроенного Энрике. Это вызвало ответные действия Англии. В 1367 г. Педро получил от английского короля большой заем, а затем под флагом защиты его прав в Кастилию прибыли английские войска во главе с Черным Принцем. Сражение при Найере между армиями двух претендентов на кастильский трон было, таким образом, по существу, одним из актов англо-французской войны. В этой битве победу одержало войско Черного Принца, что, казалось бы, означало утверждение в Кастилии английского влияния. Однако Энрике при поддержке Франции продолжил борьбу, которая завершилась в 1369 г. его победой (Педро I был захвачен в плен и затем убит).

О том, что это был большой успех Франции, свидетельствует франко-кастильский союзный договор 1368 г., откровенно направленный против Англии. В его тексте содержалось обещание сторон помогать друг другу «в войне за морем». Энрике брал на себя обязательство поддержать войну против Англии на море, а при необходимости — в Аквитании или даже на английской территории. Эдуарду III пришлось удовлетвориться обещанием нейтралитета, которое Англия получила от Арагона. Арагон же заключил мирное соглашение с Кастилией, признав ее союз с Францией. Таким образом, на Пиренейском полуострове, как и в других частях Западной Европы, в 60-х гг. авторитет Франции был значительно упрочен в ущерб английским позициям.

Ко всем международным успехам Франции следует добавить стабильно благоприятную для нее позицию папства — достаточно реальной политической силы в тот период. Папа Урбан V активно поддержал участие французских войск в свержении Педро I, помог французскому королю в борьбе с бесчинствами бригаандов, неоднократно выделял Франции средства для ведения войны.

Итак, международная обстановка в Западной Европе к концу 60-х гг. была благоприятной для Франции. Карлу V, целенаправленно готовившемуся к неизбежной войне за освобождение утраченных территорий, удалось добиться многого. Правда, достижения во внешней политике определенно превосходили внутривосточные. Феодалную верхушку страны раздирали острые противоречия; проблема централизации из-за неудач первого этапа войны с Англией была еще дальше от решения, чем в начале XIV в.; коренной перестройки армии проведено не было. И все же французский король полагал, что пришло время использовать изменение ситуации в пользу Франции для официального возобновления войны.

После подписания мира в Бретиньи военные действия во Франции прекратились очень ненадолго — до 1363 г. Затем начались стычки в Нормандии, где Англия неофициально сохраняла войска и поддерживала действия бригаандов. Постоянные столкновения происходили также на реке Луаре, отделявшей английские войска на юго-западе; шла война в Бретани.

В этой неофициальной войне, происходившей в условиях подписанного королями мира,

ведущую роль играли простые люди Франции. Особенно активны были горожане Нормандии, испытывавшие на себе все тяготы войны и глубоко разочаровавшиеся в военной роли рыцарства. Борясь за изгнание англичан из нормандских городов и крепостей, они решительно отошли от принципов рыцарской войны. Автор «Хроники первых четырех Валуа», выражающий взгляды французских горожан, с одобрением рассказывает, что они отказались от обычая рыцарей отпускать пленников за выкуп. Несмотря на возражения феодалов, они не раз добивались, чтобы побежденные англичане были убиты. Чуждый какой-либо жестокости, хронист считает, что «это был единственный способ покончить с ними (англичанами. — Н. Б.) и избавить королевство от их присутствия».

В отличие от своих предшественников Карл V осознал значение широкого освободительного движения для Франции и постоянно поддерживал его.

В своих обращениях к простым людям Франции в конце 50-х гг. и позднее, после официального возобновления войны с Англией в 1369 г., Карл V нетрадиционно для монарха аргументировал необходимость всеобщей борьбы против англичан и их союзников — наваррцев. В средневековом обществе «справедливой» считалась война за религиозную идею (так сказать, «по воле Бога») и за законные династические права государя. Кстати говоря, это и было основой пропагандистских обращений Эдуарда III (а в начале XV в. — его последователя Генриха V из новой династии Ланкастеров) к населению Англии

при обосновании справедливости войны англичан во Франции. Карл V буквально с первых месяцев своего пребывания у власти еще в качестве регента начал использовать иную аргументацию. Главный акцент делался на том, что враги «опустошают» французскую землю, что они «вторглись в герцогство Нормандию и причинили большой ущерб нашим (Карла V. — Н. Б.) подданным»⁷³.

В 1369 г. Карл V, возобновляя войну против английского короля, писал в официальных документах не о династических спорах, которые были законным основанием для справедливой войны. В своих обращениях к населению страны король апеллировал к мыслям и чувствам, гораздо более близким и понятным для простых людей: «Да будет всем известно, что Эдуард Английский и его старший сын Эдуард, принц Уэльский, начали против нас и наших подданных открытую войну, они грабят и жгут наши земли и причиняют всякое другое зло и потому являются нашими врагами»⁷⁴.

Толчком к официальному возобновлению военных действий стали события в Гаскони — самом сердце английских владений на континенте. Сеньоры этой области в силу ее особой исторической судьбы отличались особенно ярко выраженным сепаратизмом. Они были, как правило, сторонниками правления английского короля, менее опасного для их независимости, чем французский. В 60-е гг. XIV в. английский наместник Черный Принц оказал на них некоторое давление, прежде всего финансовое. Привыкшие лавировать между двумя соперничающими коро-

левскими домами, видные гасконские сеньоры подали по этому поводу апелляцию Карлу V.

По условиям мира в Бретиньи французский король не имел никаких прав в Гаскони. Обращение сеньоров дало ему прекрасный повод для отказа от условий ненавистного договора. Заручившись письменным заключением двух видных докторов права из Болоньи о законности сохранения французского суверенитета в Аквитании, Карл V собрал массу жалоб на Черного Принца и потребовал от него ответа. Условия мира 1360 г. были тем самым отвергнуты, война фактически возобновлена. Эдуарду III оставалось принять брошенный ему вызов. 3 января 1369 г. он вновь присвоил себе титул французского короля. Весной того же года он сообщил о скором вторжении во Францию.

Однако на этот раз инициативой с самого начала владела Франция. При поддержке Генеральных штатов Карл V объявил Англии войну и направил войска под командованием Филиппа Бургундского в Понтье. В 1369—1370 гг. в Кале дважды высаживались большие английские армии. Англичане ориентировались на прежнюю испытанную тактику — сочетание единичных крупных сражений с опустошительными рейдами. В этом смысле симптоматично выдвижение на пост военачальника Роберта Кноллиса, известного в прошлом главаря бригадов. Даже английские рыцари называли его «старым грабителем». Англичане, видимо, рассчитывали, что его бандитский опыт найдет широкое применение. Но практика войны на этом этапе с первых шагов показала, что французы решительно переме-

нили тактику. Английская армия дважды пыталась навязать противнику сражение: в 1369 г. в Пикардии, в 1370 г. вблизи Парижа, но французы оба раза уклонялись от решительной битвы, предпочитая небольшие стычки, внезапные нападения на марше, захват отдельных крепостей, тем самым не давая англичанам прибегнуть к их обычной тактике опустошений.

Бертран Дюгеклен проявил себя талантливым полководцем, владеющим нетипичными для средневековой армии методами ведения войны. Его излюбленным приемом было внезапное нападение на арьергард английской армии, возвращавшейся в центры своего расположения после изнурительного похода или осады. Именно таким образом он нанес значительный урон армии Кноллиса в Бретани и войскам Черного Принца в Гаскони в 1370 г. Было бы, однако, неверно приписывать эти новшества исключительно способностям Дюгеклена. Причины были более глубокими. Освободительные задачи Франции в эти годы, наметившееся изменение характера войны, наконец, почти десятилетний опыт участия горожан и крестьян в борьбе с англичанами не могли не отразиться на методах ведения военных действий.

Новая тактика, к которой английские войска оказались совершенно не подготовленными, начала приносить результаты. Постепенно, город за городом, крепость за крепостью, французская армия освобождала Гасконь. В этом была немалая заслуга горожан, поднявших в 1370 г. антианглийские восстания в ряде городов на юго-западе. Наиболее значительным было выступление в

Лиможе. Черный Принц направил к жителям города парламентаров, которые пытались уговорить их одуматься и добровольно вернуться под власть Англии. Но, как пишет Уолсингем, «распущенная чернь ничего не хотела слушать, отвернулась от послов и еще сильнее укрепила город»⁷⁵. Английский принц жестоко расправился с жителями непокорного Лиможа, сея тем самым семена ненависти к захватчикам.

70-е годы XIV в. стали временем зарождения элементов национального самосознания в обеих воюющих странах. Одним из симптомов этого был растущий патриотизм, противоречащий рыцарским идеалам. Англо-французская война начиналась под знаменем династических притязаний, вполне соответствовавших идеологии рыцарства. Уже в первой половине XIV в. развитие событий привело бóльшую часть населения Франции к отказу от этих представлений. В 70-е гг. под влиянием освободительного характера войны этот процесс усилился. Освобождение каждого города или крепости воспринималось не просто как военная победа, но и как торжество Франции. Выбив англичан из крепости Рошфор, близ Парижа, французы под возгласы «Монжуа! Сен-Дени!»* с ожесточением сорвали английские знамена и обезглавили пленных англичан. При освобождении Пуатье «оставшиеся верными Франции горожане, увидев знамена с лилиями и войска своего законного государя короля Франции, возблагодарили Бога и начали кричать «Монжуа!». Патриотически настроенный автор

* «Монжуа! Сен-Дени!» — старинный боевой клич французов.

«Хроники первых четырех Валуа» с гордостью отмечает, что при взятии Ла-Рошели в 1372 г. французы победили «гасконцев и англичан, которые считали себя лучшими воинами в мире. И это была победа, завоеванная не знатными, а простыми людьми и бедняками»⁷⁶.

Наиболее ярко новые патриотические тенденции проявлялись в идеологии горожан, чье сознание издавна не было сковано тесными рамками натурального хозяйства. Кроме того, при тогдашних методах ведения войны именно города были основными твердынями, в значительной мере обеспечивавшими военный успех той или иной стороны. Поражения Франции в войне, разграбление и разрушение захваченных городов победителями — все это обостряло антианглийские настроения и способствовало серьезным изменениям в общественном сознании. В условиях войны именно горожане раньше других социальных слоев приходили к осознанию общих интересов французов в борьбе за сохранение независимости Франции. Особенностью рождающихся патриотических чувств в ту эпоху была идентификация интересов страны с личностью короля.

Именно в 70-х гг. XIV в. подобный процесс начался и в английском общественном мнении. Военные неудачи Англии вызвали не только сожаление о напрасных материальных затратах и прекращении притока богатств из Франции, но и чувство национального унижения. Еще до начала войны с Францией Эдуард III приложил усилия к тому, чтобы создать в Англии антифранцузские и антишотландские настроения. Пред-

ставители различных слоев английского общества единодушно считали, что Франции удалось унижить английского короля, добившись принесения им оммажа за Гасконь в 1329 г. Исходя из популярной в Средние века идеи справедливой войны, Эдуард III в специальных обращениях уже в период войны представлял шотландцев как взбунтовавшихся подданных Англии, а французов — как их пособников. Широко пропагандировалась идея законности прав Эдуарда III на французский престол. Все это способствовало утверждению в английском общественном мнении представления о справедливом характере войны против Франции.

Удачи первого этапа войны и связанные с этим экономические выгоды закрепили в широких слоях английского общества чувство гордости одержанными победами и стремление продолжать войну. Однако после мира в Бретиньи 1360 г., в период военных неудач Англии, началась эволюция общественного мнения в стране. Определенные социальные слои — в первую очередь горожане — переходят от упоения успехами к недоумению, а затем к разочарованию. Сначала войну просто перестают воспринимать как выгодное дело, а затем именно горожане первыми начинают видеть в ходе событий не просто перемену военного счастья, но и унижение Англии и англичан.

Очень характерен в этом отношении описанный Уолсингемом патриотический поступок богатого лондонского горожанина Джона Филпота. На его средства были вооружены 1000 человек и несколько кораблей для защиты английских бе-

регов. Поступок Филпота вызвал, как пишет хронист, «триумф» в Лондоне и похвалу самого короля. Некоторые представители высшей знати, исполненные ревнивых чувств, стали упрекать горожанина, что он не посоветовался с ними. Филпот ответил, что он поступил так, видя, «до какого бедственного положения доведена родина»⁷⁷. Показательно, что выразителями патриотических настроений в английском обществе, как и во Франции, стали представители непривилегированных сословий.

Феодалы, естественно, с гораздо большим трудом отрешались от космополитической в своей основе рыцарской морали. Идеалы рыцарства представляли собой прочно утвердившийся кодекс военной касты. Кастовая солидарность рыцарства была чужда зарождающимся элементам национального чувства. Стремясь утвердить свою гегемонию в обществе не только с помощью экономического и политического господства, класс феодалов постепенно выработал особую систему нравственных ценностей, призванных утвердить моральное превосходство рыцарства над другими сословиями. Наличие этого нравственного кодекса способствовало сближению феодалов различных стран и государств. На протяжении веков рыцари ощущали связь с братьями по классу гораздо отчетливее, чем с людьми, связанными общностью территории и языка. Рыцарская мораль признавала высшей добродетелью верность сюзерену, а им мог быть феодал или государь любой страны.

В атмосфере наметившегося в ходе англо-французской войны усиления патриотических

настроений нормы рыцарского кодекса чести начали все чаще приходиться в противоречие с зарождающимися элементами национальных чувств. Характерный пример противоречия рыцарских норм морали интересам государства — освобождение Черным Принцем за выкуп взятого в плен в 1367 г. талантливого французского полководца Бертрана Дюгеклена.

Военная ситуация во Франции становилась все более неблагоприятной для Англии. Эдуард III решил еще раз прибегнуть к испытанному в начале войны приему. В 1373 г. большая английская армия во главе с герцогом Ланкастерским совершила грандиозный опустошительный рейд по Франции — от Кале до Бордо. За пять месяцев похода англичане нанесли серьезный урон Пикардии, Шампани, Бургундии, Оверни, Лимузену и другим областям. Однако им не удалось захватить ни одного значительного города, а вместо ожидаемого эффекта устрашения и покорности сразу же после возвращения Джона Ланкастерского в Англию против английской власти восстали почти все города в Гаскони, кроме Бордо и Байонны. Огромные английские владения на юго-западе Франции практически перестали существовать. Контролируемая Англией территория стала меньше, чем перед началом Столетней войны.

В том же, 1373 г. в результате успешных действий войск Дюгеклена под французской властью оказалась почти вся Бретань. В северной части Франции в руках англичан оставались только Кале и отдельные гарнизоны в Нормандии. Франция была близка к решительной победе, но ресурсы страны истощились, англичане упорно

сопротивлялись в тех немногих опорных пунктах, которые они удерживали. Сражения в Гаскони приобрели затяжной малорезультативный характер. Все это подтолкнуло враждующие стороны к мирным переговорам.

Первая попытка достигнуть договоренности была предпринята еще в 1372 г. Представители Англии и Франции встретились в Кале и, как отмечает французский хронист, «англичане на этот раз разговаривали с французами более любезно»⁷⁸. С первых шагов переговоров камнем преткновения стал вопрос о правах английского короля на корону Франции. Поскольку англичане настаивали на их законности, бесконечные дискуссии завели участников встречи в тупик и показали невозможность заключения мира. Даже условия тяжелейшего для Франции договора в Бретиньи базировались на отказе английского короля от династических притязаний. Как показали последующие события Столетней войны, навязать условия, угрожавшие независимости Франции, можно было только на основе ее полного военного поражения и глубочайшей внутренней слабости. В 70-х гг. XIV в. ситуация была совсем иной. Упорное нежелание Англии отказаться от идеи объединения корон было реакционным и мало реальным в обстановке созревания предпосылок для создания национального государства. Это делало невозможным заключение мира. Отныне и до конца войны стало ясно, что не мирный договор, а бескомпромиссная капитуляция одной из воюющих сторон может положить предел борьбе. Поэтому начиная с середины 70-х гг. Англия и Франция пошли по пути

временных перемирий между периодами военной активности.

Первое перемирие второго периода Столетней войны было заключено в 1374 г. Оно предусматривало прекращение военных действий только в Юго-Западной Франции. В начале 1375 г. была достигнута аналогичная договоренность в отношении Пикардии и Артуа. Наконец, в июне 1375 г. на переговорах в Брюгге, где во главе английского и французского посольств стояли самые высокопоставленные лица (четвертый сын Эдуарда III Джон Ланкастерский и брат Карла V Филипп Бургундский), было принято решение о полном прекращении войны на год. Несмотря на систематические нарушения с обеих сторон, это перемирие было затем продлено еще на год — до июня 1377 г.

В 1377 г. за несколько дней до истечения срока перемирия умер Эдуард III — вдохновитель и непосредственный организатор войны с Францией на протяжении нескольких десятилетий.

После смерти английского короля Эдуарда III Карл V собрал своих приближенных и произнес речь о достоинствах покойного, которого считал великим правителем. При этом немаловажно напомнить, что французы воевали в 70-х гг. именно против него, а в самой Англии кончина Эдуарда III, утратившего былую славу и популярность, не вызвала никакого общественного резонанса.

Народ до последнего надеялся на восшествие на престол Черного Принца, который умер на год раньше своего отца. В полном объеме плоды столь частого в массовом сознании резкого пере-

хода от обожания к глубочайшему неудовольствию пожинал внук Эдуарда III, сын Черного Принца Ричард II (1377—1399).

Во Франции Карла V сменил его сын Карл VI (1380—1422). Оба, как известно, трагические фигуры в средневековой истории. Ричард II стал королем в возрасте 10 лет, Карл VI — три года спустя в возрасте 12 лет. Оба они сменили на престоле сильных правителей и умелых политиков, при которых позиции центральной власти значительно упрочились. Этому в немалой степени способствовали периоды военных успехов в англо-французской борьбе: серия блестящих побед Англии в 40—50-х гг. при Эдуарде III и большие достижения Франции в борьбе за освобождение своей территории в 70-х гг., при Карле V. Приход к власти несовершеннолетних королей — фактор, безусловно, субъективного характера — наложился на объективные экономические, военные и социальные проблемы, мешавшие продолжению активных военных действий. Это дало придворным кругам, всегда готовым к борьбе за ослабление центральной власти (за идеального в их глазах слабого правителя), прекрасный повод для недовольства и феодально-сепаратистских выступлений.

Основные сражения конца 70-х гг. происходили на море. Франция попыталась овладеть инициативой и прервать коммуникации между Англией и английской Гасконью. Серьезные морские сражения произошли еще до перемирия 1377 г. около Ла-Рошели и у английских берегов. Они неизменно заканчивались победами Франции, продемонстрировав в отличие от времени

Слейса возможность французского преобладания на море. Большую роль в этом сыграл союз с Кастилией, помогавшей Франции на море на протяжении всего второго периода войны. Кастильские корабли приняли активное участие в борьбе на море с момента возобновления военных действий. Летом 1377 г. объединенный франко-кастильский флот совершил серию набегов на берега Южной Англии и прибрежные острова; в 1378—1379 гг. он успешно действовал у берегов Бретани и Фландрии.

В 1381 г. англичанам удалось положить конец активному участию Кастилии в войне на море путем вмешательства в конфликт Кастилии с Португалией на стороне последней. Это было прямым продолжением столкновения Англии и Франции на Пиренейском полуострове в конце 60-х гг. Еще тогда, после поражения Педро I, герцог Джон Ланкастерский вступил в брак с дочерью низложенного кастильского короля. На этом основании он претендовал на трон Кастилии, официально присвоив титул короля. У Англии, таким образом, был постоянный повод для борьбы против опасного французского союзника. Сын Энрике II Хуан I перед лицом опасности со стороны Португалии в 1381 г. подтвердил союз с Францией, что, естественно, стимулировало заключение союзного договора между Англией и Португалией.

Выступление Англии в поддержку португальского короля Фердинанда I привело к большим материальным затратам, но было безрезультатным в военно-политическом отношении. Кастильско-португальский конфликт закончился

компромиссным династическим решением. Англия не получила ничего, союз Кастилии с Францией сохранился.

Заметно активизировалась в 70-х гг. роль другого французского союзника — Шотландии. Усилия Карла V по укреплению франко-шотландского союза оказались ненапрасными. Несмотря на мир 1369 г. с Англией, Шотландия в 70-е гг. фактически участвовала в войне на стороне Франции. У английских берегов успешно действовали шотландские пираты, помогая французам и испанцам в войне на море. Один из капитанов пиратских кораблей — Джон Мерсер — наводил ужас на англичан. Специально для борьбы против него были снаряжены корабли лондонца Филпота. Большие сложности для Англии создавала ситуация на шотландской границе, где начиная с 1378 г. практически постоянно шла война. Шотландцы систематически вторгались в пограничные области, отвлекая силы английской армии от борьбы на континенте.

Действия сепаратистски настроенных южно-шотландских феодалов, по-видимому, поощрялись Францией. Подчас обнаруживалось прямое осознание шотландцами их участия в антианглийской борьбе Французского королевства. Например, шотландцы — участники захвата Бервика в 1378 г. — заявили представителям английской власти, что они служат французскому королю.

Особенно серьезное вторжение с севера произошло в 1379 г. По данным французского хрониста, в нем объединились силы обоих союзников Франции — Шотландии и Кастилии. Английскому королю пришлось направить против них

крупные военные силы во главе с самим герцогом Ланкастерским.

В конце 70-х гг. борьба развернулась на юго-западе Франции, в Бретани, Нормандии и в районе Кале. В отличие от предшествующих лет в войне не было прежнего накала. Начавшиеся летом 1377 г. бои шли с переменным успехом, в основном сводясь к взаимным опустошительным рейдам и не принося очевидного успеха ни одной из сторон.

Наиболее значительных результатов добилась Франция в Бретани, овладев почти всей ее территорией. Предпринятые англичанами в 1379—1380 гг. экспедиции к берегам герцогства свелись к очередным опустошениям локального значения. Грабительский характер этих походов был столь очевидным, что даже англичанин Уолсингем, всегда настроенный патриотически, осудил некоторых его участников за излишнюю алчность и жестокость. Его рассказ объясняет и тактическую причину военного превосходства Франции. Пользуясь тем, что англичане поглощены грабежом, французские войска совершали внезапные и весьма чувствительные нападения на них. Уолсингем рассматривает такую тактику как нечестный способ ведения войны.

И все же успех Франции не был полным. Главной причиной этого являлась сила не преодоленного королевской властью сепаратизма феодальной элиты. Победы королевского войска испугали крупных французских землевладельцев, больше всего опасавшихся усиления центральной власти. В результате они совершают ряд новых опасных для Франции шагов. Наваррский

король и граф Фуа в 1375—1376 гг. вступили в сепаратные переговоры с англичанами; в 1378 г. Карл Злой продал Англии принадлежавший ему Шербур, а затем организовал заговор с целью убийства французского короля. Герцог Бретани, вынужденный в очередной раз признать вассальную зависимость от французской короны (1381), сумел через несколько месяцев заключить сепаратный договор с Англией. Его условия предусматривали сохранение английского гарнизона в Бресте. Во всех этих действиях интересы Франции были принесены в жертву сепаратизму.

В результате к началу 80-х гг. англичане, несмотря на большие потери, сохранили в своих руках все основные опорные пункты на Французском побережье. Кале, Бордо и Байонну они удержали собственными силами. Французские сеньоры добавили к этому Шербур в Нормандии и Брест в Бретани. Это серьезно снижало значение французских побед. Обе страны настолько истощили свои ресурсы в бесконечной войне, что при всей неопределенности сложившегося положения начали вновь стремиться к мирным переговорам. Эта тенденция была усилена осложнением внутреннего положения в обоих королевствах.

Начало 80-х гг. XIV в. ознаменовалось подъемом антифеодальных движений: восстание крестьян под руководством Уота Тайлера в Англии, серия городских и крестьянских выступлений во Франции.

К 1381 г. окончательно рухнули надежды на «военное чудо», которое должно было свершиться при восшествии на престол Ричарда II, сына

великого воина — Черного Принца. Английское войско не только не побеждало более на континенте, оно уже не обеспечивало безопасности страны. У британских берегов хозяйничали французские пираты, народ в панике ждал вторжения.

Глубокое разочарование в личных качествах Ричарда II, с которого началось его правление в Англии, было прежде всего связано с тем, что с его приходом к власти ожидаемого чуда в войне не произошло. Это навсегда предопределило отношение большей части английского общества к королю. Кровь, щедро пролитая при подавлении восстания Уота Тайлера, порадовала и утешила только правящую верхушку общества. Народ же, который наивно пытался во время восстания привлечь юного короля на свою сторону, отшатнулся от Ричарда II. И не случайно спустя без малого двадцать лет низвержение и жестокое убийство этого правителя не вызвали в Англии сколько-нибудь существенного резонанса. Народ остался глубоко равнодушным к судьбе короля, хотя царубийство, как правило, в те времена не одобрялось простыми людьми.

Наметившееся в этой ситуации естественное затишье в войне было тем не менее нарушено очередным всплеском военной активности. Причиной его стала в начале 80-х гг. Фландрия. С самого начала Столетней войны графство Фландрское — давний объект экспансии Франции — занимало сложную позицию в англо-французской борьбе. Его правители выступали на французской стороне при постоянном противодействии проанглийски настроенных горожан. Од-

нако к концу XIV в. вызванные войной перемены усложнили отношения между Англией и ее традиционными торговыми партнерами — ведущими городами Фландрии. Их большое недовольство вызывала растущая конкуренция английского Кале — нового центра торговли шерстью. Отношения между прежними союзниками начали омрачаться эпизодическими столкновениями на море.

К концу 70-х гг. в английском обществе созрело резкое недовольство жителями Фландрии, переданное Уолсингемом. Он писал, что фламандцы все время меняют позиции, поддерживая англичан в период успехов и причиняя им вред при неудачах. В этом безусловно содержалась доля истины, так как конечной целью богатых фландрских городов была независимость. Затянувшаяся англо-французская война, неопределенный характер военных действий в это время могли создать впечатление, что такой путь развития стал для Фландрии возможным.

Ситуация резко изменилась, когда в 1379 г. во фландрских городах началось широкое антифеодалное движение. Его центром стал Гент. После длительной борьбы, протекавшей с переменным успехом, граф Фландрский обратился в 1382 г. за помощью к французскому королю Карлу VI. Представители восставших горожан во главе с сыном знаменитого Якоба Артевельде Филиппом были вынуждены искать поддержки у своего традиционного союзника Англии.

Французские сеньоры восприняли просьбу графа Фландрского как удобный повод для того, чтобы утвердить наконец в этой области гегемо-

нию Франции. Почва для этого была подготовлена еще в конце 60-х гг. браком брата Карла V Филиппа с наследницей фландрского графа. В результате после смерти правящего графа Людовика де Маль Фландрия должна была перейти под власть французского королевского дома. Однако не вызвала сомнения потенциально отрицательная позиция городов. Подавление восстания давало Франции возможность нанести горожанам превентивный удар и подготовить решение фландрской проблемы в свою пользу. Поддержка изгнанного горожанами графа была также актом классовой солидарности и демонстрацией сюзеренитета Франции в отношении Фландрии.

Отправление французского войска было обставлено весьма торжественно. В присутствии высшей знати и духовенства из собора Сен-Дени извлекли орифламму — древнее французское знамя — и двенадцатитысячная армия двинулась во Фландрию. 27 ноября 1382 г. восставшие горожане были разбиты в сражении при Розбеке. Правящая верхушка Франции восприняла эту битву как победу рыцарей над простонародьем и возмездие за прежнюю дерзость свободолюбивых фландрских горожан, не желавших подчиниться французскому королю. Хронисты, особенно автор официальной «Хроники Карла VI», с торжеством сообщают об огромных потерях войска горожан (называются цифры от 18 до 25 тыс. человек), о том, что после сражения были убиты еще несколько тысяч фламандцев. Примерно через месяц после Розбека французская армия сожгла Куртре «из-за того, что в этом городе праз-

дновали победу, некогда одержанную над французами», или, как выразился автор «Хроники Карла VI», «чтобы наказать за бунт»⁷⁹.

Почти все мятежные города сдались, но центр восстания Гент не покорился. Французской армии пришлось приступить к осаде. Тем временем в Англии была собрана армия для поддержки Гента. Очередной акт англо-французской войны должен был разыграться в испытанной форме вмешательства во внутренние противоречия, как, например, в Бретани и на Пиренейском полуострове. На этот раз был использован религиозный лозунг, связанный с начавшимся в 1378 г. «великим расколом» католической церкви. Экспедиция во Фландрию готовилась в Англии как крестовый поход в защиту папы Урбана VI против профранцузски настроенного «антипапы» Климента VII. Во главе «крестоносного войска» был поставлен епископ Норичский Генрих Диспенсер.

Реальную подоплеку английского вторжения во Фландрию определял давний глубокий экономический интерес к этой области, обострившийся в связи с французской блокадой Гента. В Англии не могли не понимать, что подавление восстания горожан французской армией в сочетании с перспективой перехода Фландрии к Филиппу Бургундскому создают угрозу полной утраты английских позиций в этой области. У истощенного войной и внутренними противоречиями государства не было возможностей для снаряжения армии. Плохо экипированное и организованное войско было спешно набрано на средства папы и не представляло серьезной силы.

Тем не менее широкие круги английского общества связывали с активизацией войны во Франции надежды на военную добычу, интенсификацию фландрской торговли, т. е. в конечном счете — на рост доходов. В военно-стратегическом отношении кампания во Фландрии должна была отвлечь силы французской армии от юго-запада, где англичане с трудом удерживали последний относительно большой плацдарм.

Как бы подводя итог периоду неудач Англии, эти годы стали временем последовательной утраты ее позиций во Фландрии, на Пиренейском полуострове и в Бретани, военных неудач в Шотландии и на территории Франции.

Поход Генриха Диспенсера во Фландрию, на который возлагались большие надежды, окончился провалом. Весной 1383 г. «крестоносцы» высадились в Кале, но не сумели взять ни одного фландрского города. Они опустошили и разграбили Пикардию, прибегнув к давно переставшей оправдывать себя тактике. Военные неудачи, болезни, грабежи привели к глубокой деморализации и без того слабой английской армии. В результате она в панике отступила перед прибывшим во Фландрию войском Карла VI.

Бесславное возвращение армии Диспенсера в Лондон в 1383 г., по существу, означало конец союза Англии с фландрскими городами. Единственный продолжавший сопротивляться нажиму Франции город Гент не получил английской помощи и остался в изоляции. В конце 1384 г. англичане предприняли попытку вмешаться в борьбу Гента с Францией. Предлогом послужил переход титула графа Фландрского к брату фран-

цузского короля (в 1384 г. после смерти Людовика де Маль). Ричард II объявил, что он как король Франции не признает нового графа и назначает своего наместника в Гент, выделив ему, однако, крайне незначительное войско. Поэтому все, чего добились горожане, было достигнуто их собственными силами.

После долгого мужественного сопротивления жители Гента в 1385 г. пошли на соглашение с Филиппом Бургундским. Были подтверждены вольности города, но при условии официального отказа от союза с Англией. Этот договор юридически закрепил то, что де-факто совершилось еще в 1383 г.⁸⁰

После короткой передышки (перемирие 1384—1385 гг.) Франция в последний раз на этом этапе Столетней войны попыталась нанести Англии окончательное военное поражение. Была задумана военная кампания невиданного масштаба. Важная роль в ней отводилась Шотландии и Кастилии. В этом замысле проявился широкий международный характер, который приобрела к концу XIV в. борьба между Англией и Францией. Впервые планировалось ведение наступательных операций на территории самой Англии, которую должны были одновременно атаковать с юга французские, а с севера — объединенные франко-шотландские войска.

Не решив до конца задачу освобождения территории своей страны, французские феодалы были готовы перейти к захватнической войне в Англии. Их охватила нестерпимая жажда добычи. Как пишет Фруассар, собравшиеся для вторжения в Англию французские рыцари в ожида-

нии отправления грабили население прибрежных областей Франции и обещали, что заплатят за все, когда возвратятся из английского похода. Кампания, имевшая главной целью добычу и новые доходы сеньоров, прикрывалась пышными лозунгами «отмщения» англичанам за причиненные Франции обиды⁸¹.

Задуманный удар по Англии был нанесен лишь со стороны англо-шотландской границы и не слишком чувствительно. Весной 1385 г., сразу после истечения срока англо-шотландского перемирия, в Шотландию прибыло полуторатысячное французское войско во главе с адмиралом Жаном де Вьенном. Участие в войне против Англии в тот момент было навязано шотландцам. Угроза их независимости со стороны ослабленного Английского королевства уменьшилась, и соответственно снизилась активность Шотландии в качестве французского союзника. Это вызвало глубокие тактические разногласия между французскими и шотландскими военачальниками. Французские хронисты единодушно обвиняют шотландцев в трусости, в то время как те лишь стремились свести дело к пограничному рейду, не вступая в большую войну против Англии. В итоге французским рыцарям так и не удалось убедить шотландцев двинуться в глубь страны за богатой добычей. Союзное войско продолжало находиться в пограничных районах до прихода большой английской армии, спешно собранной Ричардом II. Через несколько месяцев войско Жана де Вьенна бесславно возвратилось во Францию, так и не вступив в сражение с англичанами.

Если эта часть кампании могла считаться выполненной хотя бы частично, то вторжение в Англию с юга вообще не состоялось. Это интересно и несколько загадочно. Начиная с 1385 г. Франция, по данным всех источников, открыто и даже демонстративно готовилась к вторжению в Англию. Наконец летом 1386 г. в районе Слейса сосредоточилась большая французская армия, жаждавшая отправиться в Англию⁸². На многочисленные корабли было погружено оружие, осадные орудия, даже детали укреплений для военных лагерей и т. п. Англия была очевидно не подготовлена к отражению такого удара и охвачена страшной паникой. На ее северной границе еще действовало франко-шотландское войско. В этой благоприятной ситуации французский король проявил ничем не оправданную медлительность с отправкой войска, окончательно отменив ее в ноябре 1386 г. под смехотворным предлогом болезни Филиппа Бургундского.

Объяснение этому можно найти в реальной исторической обстановке во Франции. Положение семнадцатилетнего Карла VI, ставшего королем в 12 лет, было крайне непрочным. В стране, где только что были подавлены восстания социальных низов, подняли голову сепаратистски настроенные крупные землевладельцы. Они возобновили междоусобные войны, на время прекратившиеся при Карле V. В разоренной войной и неурожаями голодающей стране бесчинствовали бриганды.

Нетрудно понять колебания Карла VI в вопросе об отправке войска в Англию. Не мог быть горячим сторонником этого предприятия и наи-

более влиятельный человек в государстве — дядя Карла VI герцог Филипп Бургундский. Получив наконец власть над Фландрией, он понимал, что завоеванные с таким трудом позиции могут быть утрачены из-за невыгодной фландрским городам войны. Перестав быть их союзником, Англия оставалась важным торговым партнером городов Фландрии. Сдерживающим фактором была и неудачная попытка создать серьезный второй фронт против Англии с шотландской помощью. В свете всех этих обстоятельств идея вторжения в Англию выглядит, на наш взгляд, мало реальной.

Чем же тогда объяснить шумные приготовления Франции? Вероятно, именно из-за непрочности своих позиций французский король должен был хотя бы внешне пойти навстречу жаждавшим добычи рыцарям. Под флагом подготовки вторжения Карлу VI удалось сравнительно безболезненно ввести дополнительное налогообложение, коснувшееся даже духовенства и строптивых жителей Аквитании.

Одной из причин демонстративной подготовки французского вторжения в Англию было также обострение ситуации на Пиренейском полуострове. В новой вспышке конфликта между Кастилией и Португалией (1384) Англия, естественно, поддержала своего союзника Португалию ради ослабления союзной Франции Кастилии. В августе 1385 г. в сражении кастильских и португальских войск при Альжубарроте вновь участвовали англичане и французы. Поражение Кастилии было серьезным ударом по французскому союзнику. Пользуясь военной неудачей кас-

тильского войска, герцог Джон Ланкастерский с большой армией вторгся в 1386 г. на Пиренейский полуостров под предлогом борьбы за свои династические права в Кастилии. Франция рисковала лишиться в будущем действенной военной помощи своего пиренейского союзника.

В этих обстоятельствах демонстративная подготовка к вторжению в Англию должна была сыграть роль фактора, сдерживающего английскую активность на Пиренейском полуострове. Источники свидетельствуют, что дипломатическая и потенциальная военная поддержка Франции помогла Кастилии избежать поражения и заключить компромиссный договор с Джоном Ланкастерским (его условия предусматривали укрепление династических связей между Кастилией и Ланкастерским домом)⁸³.

К концу 80-х гг. военная активность Англии и Франции явно истощилась. Ни экономические ресурсы, ни внутривполитическое положение в обеих странах не давали возможности продолжать интенсивные военные действия. Стороны были вынуждены вновь перейти к мирным переговорам. Прочный мир был по-прежнему невозможен, так как ни одна спорная проблема не была решена.

В переговорах, начатых при помощи нейтральных посредников в 1386 г., Франция требовала отказа от притязаний Англии на французскую корону. Английская сторона запросила в ответ традиционную непомерную цену — передачу Англии на правах суверенитета Гаскони и Нормандии. На фоне в целом удачного для Франции второго периода войны это было неприемле-

мо. По всей видимости, такая заведомо нереалистическая позиция Англии на первом этапе переговоров была продиктована желанием части английских сеньоров из непосредственного придворного окружения Ричарда II продолжить войну. В основе их позиции лежала та же, что и у французских феодалов, жажда новых доходов. У англичан она подогревалась воспоминаниями о «счастливых временах» Эдуарда III.

Новые попытки достигнуть договоренности были предприняты в 1387 г. Показательно, что на этот раз Ричард II попробовал действовать тайно от английских баронов и части своего придворного окружения. В Англии распространились слухи, что король намерен вернуть Франции важнейшие английские владения на северном побережье — графство Гин и Кале. Это обострило недовольство правлением Ричарда II. Помимо причин внутреннего характера оно было вызвано, в частности, и военными неудачами. Общественное мнение Англии связывало с Ричардом — сыном Черного Принца — надежды на возвращение былых успехов в войне против Франции. Реальный ход событий опроверг эти ожидания. Стремление Ричарда II к переговорам воспринималось как национальное предательство и в значительной степени усиливало непопулярность английского короля в собственной стране.

Наметившаяся тенденция к заключению объективно неизбежного в сложившейся ситуации перемирия едва не была разрушена внезапной военной активизацией Шотландии. Исходя, по-видимому, из непрочности положения Ричарда II и его глубоких противоречий с североан-

глийской знатью, шотландцы попытались нанести Англии удар с севера. Возможно, шотландский король Роберт II Стюарт намеревался обеспечить таким путем равноправное и достойное участие Шотландии в предстоящем англо-французском мире. В 1388 г. большое шотландское войско вторглось в Северную Англию и после опустошительного рейда по пограничным районам одержало победу над английской армией при Оттерберне.

Это вызвало во Франции оживление планов вторжения в Англию. Однако известие о дипломатическом успехе английского короля, заключившего союз с герцогом Бретани и королем Наварры, снизило значение шотландской победы. К тому же эти союзы в очередной раз демонстрировали ненадежность позиций французской знати. В сочетании с экономическими трудностями это привело к сохранению тенденции к договоренности.

На переговорах 1389 г., как и следовало ожидать, видное место занял вопрос о Шотландии. Попытка англичан в очередной раз добиться ее вассальной зависимости от Англии и не включать в качестве французского союзника в договор о перемирии разбилась о единство позиций Франции и Шотландии. Английскому королю пришлось отказаться от надежды развязать себе руки во Франции для разгрома Шотландии. Наравне с другими союзниками Франции она была включена в условия договора о перемирии, подписанного в июне 1389 г. в Лелиенгене близ Кале⁸⁴.

Перемирие знаменовало начало длительного перерыва в военных действиях между Англией и

Францией. После его продления на три года стороны попытались начать переговоры об условиях окончательного мира. Конференция в Амьене 1391—1392 гг., как и все прежние попытки подобного рода, обнажила нерешенность основных спорных вопросов. Вновь рассматривалась проблема Аквитании, которую французский король, казалось, готов был уступить Англии. Однако встречное требование возвращения Кале отвергалось англичанами, открыто говорившими, что, пока этот город в их руках, «ключи от Франции находятся под английской охраной»⁸⁵. Значительная часть английской знати во главе с герцогом Глостерским откровенно противилась поискам мирной договоренности. Эта позиция имела поддержку в Англии, так как довольно широкие социальные слои стремились вновь обогатиться за счет войны во Франции. Тем не менее в середине 90-х гг. возобладала мирная тенденция. Причина этого заключалась во внутреннем положении обеих стран.

В Англии и без того непрочное положение Ричарда II еще больше ухудшилось после того, как он отказался от опеки королевского совета во главе с Джоном Ланкастерским и попробовал править самостоятельно. Финансовые трудности, недовольство горожан, восстания в Ирландии, бесконечные интриги при дворе и заговоры баронов, широкое распространение еретического учения лоллардов как формы проявления социального недовольства — все это говорило о глубокой нестабильности внутривластной ситуации и делало продолжение войны с Францией опасным и малореальным.

Вильгельм I Завоеватель, король Англии,
герцог Нормандский (1027—1087).

Портрет работы английского художника, XVI в.

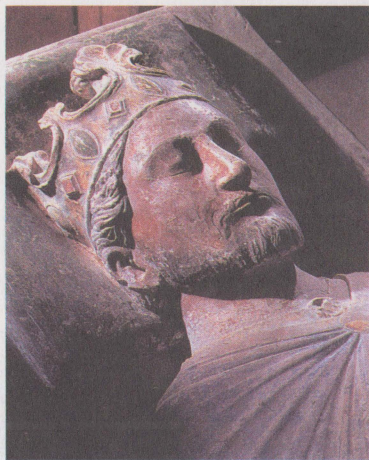
Живописное изображение статуй с гробниц королевской династии Плантагенетов в аббатстве Фонтевро (Франция): Генрих II (1133—1189) — в центре и слева от центра; его супруга Алиенора Аквитанская (1122—1204); их сын Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) и Изабелла Ангулемская (супруга их сына короля Иоанна)

Ричард I, борющийся со львом.
Гравюра, XVI в.

Статуя с гробницы
Алиеноры Аквитанской.
Усыпальница Плантагенетов
в аббатстве Фонтевро
(раскрашенный камень, XIII в.)

Статуя с гробницы Ричарда
Львиное Сердце.
Усыпальница Плантагенетов
в аббатстве Фонтевро

D
 e n̄ chapp̄ parle cōmēt sauauy de maudio
 laissa les anglois ⁊ sen vint au roy de fra
 ⁊ cōmēt le roy den̄gletie enuoya son frere p
 acoutame recouurer.

D
 e n̄ chapp̄ parle cōmēt le roy conquis
 auignoy ⁊ tres passa de ce siecle a mon pen

Солдаты на страже Парижа.
 Миниатора
 из «Большой французской
 хроники», XV в.
 Нац. библи., Париж

Коронация Людовика VIII
 и Бланки Кастильской
 в Реймсе.
 Миниатора
 из «Хроники Франции»
 аббатства Сен-Дени
 под Парижем, XIV в.

D
 e n̄ lan de incarnation n̄f̄ mil de

Короли Англии: Генрих II,
 Ричард I, Иоанн и Генрих III.
 Миниатора из «Книги
 королей Англии», XIV в.

Henr. Secunde

Henr. Tertie

Johes Rex

Henricus III

Rex Henricus III
et regina Matilda

Сцена сражения эпохи Столетней войны (1337—1453).
 Миниатюра из «Хроники» Ангеррана Монстреле, XV в.

Эдуард III, король Англии.
Миниатора, XV в.

Морское сражение
при Слейсе (1340).
Миниатора из «Хроники»
Фруассара, XV в. Нац.
библ., Париж

Битва при Креси (1346).
Миниатора из «Хроники» Фруассара, XV в.

Битва при Пуатье (1356).
Миниатора из «Хроники» Фруассара, XV в.

Разграбление города.
Миниатора из «Хроники» Фруассара, XV в.

Возвращение короля Франции Иоанна II Доброго в Лондон в 1362 г.
Миниатора из «Большой французской хроники», XV в.

Статуя с гробницы
короля Франции
Карла V (1364—1380)
в аббатстве Сен-Дени,
фрагмент

Статуя с гробницы
короля Франции
Карла VI
(1380—1422)
в аббатстве
Сен-Дени,
фрагмент

Статуя с гробницы
королевы Изабеллы
Баварской в аббатстве
Сен-Дени,
фрагмент

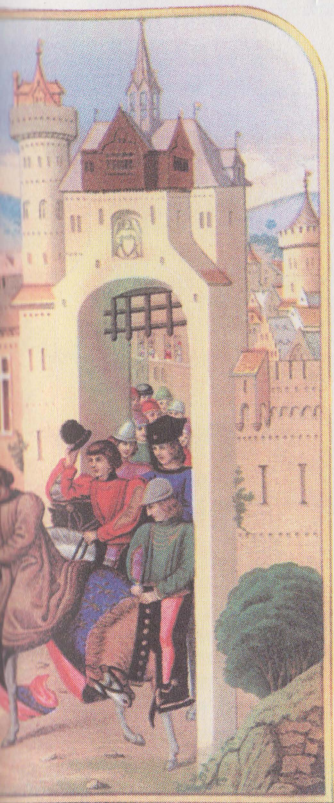
Въезд свадебной процессии Изабеллы
Баварской в Париж 20 июня 1389 г.
Миниатюра из «Хроники» Фруассара, XV в.

Портрет Карла VII (1422—1461)

работы Ж. Фуке.

Лувр, Париж

Портрет Генриха V (1413—1422)

работы неизвестного художника.

Виндзорский замок (Англия)

Ledit siege honnozablement.

Comme les mylois

Казнь Жанны д'Арк,
Орлеанской Девы.
Миниатора, XV в.

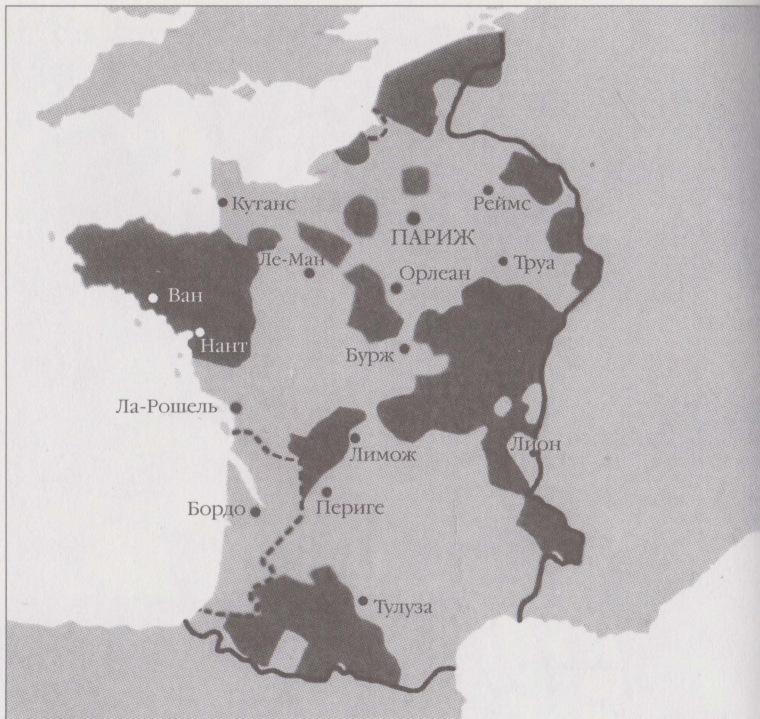

Жанна с мечом
и знаменем.
Миниатора, XV в.

■ ■ ■ ■ ■	Эдуард III 1339 — 1340	· - - - -	Черный Принц 1356
	Эдуард III 1336	— — — — —	Кампании 1360 — 1365
—————	Эдуард III 1359 — 1360	— — — — —	Роберт Кноллис 1370
- - - - -	Ланкастер 1345	- - - - -	Джон Гонт 1373
—————	Ланкастер 1346	· - - - -	Бэкингем 1380
- - - - -	Ланкастер 1356		Генрих V 1415
—————	Черный Принц 1355		

**Франция в эпоху Столетней войны:
важнейшие кампании**

Владения крупных феодалов

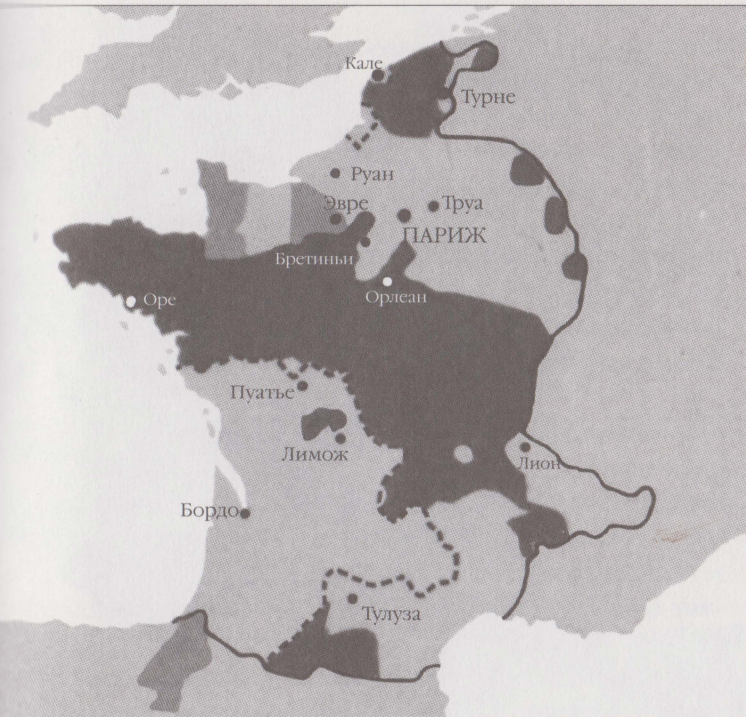

Границы Французского королевства

Границы владений Плантагенетов

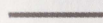
Франция в 1328 г.

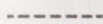
Владения наваррского дома

Владения крупных феодалов

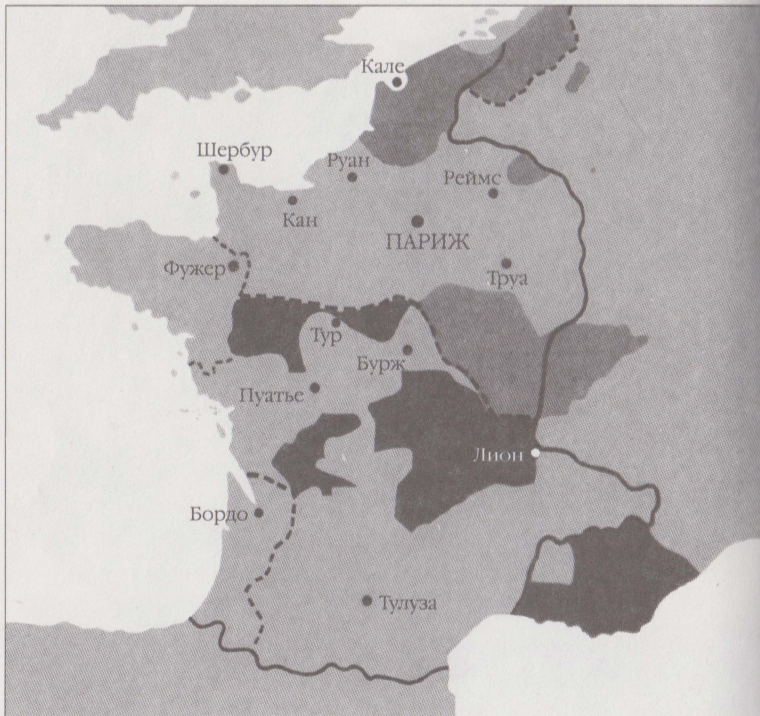

Границы Французского королевства

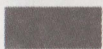

Границы английских владений

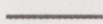
Франция в 1360 г. (договор в Бретињи)

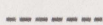
Владения бургундского дома

Владения герцогов Анжуйских, Орлеанских и Бурбонов

Границы Французского королевства

Границы англо-бургундских владений

Франция в 1420 г. (договор в Труа)

Во Франции сходные трудности королевской власти усугубились с 1392 г. тяжелым психическим заболеванием Карла VI. В течение нескольких предшествующих лет он пытался взять бразды правления в собственные руки, отстранив от власти своих дядей — герцога Бургундского и герцога Беррийского. Болезнь короля немедленно вызвала борьбу придворных группировок за власть, ослабление центрального правления, вспышки феодального сепаратизма, междоусобные войны.

Все это вынуждало Англию и Францию постоянно продлевать перемирие при полной невозможности договориться по основным проблемам. Более того, в 90-х гг. возникла и начала укрепляться, казалось бы, неожиданная после стольких лет англо-французского конфликта тенденция к установлению личных контактов между двумя королями. Источники единодушно сообщают о растущем дружелюбии между Ричардом II и Карлом VI, в болезни которого периодически наступало улучшение. Все чаще возникали слухи о готовящейся личной встрече монархов, об их взаимной симпатии, планах совместной борьбы против «неверных» и т. п. С 1394 г. к этому добавилась идея династического брака между английским и французским королевскими домами: овдовевший Ричард II просил руки малолетней дочери Карла VI Изабеллы.

При попытке объяснить неожиданное сближение монархов следует в первую очередь учитывать крайне сложное положение каждого из них. Опасение за свой трон (для свергнутого в 1399 г. Ричарда II оно оказалось не напрасным)

могло стать достаточно мощным стимулом к беспрецедентной личной «дружбе» между королями государств, враждовавших в течение нескольких веков и около полувека находившихся в состоянии войны. Теряя почву под ногами в собственных странах, Ричард II и Карл VI попытались заручиться поддержкой друг друга, заключив нечто вроде личной унии, оформленной как перемирие 1396 г. между Англией и Францией на 28 лет⁸⁶. Договор был скреплен не только подписями королей, но и бракосочетанием Ричарда II и Изабеллы Валуа, состоявшимся в Кале после личной встречи монархов.

Договор 1396 г. не решил ни одного спорного вопроса. Брак Ричарда II и Изабеллы не рассматривался как форма объединения корон. Было специально оговорено, что их дети не будут иметь прав на французский престол. Цель соглашения и прошедшей с огромной помпой встречи королей была иной — укрепить личные контакты и заручиться взаимной поддержкой. Об этом красноречиво свидетельствует клятва Карла VI при необходимости помогать «своему возлюбленному сыну» Ричарду II. Еще десять лет назад английский король поразил своих подданных заявлением, что в случае их возмущения он может обратиться за помощью к своему родственнику королю Франции. Эта казавшаяся абсурдной и невозможной идея теперь обрела основу. Вся обстановка встречи монархов в Кале была пронизана демонстративным, искусственно подчеркиваемым дружелюбием. Чего стоила хотя бы церемония их совместного обеда, во время которого герцоги Ланкастерский и Глостерский при-

служивали французскому королю, а герцоги Бургундский и Беррийский — английскому! Был произведен обмен драгоценными подарками, принесены совместные обеты и т. п.

Несмотря на наличие причин для обоюдного стремления королей к мирной передышке, заинтересованность Ричарда II была большей, и отнюдь не в силу его личных свойств (кстати, не любивший воевать французский король Карл V практически посвятил всю свою жизнь борьбе за изгнание англичан из Франции). К этому, при прочих равных обстоятельствах, вела вся логика в целом проигранного Англией второго этапа Столетней войны. Блеск военных и дипломатических успехов Франции времени правления Карла V еще не угас, несмотря на изменение ситуации в 80—90-х гг. XIV в. Поэтому сразу же после соглашения в Кале Ричард II начал расплачиваться за унию с французским королем и долгое перемирие. Он возвратил Брест герцогу Бретани, а Шербур — королю Наваррскому. Оба они в тот момент находились в дружественных отношениях с французским королем, и это служило укреплению позиций Франции. Перемирие, и без того непопулярное в Англии, стало вызывать возмущение. Вновь поползли слухи о каких-то тайных подарках Ричарда французскому королю, о том, что он намерен вернуть все завоеванное Эдуардом III, включая Кале. Феодалы — сторонники войны во главе с герцогом Глостерским раздували широкое недовольство политикой короля.

Таким образом, завершившее второй этап Столетней войны перемирие 1396 г. базирова-

лось на зыбкой почве внутренней нестабильности положения в обоих государствах и поисков монархами личной опоры за пределами своих стран. Однако нельзя сказать, что решение спорных проблем совсем не сдвинулось с места. С объективно прогрессивных исторических позиций наметилось решение вопроса о Фландрии. Проблемы французского юго-запада, Кале и прилегающей к нему территории оставались по-прежнему острыми.

В самом развитии англо-французского конфликта на втором этапе наметились некоторые новые черты. Масштабы войны изменились, возросла роль воюющих королевств. Война способствовала усилению элементов национального самосознания во Франции и Англии, что вполне согласовывалось с объективной задачей территориального размежевания и разрыва вассально-ленных связей эпохи раннего Средневековья.

Сложную эволюцию претерпел характер войны. После мира в Бретињи, в 60—70-х гг., он определялся освободительными задачами Франции, вынужденной бороться против угрозы своей независимости. В этой связи резко возросла роль народа, его участия в военных действиях. В 80-е гг., когда освободительная задача была в основном решена, характер войны начал вновь определяться агрессивными устремлениями феодалов обеих стран, видевших в ней источник наживы.

Третьим периодом в истории Столетней войны традиционно считаются события 1415—1420 гг., когда во Франции в очередной раз высадилась большая английская армия и вновь пове-

ла борьбу за «восстановление законных прав» английского короля. Этому предшествовал почти двадцатилетний период официального перемирия (договор 1396 г. должен был сохранять силу до 1424 г.). Эти годы нельзя исключать из истории англо-французской войны, так как военные действия неоднократно возобновлялись. Как правило, они велись в испытанной форме вмешательства во внутренние проблемы противника или в дела «третьих стран».

Отправной точкой нового обострения англо-французских противоречий стал государственный переворот 1399 г. в Англии. Широкое недовольство правлением Ричарда II привело к тому, что он был свергнут с престола своим двоюродным братом, сыном герцога Джона Ланкастерского Генрихом. 10 октября 1399 г. последний был коронован как Генрих IV (1399—1413) из новой Ланкастерской династии. Хотя предыдущие два года Генрих провел во Франции, куда бежал от гнева Ричарда II, его успех был воспринят при французском дворе сначала прохладно и настороженно, а затем резко отрицательно. Особенно большой резонанс получила наступившая через несколько месяцев после переворота загадочная смерть Ричарда II (ходили слухи, что он умер в заточении от голода). Французский придворный хронист называет англичан по этому поводу «вероломными иностранцами», действовавшими «по наущению дьявола»⁸⁷.

Растущая враждебность в отношении англичан была связана во Франции с отчетливым пониманием неизбежности скорого возобновления войны. Переворот означал отказ от политики

Ричарда II, в которой видное место занимала тенденция к укреплению контактов с Францией, «личной дружбы» с Карлом VI. Кроме того, свержение короля разрывало династическую связь английского правящего дома с Францией. Малолетняя вдова Ричарда II Изабелла Валуа не могла более рассматриваться как потенциально важная политическая фигура. Для укрепления своих позиций при дворе и в общественном мнении Англии Генрих IV должен был отказаться от крайне непопулярного перемирия и иллюзии дружбы с французским правящим домом.

Во Франции большая часть феодалов из придворных кругов усиленно раздувала недовольство переворотом в Лондоне и растущие антианглийские настроения. При дворе шумно возмущались «узурпацией» Генриха, жалели Ричарда II, сетовали по поводу неясной судьбы Изабеллы. Давно стремившиеся к продолжению войны политические силы обрели прекрасное обоснование своей агрессивности. Поскольку идея войны имела давнюю довольно широкую поддержку в Англии, новое военное столкновение было неизбежно. И даже первые внешне миролюбивые шаги Генриха IV, как будто бы поддержанные во Франции, таили угрозу взрыва.

Спустя примерно месяц после коронации новый английский король направил во Францию послов для подтверждения перемирия. Для едва захватившего престол Генриха IV немедленная война с Францией была опасна. Гарантией отсрочки военного конфликта при общем враждебном настроении Франции была Изабелла Валуа. Генрих IV использовал ее, по существу, как за-

ложницу. Подтверждение перемирия было объявлено условием возвращения на родину. Французскому королю пришлось согласиться на переговоры. Однако об общей враждебной позиции Франции выразительно свидетельствовало то, что Карл VI запретил своим представителям именовать Генриха в договоре королем Англии.

В начале 1400 г. Карл VI и Генрих IV подписали письма, в которых за каждой строкой, говорившей о мире, проступала неизбежность войны. Достаточно отметить, что ни один не назвал другого королем. Карл VI давал понять, что не признает законности прав Генриха Ланкастерского на английскую корону, а Генрих, назвав его в ответ французским кузеном, подчеркивал сохранение притязаний на французский престол⁸⁸.

Неудивительно, что такое подтверждение перемирия сопровождалось в обеих странах военными приготовлениями. Во Франции они велись более шумно и откровенно. Французские сеньоры, как дружно отмечают хронисты, «хотят войны против Англии» и собирают войско⁸⁹. В Аквитании, где после французских военных успехов 70—80-х гг. XIV в. трудно было определить границы английских владений, начались вооруженные столкновения. Один из влиятельнейших политических деятелей Франции — брат короля Людовик Орлеанский — направил Генриху IV вызов на поединок. Это было неслыханной дерзостью, поскольку по рыцарскому кодексу чести поединок возможен только между равными. Следовательно, брат французского короля не признавал Генриха Ланкастерского государем. К тому же письмо было составлено в вызывающем

тоне. На северной границе Англии активизировались шотландцы, действовавшие, по-видимому, по согласованию с Францией. Прекрасно понимая, что англо-французский мир висит на волоске, Генрих IV в первые же месяцы пребывания у власти также начал готовиться к войне. Однако начинать военные действия английский король не торопился — слишком непрочным было его положение в стране. Уже в 1400 г. был раскрыт заговор знати против короля: «мятеж четырех графов» — Голландов, родственников и фаворитов короля Ричарда II». Затем они последовали бесконечной вереницей, сопровождаемые зловещими слухами, что «чудом спасшийся» Ричард II жив и скрывается на севере Англии или в Шотландии.

В этой обстановке Генрих IV был вынужден посвятить первые годы своего правления разрешению противоречивой задачи: бороться за продление перемирия, одновременно усиленно готовясь к войне с Францией. Были приняты меры по укреплению международного положения Англии. В поисках потенциального союза против Франции английский король приложил немало усилий для заключения династического брака между своей дочерью и сыном германского императора Руперта Пфальцского. Сам Генрих IV вступил в брак со вдовой герцога Бретани, что невозможно не связать с усилением военно-стратегических позиций Англии в предстоящей войне.

Большое внимание в английской политике уделялось традиционным объектам англо-французских столкновений — странам Пиренейско-

го полуострова и Шотландии. В начале второго года правления Генрих IV вступил в переговоры с Португалией, рассчитывая удержать ее от союза с Кастилией — давней сторонницей Франции. Надежды на разрыв или хотя бы ослабление франко-кастильского союза подкреплялись созданными еще Джоном Ланкастерским династическими связями Англии с Пиренейскими странами. Большого успеха действия английской дипломатии не имели. Португалия заключила в 1403 г. союз с Кастилией, а старый франко-кастильский союз дал небольшие трещины, но устоял.

Несколько более значительных результатов, хотя и с большим трудом, добился Генрих IV в Шотландии. В первый же год своего правления он попытался навязать шотландцам договор о постоянном мире при условии признания английского сюзеренитета. Решительный отказ шотландского короля не остановил Генриха IV, и в 1401 г. он вновь прислал своих представителей для переговоров. Англичане выдвинули сформулированные сто лет назад «аргументы» мифологического характера в пользу законности требования оммажа от шотландского короля. Кроме того, англичане потребовали передачи спорных пограничных крепостей Роксбург, Йедбург и Бервик. Шотландцы, по словам одного из английских представителей, «полностью отвергли эти предложения с добавлением некоторых очень недипломатичных выражений». Англии удалось, таким образом, спровоцировать Шотландию на нарушение перемирия и выступление до начала военных действий во Франции. В 1402 г. шотлан-

дские войска вторглись в северные области Англии и были разбиты.

Пока в каждой из воюющих стран шли приготовления к официальному возобновлению англо-французской войны, военные действия фактически уже начались. В течение первого десятилетия XV в. систематически случались ожесточенные столкновения на море у берегов Бретани и Фландрии; постоянно действующим фактором стало пиратство, мешавшее нормальному развитию английской, французской, фландрской торговли. Французские отряды на кораблях периодически совершали набеги на южноанглийские порты и острова. Пострадали Плимут, Саутхемптон, Портленд, Уайт и др. Начиная с 1404 г. англичане также время от времени опустошали берега Северной Франции в Нормандии, Пикардии, Бретани.

Все это происходило в условиях официального перемирия и рассматривалось как действия отдельных лиц, а не государства. Однако по масштабам и ожесточенности эти столкновения подчас не отличались от подлинной войны. Так, по данным французского хрониста (возможно, преувеличенным, но тем не менее показательным), 6 тыс. англичан участвовали в отражении французского нападения 1405 г. на южноанглийское побережье. Во время рейдов по берегам Нормандии и Пикардии в 1404 г. англичане не только грабили, «забирая все, что можно», но и убивали мирное население. Некоторых, как в дни войны, брали в плен и угоняли в Кале для получения выкупа.

Систематические нападения англичан на побережье Бретани привели к возрождению народ-

ного сопротивления. В 1405 г. жители Бретани обратились к королю с просьбой «разрешить им взяться за оружие, чтобы защитить свои дома и изгнать англичан». Когда в том же году в районе Бреста высадился английский отряд, крестьяне, «доведенные до крайности, вооружились палками, арбалетами и луками, чтобы отразить силу силой, пока не подойдут их защитники» (т. е. французские войска)⁹⁰. При отражении английского рейда 1406 г. в Нормандии были убиты 500 и взяты в плен 700 англичан.

Наиболее активно неофициальная война шла в английской Гаскони. Здесь англо-французские противоречия, как обычно, проступали особенно ярко. В начале XV в. они обострились в связи с неопределенностью положения этой области. Полвека назад, по миру в Бретиньи, она вся юридически отошла под власть Англии. После успехов 70—80-х гг. французы фактически освободили из-под английской власти большую часть юго-западных земель. Однако это не получило никакого юридического оформления. Договор 1396 г. обходил все спорные вопросы. В результате к началу XV в. в Гаскони не было определенных границ между английскими и французскими владениями. В действие должно было вступить право сильного. Пользуясь сложностью внутривполитического положения в Англии, французские сеньоры взяли инициативу в свои руки и попытались в очередной раз вытеснить англичан с юго-запада.

Французские отряды предприняли серию атак на занятые англичанами города и крепости. Их действия выглядели преимущественно как ини-

циатива отдельных крупных феодалов, но время от времени король открыто давал распоряжения о нападении на английские гарнизоны. Оправданием очевидных нарушений перемирия было для французов растущее недовольство части местного населения английской властью. Англичане имели на юго-западе давнюю опору в лице местных горожан и землевладельцев. Однако в первые годы XV в. торговые интересы городов и сепаратизм местной знати стали отступать под давлением грабительской политики англичан. Традиционные проанглийские позиции жителей Гаскони серьезно пошатнулись при Генрихе IV. С первых месяцев своего правления он начал решительно распоряжаться богатствами этой области и в отличие от большинства своих предшественников раздавать земельные пожалования на юго-западе. Многочисленные поборы и разбой английских солдат привели к тому, что крестьянство в большинстве своем решительно поддерживало французских солдат. Все это способствовало успеху Франции на юго-западе.

Яркой формой обострения англо-французских противоречий в начале XV в. стало вмешательство Франции в события в Уэльсе. Покоренный английской монархией еще в конце XIII в., Уэльс попытался вернуть себе независимость. В 1400 г. здесь вспыхнуло крупное антианглийское восстание под руководством Оуэна Глендоуэра. Это движение и по масштабам, и по длительности (1400—1410) представляло большую опасность для английской короны. Предводитель восстания обратился за помощью к французскому королю. Франция получила прекрасную возможность раз-

вернуть фактически продолжавшуюся войну с Англией на ее территории.

В 1402—1403 гг. французские корабли периодически поддерживали Глендоуэра с моря. При французском дворе неоднократно поднимался вопрос о подготовке армии для совместных действий с восставшими. Наконец в 1405 г. французское войско высадилось в Уэльсе под флагом помощи Глендоуэру в борьбе против «узурпации Генриха»⁹¹. Этот шаг можно было рассматривать как объявление войны английскому королю. Вероятно, он и был задуман как начало открытой борьбы с Англией под благовидным предлогом выступления против «узурпатора» в трудный для него момент восстания. Владевшая инициативой в течение всех лет неофициально продолжавшейся войны, Франция, казалось, готова была к нанесению серьезного удара. Однако экспедиция в Уэльс протекала вяло, военные действия разворачивались медленно, а подкрепление из Франции не прибывало. Среди французских рыцарей и солдат возникло недовольство, разговоры о «скудости» Уэльса и т. п. Меньше чем через год не добившееся сколько-нибудь реального успеха войско вернулось во Францию.

Причиной утраты инициативы в такой благоприятный для Франции момент было ее внутреннее положение. В начале 1405 г. вокруг вновь тяжело заболевшего Карла VI развернулась острейшая борьба за власть. В последнее время наибольшим политическим весом при французском дворе обладал брат короля герцог Людовик Орлеанский. Он столкнулся с растущим влиянием молодого герцога Бургундского Жана Бесстраш-

ного — родственника короля. Эти политические деятели занимали противоположные позиции по всем государственным вопросам, в том числе и по вопросу войны с Англией. Герцог Бургундский, владевший Фландрией, предпочитал ради ее торговых интересов сохранение формального англо-французского перемирия. Людовик Орлеанский был горячим сторонником возобновления войны. В 1405 г., когда это стало реальностью, Жан Бесстрашный открыто выступил против политики Людовика Орлеанского.

Франция оказалась на грани гражданской войны. Оба герцога собрали войска, готовые начать междоусобную борьбу. К осени 1405 г. с большим трудом было достигнуто примирение, носившее явно непрочный компромиссный характер. Одним из условий, очевидно, было развертывание военных действий против Англии. Герцоги начали готовить одновременную атаку Кале и Бордо — основных форпостов английской власти во Франции. Однако выполнению этого очередного плана активизации войны последовательно мешал герцог Бургундский. В то время как на юго-западе развернулись довольно активные военные действия, осада Кале готовилась под руководством герцога Бургундского крайне медленно. Жан Бесстрашный явно не желал активно действовать против англичан. В итоге одновременная атака не состоялась, оба предприятия оказались неудачными.

Под влиянием разногласий при дворе Франция заняла в вопросе о войне противоречивую позицию. Говоря о подготовке осады Кале, герцог Бургундский одновременно вел переговоры

о подтверждении перемирия с Англией. Мирные предложения прибывшего в Париж английского посольства были сорваны герцогом Орлеанским. В 1406 г. возникла благоприятная возможность для нового французского вмешательства во внутренние дела Англии: к Карлу VI прибыли представители оппозиционной Генриху IV североанглийской знати с просьбой военной помощи для борьбы против «узурпатора». Однако ситуация была использована лишь частично. Военную помощь сепаратистски настроенным баронам не предоставили, но они получили письмо французского короля, в котором он открыто призывал англичан бороться за права законного короля Ричарда. Таким образом, правящие круги Франции безнадежно упустили возможность овладеть инициативой в войне и развернуть ее в неблагоприятной для Англии обстановке.

Ситуация не изменилась и после организованного герцогом Бургундским убийства его политического соперника — Людовика Орлеанского (23 ноября 1407 г.). Хотя Жан Бесстрашный после недолгой опалы был прощен и стал самым влиятельным человеком при дворе, ему противостояли сторонники и родственники убитого, образовавшие со временем так называемую партию арманьяков (по имени возглавившего ее графа Арманьякского). Они продолжали занимать во всем, в том числе и в вопросе о войне, позиции, противоположные «бургундской партии». В результате в атмосфере назревающей гражданской войны французский двор продолжал принимать противоречивые решения в отношении Англии. В 1409 г. королевский совет под влиянием арма-

ньяков объявил законной войну против «так называемого короля Генриха Ланкастерского», которому спустя десять лет припомнили убийство Ричарда II. Тем не менее в том же году Франция приняла английское предложение о мирных переговорах, а в 1410 г. было официально подтверждено англо-французское перемирие.

Летом во Франции разразилась гражданская война между придворными группировками, борющимися за власть при неспособном к управлению страной Карле VI и в конечном счете — за независимость от центральной власти. Состояние феодальной анархии, в которое ввергла страну борьба так называемых бургиньонов и арманьяков, должно было сделать ее легкой добычей давнего противника. Англичанам не пришлось искать предлог для нападения на ослабленную Францию. Представители враждующих группировок сами обратились к ним за помощью в междоусобной борьбе.

Первыми совершили очередной акт предательства интересов Франции представители «бургундской партии». В разгар борьбы с арманьяками герцог Бургундский направил в Англию посольство, предложившее «в уплату» за военную помощь невиданные уступки. Помимо денег и династических браков английский король должен был получить четыре города во Фландрии и Нормандию. Герцог Бургундский обещал также принести оммаж за Фландрию английскому королю⁹². Таким образом, у Генриха IV, много лет опасавшегося возобновления войны, появилась возможность недорогой ценой добиться того, что не удалось самому Эдуарду III, — получить боль-

шую часть французской территории и восстановить английские позиции во Фландрии.

Осенью 1411 г. англо-французская война, фактически не прекращавшаяся с начала XV в., приобрела новую, трагическую для Франции форму. Английские войска выступили из Кале, соединились с армией герцога Бургундского, подошли к французской столице и после кровопролитного боя с войсками арманьяков вступили в Париж. Их поспешное возвращение в Англию сразу после такого успеха можно объяснить только получением известия о намерении арманьяков предложить еще более высокую цену за переход англичан на их сторону. Уже в феврале 1412 г. представители орлеанского дома прибыли в Англию и после переговоров заключили официальный договор с Генрихом IV.

Условия, на которых эта группировка получила английскую помощь, были для Франции еще более тяжелыми. Арманьяки обещали передать английскому королю на основе сюзеренитета герцогство Аквитанское в полном размере; они согласились также принести ему оммаж за ряд других французских областей (Понтье, Перигор, Ангулем). Эти основные условия подкреплялись денежными обязательствами и династическими планами⁹³. Содержание этого позорного договора было близко условиям мира в Бретиньи 1360 г., навязанного тогда Франции после двадцати лет тяжелейшей войны. Арманьяки перечеркивали с трудом доставшиеся Франции завоевания 70—80-х гг. XIV в. Вновь, как и на первом этапе войны, французские сеньоры принесли интересы страны в жертву сепаратизму и жажде власти.

Англичане выступили на стороне арманьяков более решительно и масштабно, чем в помощь герцогу Бургундскому. Причиной, конечно, была возможность получить Гасконь — традиционный основной объект английских притязаний⁹⁴.

Английское войско под командованием принца Томаса, герцога Кларенсского, высадилось в Нормандии. В ожидании подхода армии арманьяков англичане, по словам хрониста, «жгли города, захватывали крепости и причинили большой ущерб». Спустя несколько месяцев выяснилось, что арманьяки, не успев использовать английскую помощь, потерпели поражение и вступили в переговоры с бургундцами. Обе враждующие партии склонялись к отказу от дальнейшего участия англичан в их делах. В ответ герцог Кларенсский прошел опустошительным рейдом по областям Мен, Вермандуа, Берри и прибыл в Бордо. Начался новый позорный торг между ним и французской знатью. Теперь обсуждалась плата за то, чтобы англичане согласились покинуть Францию, так как враждующие группировки, по видимому, запоздало поняли смертельную опасность английской «помощи». Кларенс получил дорогие подарки и обещание огромной денежной суммы за прекращение вмешательства в междоусобную борьбу. Английское войско осталось зимовать в Бордо, и неизвестно, что принесла бы весна, если бы не сообщение о кончине Генриха IV. 9 апреля 1413 г. в Англии был коронован двадцатипятилетний сын Генриха IV Генрих V (1413—1422). Генрих V получил военное образование, будучи тринадцатилетним юношей участвовал в военных действиях в Шотландии. В

конце правления отца принимал участие в управлении страной, возглавлял королевский совет, имел репутацию бравого воина и способного государственного деятеля.

Начиная примерно с 1408 г. королевской власти в Англии постепенно удалось добиться относительной стабилизации своего внутреннего положения и укрепления международных позиций. Был умиротворен Уэльс, ослаблена шотландская опасность (юный шотландский король Джеймс I с 1405 г. находился в английском плену), подавлено внутреннее недовольство (разгром в 1414 г. выступления лоллардов под руководством Олд Кастла). Произошло это именно ко времени крайнего внутреннего ослабления Франции. Опыт участия в борьбе французских придворных группировок убедил английских феодалов, что ситуация во Франции предельно благоприятна для них.

Примирение бургундцев и арманьяков в 1412 г. носило явно временный характер. Безраздельное влияние герцога Бургундского при дворе вновь подогревало орлеанистов. Феодальная анархия последних лет возродила бесчинства бригадов и привела к резкому обострению социальных противоречий. Банды мародеров, прикрываясь именем то одной, то другой враждующей группировки, грабили крестьян. Не выдержав ужаса политической неразберихи и налогового произвола, крестьяне периодически брались за оружие под лозунгом борьбы против всех «партий» за короля. Глубокое недовольство горожан налоговой политикой и феодальными раздорами вылилось весной 1413 г. в восстание под руководством Кабоша в Париже. Восставшие го-

рожане захватили оружие в ратуше, осадили дворец короля, потребовали ареста королевских чиновников, прекращения междоусобиц, снижения налогов.

Попытки «бургундской партии» использовать это движение в своих интересах привели после его подавления арманьяками к новой вспышке феодальной усобицы. В ходе вновь разгоревшейся гражданской войны обе придворные группировки вели тайные переговоры с Англией, приближая тем самым будущее английское вторжение и поражение Франции. Очередной мир между соперниками (договор в Аррасе 4 сентября 1414 г.) запрещал заключать союз с англичанами. Однако в стране не было политической силы, способной сделать этот запрет действенным. Феодальные группировки продолжали поиски соглашения со злейшим врагом Франции. В ходе переговоров намечался будущий союз Англии с герцогом Бургундским, готовым отдать англичанам все владения лидеров «орлеанской партии». Английское вторжение стало неотвратимым, а ситуация такова, что войну можно было заранее считать проигранной.

Карл VI и его окружение из числа арманьяков лишь в 1415 г. по-настоящему оценили серьезность создавшегося положения. В то время как новый английский король — Генрих V, отвечая желаниям английской знати, активно готовил вторжение во Францию, арманьяки предприняли судорожные попытки добиться договоренности. Их предложение о династическом браке Генриха V и дочери Карла VI было сделано в атмосфере сознательно раздуваемых в Англии антифран-

цузских настроений. Уже давно распространялись слухи о якобы готовящемся французами «предательском» нападении на Кале, о намерении «извести» его жителей с помощью страшных болезней. При дворе говорили о некоей измене французов и необходимости их наказать.

В ответ на французские мирные предложения Генрих V потребовал в качестве своих «законных» владений Аквитанию, Нормандию, Анжу, Турень, Пуату, Мен, Понтье — примерно половину Франции. Более пятидесяти лет назад, в 1358 г., такие же непомерные притязания выдвигал Эдуард III. Однако тогда Франция была обескровлена и опустошена войной, лишилась армии и короля. Возрождение этих требований Генрихом V фактически означало объявление войны.

В августе 1415 г. герольд английского короля вручил Карлу VI письмо, начинавшееся так: «Благородному принцу Карлу, нашему кузену и противнику во Франции — Генрих, божьей милостью король Англии и Франции»⁹⁵. Возвратив себе титул французского короля, Генрих V писал, что он «обязан во имя справедливости» вернуть законные права своих предшественников. Это означало, что он подготовился к войне и считает ее дальнейшую отсрочку под видом переговоров ненужной. Благоприятная ситуация в раздираемой внутренними противоречиями Франции, наметившийся союз с герцогом Бургундским, широкая поддержка предстоящей войны в широких слоях английского общества, возможность устранить с ее помощью оппозицию части феодалов и горожан в Англии — все эти факторы обусловили английское вторжение 1415 г.

Генрих V, оказавшийся неплохим политиком, не мог не сознавать, что со времени Ричарда II непопулярный мир с Францией был одним из истоков оппозиций. Дальнейшее оттягивание войны могло возродить едва приглушенное недовольство знати и ввергнуть Англию в состояние такой же феодальной анархии, которая царила в королевстве Карла VI. Перед самым выступлением армии во Францию при английском дворе был раскрыт очередной заговор против короля, составленный под предлогом незаконности власти Ланкастеров. Заговорщики, покушавшиеся на жизнь Генриха V, в очередной раз доказали, что оппозиция жива и представляет серьезную опасность для королевской власти. Английский хронист Бенет связал заговор с подготовкой войны во Франции: автор утверждал, что заговорщики получили от французов деньги за убийство Генриха V, чтобы предотвратить таким путем высадку в Нормандии⁹⁶.

11 августа 1415 г. от берегов Англии отплыла армада, переправлявшая во Францию самую многочисленную и тщательно снаряженную армию за всю историю англо-французской борьбы. Войско Генриха V, по-видимому, насчитывало не менее 30 тыс. человек и имело значительную для того времени артиллерию. Английская высадка произошла не в Кале, как ожидалось, а в одном из важнейших портов Нормандии — Гарфлере. Несмотря на огромные силы англичан и отсутствие помощи со стороны королевской армии, гарнизон и жители города оказали отчаянное сопротивление. Гарфлер был взят лишь после полуторамесячной осады и почти полного разрушения анг-

лийской артиллерией. Армия Генриха V понесла большие потери. К жертвам осады и штурма Гарфлера прибавилась смертность от болезней.

Первые шаги экспедиции Генриха V оказались, таким образом, не столь легкими и победоносными, как ожидалось. Вновь английская завоевательная политика столкнулась с сопротивлением, идущим не от королевского двора, занятого интригами и борьбой за власть, а от населения и гарнизона, действовавших по собственному разумению.

Генрих V безжалостно расправился с жителями Гарфлера. Оставшиеся в живых были выселены из города, превращенного вслед за Кале в английский форпост на побережье. Англичане вновь создавали во Франции почву для ненависти к завоевателям. Делая по-прежнему ставку на устрашение, Генрих V принял решение пройти грандиозным опустошительным рейдом через Нормандию, Пикардию и Фландрию до Кале.

В то время как английская армия, демонстрируя полную безнаказанность и свободу действий во Франции, двинулась вдоль побережья на восток, французский король пытался собрать войско. По всей стране были разосланы письма, призывавшие французов под королевское знамя. Интересной особенностью этих посланий было обращение короля не только к рыцарям, но и к «добрым горожанам», которым предлагалось привести в боевую готовность укрепления городов и городские ополчения⁹⁷. Опыт освободительной борьбы времени Карла V не был забыт.

Мобилизация армии столкнулась с противодействием герцога Бургундского. Ради ослабле-

ния своих придворных соперников он, по существу, уже в 1415 г. начал помогать англичанам. Жан Бесстрашный заявил действовавшему от имени короля дофину Людовику (старшему брату будущего короля Карла VII), что не будет ни служить ему, ни защищать его. Более того, герцог Бургундский препятствовал присоединению сеньоров к королевскому войску. Его собственный многочисленный отряд, посланный с большим опозданием, естественно, «не успел» присоединиться к армии до решающего сражения с англичанами.

24 октября 1415 г. продвижение английской армии было остановлено французским войском, преградившим ей путь примерно в 60 км от Кале, около деревни Азенкур. На следующий день — 25 октября — здесь произошла крупнейшая битва Столетней войны. Прошло более полувека со времени последнего столь же масштабного столкновения двух армий на французской земле при Пуатье. Уроки грандиозных поражений Франции середины XIV в., учтенные в свое время Карлом V и Дюгекленом, были к 1415 г. забыты. В ходе феодальных усобиц погибли созданные в те времена элементы постоянной армии, знакомой с единоначалием, дисциплиной, продуманной тактикой. В битве при Азенкуре английской армии вновь противостояло наспех собранное ополчение из отрядов отдельных сеньоров и городов Франции.

Хронист Базен специально подчеркивает, что французское войско было многочисленнее, чем английское, но отличалось крайне слабой дисциплиной и более низкой военной подготовкой⁹⁸.

Командование осуществляли одновременно два военачальника — маршал Бусико и коннетабль Карл д'Альбре. На деле же каждый крупный сеньор по-прежнему считал себя совершенно самостоятельным. В тактическом отношении это войско попыталось слепо повторить прием, принесший когда-то успех англичанам. Несмотря на то что французы были инициаторами сражения, они решили вести оборонительный бой. Не атакуя противника, французская армия в то же время не позволяла ему продвигаться в сторону Кале.

Генрих V принял вызов и приказал своим войскам атаковать французских рыцарей. Он обратился к своему войску с воодушевляющей речью: «О, мои добрые товарищи по оружию! Настал момент, когда вам придется сражаться не ради славы, а ради самой жизни...» Основными причинами очередной английской победы были грубые тактические промахи французской армии, отсутствие в ней единого руководства и дисциплины. Позиция французского войска была выбрана неудачно — в тесном пространстве между двумя небольшими лесными массивами. При атаке плотных рядов французского войска английские лучники вместе со спешившимися рыцарями применили новый прием: отходя, они вбили в землю заостренные колья, на которые должна была напороться французская конница. Это серьезно помешало успеху конной атаки.

Французская армия в противоположность английской действовала непродуманно, не проявляя свойственного ее противнику творческого тактического начала. Понеся большой урон в

результате первых атак английских лучников, французские рыцари перешли в контратаку. Большая их часть спешила. Заимствованный из английского опыта прием спешивания рыцарей был применен неудачно — тяжеловооруженные французские рыцари с трудом двигались по размокшей после сильного дождя земле. С английской стороны им противостояли в основном легковооруженные воины, которые передвигались гораздо более свободно. Контратака захлебнулась, англичане перешли в наступление и начали теснить противника. В сражении наступил перелом: английская армия решительно брала верх, поле боя усеяли тела французских рыцарей.

В этот решающий момент произошел интереснейший эпизод, важный для понимания дальнейших событий войны во Франции. В разгар боя Генрих V получил известие, что на английский обоз совершено нападение. Английские хронисты единодушно утверждают, что это были грабители, которых прельстила богатая добыча. Однако они же сообщают подробности, заставляющие усомниться в таком объяснении происшедшего. Вместо того чтобы бежать с добычей, пользуясь суматохой сражения, «грабители» начали бить в колокола, кричать, что английский король убит, и громко распевать молитву «Тебя, Господи, хвалим!»⁹⁹. С таким поведением гораздо более согласуется сообщение французского хрониста Монстреле. По его версии, на английский обоз напали 600 французских крестьян из окрестных деревень во главе с местными рыцарями. Они захватили не только имущество, но и «мно-

гих англичан»¹⁰⁰. Следовательно, нападение на обоз было настоящим ударом в тыл, нанесенным в решающий момент боя.

Эта партизанская вылазка должна была поддержать дух сражающихся, отвлечь англичан и, самое главное, попытаться заставить многочисленных пленных французских рыцарей забыть о рыцарских законах и снова броситься в бой. Во всяком случае, Генрих V понял происшедшее именно так и приказал немедленно перебить пленных французов. Он навлек этим на себя страшное осуждение современников, но предотвратил возможность перелома в сражении. Готовность населения Франции принять активное участие в борьбе пока еще не встретила должного понимания феодалов и короля, но она уже превращалась в постоянный фактор войны против Англии.

Битва при Азенкуре была проиграна так же сокрушительно и бесповоротно, как когда-то сражения при Слейсе, Креси и Пуатье. Не существует точных данных о потерях, понесенных Францией в этом сражении. Историки не раз пытались, опираясь на косвенные сведения, определить цифры, которые позволили бы представить масштаб поражения Франции. Результаты этих подсчетов дают значительный разброс: от 2—2,5 тыс. погибших рыцарей до 8 тыс. Однако в любом случае в глазах Фруассара это была гибель «цвета рыцарства».

Одержав победу, Генрих V проследовал в Кале и затем с великим торжеством и огромной добычей вернулся в Англию. Это событие было пышно отмечено по всей стране: одно за другим

следовали торжественные богослужения, устраивались праздничные шествия и т. п. Однако Генрих не мог не понимать, что достигнутый военный успех еще не означал победы в войне. Несмотря на гибель нескольких тысяч французских рыцарей при Азенкуре, во Франции еще оставалась армия, многочисленные гарнизоны в крепостях и городах, был жив дух сопротивления завоеванию.

Новое военное поражение Франции было воспринято, по словам автора «Нормандской хроники» Кошона, как «очень большой позор для Французского королевства». Монстреле сообщает, что жители Парижа справедливо связали это событие с «противоречиями и раздорами сеньоров королевской крови» и решительно потребовали, чтобы правящий от имени короля дофин Людовик положил конец междоусобицам¹⁰¹. Но положение оставалось прежним: в Париже еще сохранялся траур по погибшим в битве при Азенкуре, а герцог Бургундский уже повел свои войска на столицу, чтобы вырвать власть у арманьяков. Силы и внимание правящей группировки были по-прежнему сосредоточены на борьбе за власть, а не на отражении внешней опасности.

Королевская власть, таким образом, оказалась на данном этапе неспособной выполнить прогрессивную функцию защиты государственных интересов Франции, как, например, во времена Карла V. Сопротивление завоеванию все больше становилось ненаправляемым из центра делом отдельных лиц, городов, отрядов. Большинство мелких и средних феодалов на местах не признавало английской власти. Как писал хро-

нист Кузино, даже после победы Генриха V при Азенкуре «мало нашлось знатных, которые покорились ему, кроме гасконцев и других людей из их земли»¹⁰². В конце 1415 — начале 1416 г. неоднократно происходили англо-французские столкновения у берегов Нормандии и вблизи занятого англичанами Гарфлера. Они неизменно оканчивались поражением разрозненных, не имеющих поддержки короля сил Франции.

Английский король тем временем готовил новое крупное вторжение во Францию. Как показали последующие события, на этот раз ставилась задача реального покорения всей ее территории. Важным моментом подготовки решающего удара, как обычно, стала проблема союзников. Опираясь на реальные достижения в войне и теоретические «законные права» во Франции, Генрих V предпринял дипломатические шаги с целью обеспечения международной поддержки. Весной 1416 г. в Лондоне активно велись переговоры с германским императором Сигизмундом и графом Голландии, Зеландии и Геннегау Вильгельмом. Заключение официального союза с императором было успехом, который мог в будущем обеспечить Англии поддержку на континенте. Кроме того, с помощью графа Вильгельма и императора английский король создавал некоторое время в глазах общественного мнения Европы видимость готовности к заключению мира с Францией.

Под флагом мирных переговоров Генрих V прибыл осенью 1416 г. вместе с германским императором Сигизмундом в Кале и встретился там с герцогом Бургундским. Однако вместо англо-

французского мира эта встреча привела к созданию англо-бургундского союза¹⁰³. Договор, в котором герцог признал законными права Генриха V на французский трон и обещал ему военную помощь, был крупным достижением английской политики. Патриотически настроенные элементы во Франции восприняли действия герцога как предательство. Так, автор «Нормандской хроники» заметил по этому поводу, что герцог Бургундский «стал скорее англичанином, чем французом»¹⁰⁴. Союз с Бургундией наметился несколько лет назад, в ходе гражданской войны во Франции. Подтверждением реальности его создания стал отказ герцога Бургундского от участия в борьбе против английского вторжения в 1415 г. В 1416 г. союз английского короля и герцога Бургундского был официально оформлен. Это подрывало позиции и без того ослабленной Франции и делало ее шансы на победу в войне крайне малыми.

Летом 1417 г. новая большая английская армия (около 10 тыс. человек) во главе с самим Генрихом V высадилась в Нормандии. Хорошо экипированное, снабженное осадными орудиями и артиллерией войско приступило к последовательному покорению Франции. Именно в это время герцог Бургундский вновь подвел свои войска к Парижу. Теперь это был не просто очередной акт междоусобной борьбы с арманьяками, а убедительная реализация англо-бургундского союза. Коннетабль Франции граф Арманьяк не мог вывести армию из окруженного бургундцами Парижа. Английские войска быстро продвигались по Нормандии, где почти не осталось фран-

цузских войск, так как все силы были брошены на борьбу с бургундцами.

Единственным серьезным препятствием на пути завоевателей были крупные города, жители которых, как правило, держались до последнего. Их сопротивление приводило Генриха V в бешенство. Ему казалось, что до победы над Францией остался один шаг. В гневе он забыл о своей роли «законного и доброго» государя Французского королевства, к которой он стремился еще с 1415 г. После взятия штурмом долго не сдававшегося Кана английский король приказал перебить всех его защитников, не щадя мирных жителей. Сильнейшая военно-морская крепость Нормандии — город Шербур пал лишь после десяти месяцев осады, и то с помощью подкупа. И все же французские города один за другим были вынуждены сдаваться англичанам: пали Понтуаз, Макт, Фалез. Английские войска приближались к крупнейшему городу Нормандии — Руану. В это самое время в Пикардии шли бои между войсками арманьяков и бургундцев, и герцог Бургундский направил новые силы на захват столицы Франции.

В мае 1418 г. Париж был взят сторонниками «бургундской партии», которые повели себя как настоящие захватчики. На улицах города происходили ожесточенные бои между приверженцами двух феодальных группировок; были перебиты, казнены или заточены явные и тайные сторонники арманьяков.

Неудивительно, что англичане не встречали организованного отпора. Тем не менее в отдельных городах и крепостях Нормандии им прихо-

дилось преодолевать растущее сопротивление населения (по словам хрониста Монстреле, «всех людей Нормандии») ¹⁰⁵. В июне был осажден Руан, жители и гарнизон которого не желали капитулировать и надеялись на помощь короля. Начав править Францией от имени окончательно потерявшего рассудок Карла VI, герцог Бургундский объявил, что он готовит войско для поддержки Руана. Причиной его внешней переориентации было опасение полностью утратить популярность во Франции. В атмосфере растущего массового сопротивления завоевателям стало рискованно открыто помогать англичанам. Однако события очень скоро показали, что, по существу, герцог Бургундский остался английским союзником.

В течение семи месяцев жители осажденного Руана героически выдерживали постоянный обстрел и жесточайший голод. Они ждали помощи герцога Бургундского, но он не торопился выполнить свое обещание, продолжая тем самым помогать англичанам.

В последние недели осады Руана произошло событие, которое ярко продемонстрировало вновь наметившийся перелом в характере войны и глубокое расхождение между позициями правящей верхушки и населением Франции. Видя преступное бездействие герцога Бургундского, два нормандских рыцаря собрали отряд численностью около двух тысяч человек и предприняли дерзкую попытку прорвать осаду Руана. Их замысел не удался, и в декабре 1418 г. город был вынужден сдаться. В сознании жителей Франции закрепилось понимание неспособности правящей верхушки защитить страну. Даже прибли-

женный бургундского дома хронист Монстреле пишет, что поступок Жана Бесстрашного «изумил всех добрых людей».

Расправившись с гарнизоном Руана и жестоко ограбив его жителей, Генрих V продолжал завоевание Нормандии. Трудности борьбы заставили английского короля в начале 1419 г. вступить в переговоры с действовавшими от имени Карла VI королевой Изабеллой и герцогом Бургундским. Генрих V выдвинул, по словам Монстреле, «непомерные требования»¹⁰⁶. Сам факт переговоров свидетельствовал о серьезном отступлении английского короля от первоначальной программы абсолютной законности его власти над всей Францией. Договоренность не была достигнута. Причиной этого помимо «непомерных требований» Генриха V было, на наш взгляд, наличие во Франции в тот момент еще одной политической фигуры, с которой следовало считаться.

Пятнадцатилетний дофин Карл — младший и единственный после смерти двух старших братьев сын короля Карла VI — бежал из захваченного бургундцами Парижа. В конце 1418 г., опираясь на уцелевших арманьяков, он объявил себя регентом Франции и создал свои парламенты в Пуатье и Понтуазе и счетную палату в Бурже. Таким образом, в стране возникло правительство, противостоящее бургундскому. При всей шаткости его юридического статуса оно опиралось на многочисленных приверженцев арманьяков и сумело сохранить военную поддержку Шотландии и получить обещание помощи от Кастилии. Главная же сила этого прави-

тельства заключалась в том, что оно поставило целью борьбу против английского завоевания. Как пишет Базен, «за него (дофина Карла. — Н. Б.) и его именем французы сражались одновременно и против бургундцев, и против англичан»¹⁰⁷. Эта единственная по-настоящему популярная в тот момент во Франции задача могла обеспечить правительству дофина поддержку в стране. И именно на этой платформе летом 1419 г. произошло сближение дофина Карла и переориентировавшегося в очередной раз герцога Бургундского. В договоре о дружбе и союзе они сообщали, что объединяются «для того, чтобы оказать сопротивление англичанам, нашим давним врагам»¹⁰⁸.

Примирение дофина и герцога, конечно, не было прочным. Между ними неизбежно должна была вновь вспыхнуть борьба за власть. Общая атмосфера в стране, угроза независимости Франции, наметившаяся активизация и сплочение всех патриотических сил и сторонников централизации заставили правящую верхушку временно пойти на компромисс.

Герцог Бургундский, под контролем которого находилась добрая половина Франции и королевская казна, не стремился активизировать войну против Англии. Английская армия продолжала продвижение к Парижу; была захвачена почти вся Нормандия и герцогство Понтье. Сопротивление завоевателям не ослабевало, но силы были неравны: организованной и хорошо подготовленной английской армии по-прежнему противостояли разобщенные гарнизоны и отряды. Французская феодальная верхушка в этой опас-

ной для страны ситуации вновь, как уже неоднократно случалось в истории Столетней войны, вместо укрепления наметившегося сплочения пошла на углубление противоречий. В сентябре 1419 г. во время личной встречи дофина Карла с герцогом Бургундским последний был убит приближенным дофина. Показательно, что для оправдания этого преступления в глазах общественного мнения Франции дофин использовал широко известные проанглийские позиции герцога. В письмах к городам по поводу происшедшего Карл постарался исключить мысль о борьбе за власть и представить убийство как справедливую кару за то, что герцог «обещал, но не вел войну против англичан»¹⁰⁹.

Для Франции, стоявшей на пороге военного поражения, очередной акт борьбы феодальных группировок имел тяжелые последствия. В декабре 1419 г. наследник Жана Бесстрашного Филипп (1396—1467) подтвердил союз с английским королем. С этого времени Бургундия надолго (до 1435 г.) стала важнейшей опорой Англии в Столетней войне. Уже в начале следующего, 1420 г. бургундские войска приняли участие в военных действиях против последних защитников Нормандии.

Англо-бургундский блок стал основой договора в Труа (21 мая 1420 г.)¹¹⁰, который знаменовал завершение тяжелейшего для Франции третьего этапа Столетней войны. По форме это был мирный договор, подводивший итоги войны между Англией и Францией. Он был подписан Генрихом V и безумным Карлом VI. По существу же, этот документ знаменовал сговор между англий-

ским королем и «бургундской партией» о дальнейшей совместной борьбе против сторонников дофина. Таким образом, договор, с одной стороны, отражал продолжавшуюся борьбу феодальных группировок во Франции, а с другой — был направлен против сил сопротивления английскому завоеванию. В условиях войны против внешнего врага междоусобная борьба французских феодалов приобрела новый оттенок: после многих лет колебаний и переориентации произошло размежевание программ феодальных «партий» по вопросу о войне с Англией. Бургундцы полностью солидаризировались с завоевателями, а дофинисты (среди них было немало бывших арманьяков) теперь могли добиваться власти только на основе борьбы против англичан и их бургундских союзников.

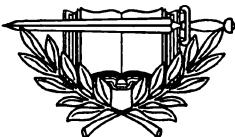
По условиям договора в Труа английский король Генрих V объявлялся регентом Франции и «возлюбленным сыном и наследником» Карла VI. Дофин Карл лишался права на престол (его объявили незаконнорожденным и приговорили к изгнанию из Франции). «В целях обеспечения мира и покоя» короны Англии и Франции «навсегда» объединялись под эгидой английской власти. Генрих V получал в жены дочь французского короля Екатерину, и их дети должны были стать правителями объединенного королевства. За это английский король и отныне наследник французского престола обещал Карлу VI, королеве Изабелле и Филиппу Бургундскому помощь в борьбе против сторонников дофина.

В статьях договора в Труа равнодушные элиты французского общества к судьбе Франции полу-

чилось свое наиболее полное воплощение. Бургундцы решили добиться победы над давними противниками любой ценой (даже ценой потери Францией возможности самостоятельного развития). Король, а вернее, королева (так как Карл VI едва ли сознавал, что он подписывает) поступила по принципу: после нас хоть потоп. До конца своей жизни Карл VI и Изабелла Баварская сохраняли титулы короля и королевы Франции. С их кончиной само понятие Французского королевства как самостоятельной политической единицы отменялось.

Договор 1420 г. не означал реального завершения англо-французской войны и окончательного поражения Франции. Однако юридически он лишал ее независимости и создавал серьезную и реальную угрозу включения Франции в «объединенное» англо-французское королевство. Причиной этого в первую очередь была междоусобная война французских сеньоров. Борьба феодальных группировок во Франции в начале XV в. привела к крайнему ослаблению центральной власти и лишила страну объективно прогрессивной роли короля, вокруг которого при наличии внешней опасности концентрировались патриотические центроостремительные силы. Более того, соперничество бургундцев и арманьяков сделало английское вмешательство опаснейшим для независимости Франции фактором феодальной междоусобицы.

Все это обусловило глубокое изменение характера англо-французской войны, на заключительном этапе которой решающую роль предстояло сыграть народу Франции.

Глава IV

ЖАННА Д'АРК И ОЖИВАЮЩАЯ ЛИЛИЯ

Договор 1420 г. в Труа создал очередную в истории Столетней войны юридическую иллюзию ее завершения. Конкретная ситуация во Франции была далека от соответствия букве этого документа. «Регенту и наследнику Французского королевства», которым был провозглашен Генрих V, предстояло добиваться реального подчинения страны. События, последовавшие за подписанием мира в Труа, показали, насколько нелегка эта задача. С одной стороны, английскому королю противостояла «партия дофина», патриотическая программа которой делала ее реальной силой, с другой — растущее массовое сопротивление широких слоев населения Франции.

Со времени развернутого систематического завоевания территории Северной Франции (т. е. с лета 1417 г.) Генрих V был вынужден преодолевать все более серьезные трудности. Договор 1420 г. не мог положить конец массовому сопротивлению. Выросшие за долгие десятилетия вой-

ны элементы национального самосознания оказались сильнее извечной традиции подчинения «законному государю». Провозглашение английского короля регентом и наследником короны Франции ни в малейшей степени не способствовало укреплению его позиций. Напротив, унижение Франции, опасность ее растворения в объединенном англо-французском королевстве сделали борьбу против завоевателей еще более ожесточенной.

Сразу же после подписания договора в Труа Генрих V и герцог Филипп Бургундский продолжили завоевание Северной Франции. Их войска двинулись к Парижу, встречая на своем пути отчаянное сопротивление в каждом городе и крепости. Ощувив близость победы над, казалось бы, поверженной Францией, Генрих V приходил в ярость от неповиновения своих новых подданных. В результате он прибегал к традиционной тактике устрашения, превосходя в ее масштабах и последовательности своих предшественников. Города, оказывавшие сопротивление, были объявлены «восставшими против регента и наследника французской короны», т. е. мятежными. Поэтому их, как пишут хронисты, зачастую «превращали в руины» или «дотла сжигали»¹¹¹.

У стен небольшого города Мелена на реке Сене к югу от Парижа Генрих V попробовал действовать увещанием. Английская армия застряла здесь больше чем на месяц. Досадуя на недопустимую проволочку, Генрих V привез в свой лагерь Карла VI и потребовал, чтобы жители Мелена подчинились «их подлинному государю». Они ответили, что не сдаются именно пото-

му, что верны своему королю, ибо «английский король — давний смертельный враг Франции»¹¹². Голодая, питаясь кониной, кошками и пр., горожане и гарнизон во главе с рыцарем Гийомом Барбазаном продолжали удерживать город. Сдаться их вынудил только голод. «Эта осада, — писал Уолсингем, — была самой тяжелой и опасной из всех, какие были у англичан раньше»¹¹³. В военном отношении оценка была явно преувеличенной: англичане помнили более масштабные осады Кале, Руана и других городов. Однако Мелен поразил их воображение ожесточенностью сопротивления (ополчение небольшого городка против целой армии) и категорическим непризнанием прав Генриха V.

Взяв Мелен после восемнадцати недель осады, английский король жестоко расправился с гарнизоном. Многие участники обороны были повешены, Барбазан посажен в железную клетку. Пошатнувшиеся еще в прошлом столетии рыцарские принципы ведения войны были окончательно отброшены. Борьба достигла невиданного прежде ожесточения.

Сохранявший титул французского короля, Карл VI в глазах основной массы населения страны перестал быть олицетворением ее суверенитета. Поэтому подписанные им призывы соблюдать мир с «возлюбленным сыном королем Генрихом Английским, регентом и наследником Франции» не имели никакого действия. В то же время отвергнутый официальной Францией дофин Карл встречал восторженный прием на юге страны, а его имя становилось знаменем сопротивления власти Генриха V. Дофин объявил до-

говор в Труа незаконным, так как Карл VI действовал «не по своей воле, а по воле англичан». Как пишет хронист Базен, те, кто сохраняли верность дофину, «отдавали все силы и энергию, чтобы не только защитить то, чем они владеют, но и изгнать англичан из королевства»¹¹⁴. И этому не могли помешать попытки Генриха V представить дофина в глазах общественного мнения злодеем и убийцей.

Английскому королю, по-видимому, стало ясно, что он, как и его предшественники, в этой войне далек от реальной победы. Предстояло активизировать и разворачивать юридически завершенную войну. Она требовала новых средств и войск. Для получения их Генрих вместе со своей «французской женой» Екатериной Валуа отбыл в конце 1420 г. в Англию. Кроме того, он намеревался заключить мир с Шотландией, чтобы избавиться в предстоящей тяжелой борьбе от угрозы войны на два фронта. Опаснейший для Англии франко-шотландский союз начиная с 1418 г. стал важной опорой дофина Карла. Шотландские войска составляли значительную часть его армии и принимали участие в военных операциях против англичан.

Прежде чем Генрих V завершил подготовку к расширению войны против Франции, прежде чем успел добиться необходимого мира с Шотландией, с континента пришли тревожные вести. Продолжая завоевание территории Франции, брат и наследник английского короля герцог Кларенский потерпел серьезное поражение у города Боже и был убит. Это сражение стало первым заметным успехом французской армии, продол-

жавшей борьбу вопреки условиям договора в Труа. Несколько тысяч англичан погибли (хронисты называют цифры от 1,5 до 3 тыс.), сотни были захвачены в плен. И хотя причины поражения отчасти объяснялись ошибками английского военачальника, это была очень важная для Франции победа. Она опровергла тщательно создававшийся Генрихом V еще с 1415 г. миф о неуязвимости английской армии, воюющей за его справедливые права «по воле Бога». Понимая значение успеха при Боже, дофин организовал по этому поводу большие торжества.

Победа французского войска придала уверенности всем антианглийским силам во Франции. Чтобы предотвратить продвижение армии дофина (она насчитывала около 10 тыс. человек, имела артиллерию), англичанам пришлось собрать силы по всем гарнизонам Нормандии. Обстановка в Северной Франции от границ Бретани до подвластной герцогу Бургундскому Фландрии стала опасной.

Генрих V срочно возвратился во Францию с целью «отмщения» за убитого брата¹⁵. Новая большая армия Генриха V (по данным Монстреле — около 30 тыс. человек) была брошена на подавление сопротивления в Нормандии и Пикардии и освобождение района Парижа от войск дофина. Объединившись с отрядами герцога Бургундского, английский король карающим мечом обрушился на северные французские земли. Были разгромлены владения феодалов — лидеров сопротивления, повешены и обезглавлены многие защитники захваченных крепостей. И все же, как только английские войска покидали пос-

ле акции устрашения очередной район, там возрождалась антианглийская оппозиция. По словам Монстреле, она «усиливалась с каждым днем».

Этот хронист состоял на службе у герцога Бургундского и потому не испытывал симпатии к сторонникам дофина. Однако именно Монстреле верно подметил источник успеха участников сопротивления. Он пишет: «По правде говоря, людей у герцога Бургундского было гораздо больше и платили им лучше, но дофинисты (для Монстреле это только сторонники дофина, объективно — защитники независимости Франции. — *Н. Б.*) отчаянно сражались за каждую крепость»¹¹⁶.

Очередной непреодолимой преградой на пути английского короля стал городок Мо на Марне. Благодаря удачному географическому положению под естественной защитой реки город невозможно было взять штурмом, а сдаваться его жители и гарнизон не намеревались. В октябре 1421 г. началась очередная осада. В условиях наступившей зимы осаждавшие чувствовали себя немногим лучше, чем осажденные. Среди английских солдат начались болезни, зрело недовольство. Не лучше обстояли дела и в других районах Франции. Бургундцы действовали на северо-востоке без всякого успеха, в Юго-Западной Франции армия дофина несколько потеснила англичан.

Все же в целом перевес сил был пока на английской стороне. Победы в основном доставались англичанам, но цена успеха была непомерно высока как в материальном, так и в мо-

рально-психологическом отношении. Генрих V, поверивший после блестящего рейда 1415 г. и Азенкура в свою непобедимость и неуязвимость во Франции, был вынужден восемь месяцев стоять под стенами какого-то городка на Марне. Мо капитулировал лишь весной 1422 г. Тяжело заболевший во время осады и горько разочарованный всей ситуацией во Франции, английский король едва ли ощутил радость победы. Накопившаяся досада и озлобленность вылились в жестокую расправу с городом и гарнизоном. В течение лета Генрих V одержал ряд побед, но по-прежнему ни одна из них не досталась легко.

В августе 1422 г. Генрих V внезапно скончался. Смерть молодого английского короля (ему едва исполнилось 36 лет) нанесла неожиданный удар по политической программе, заложенной в договоре 1420 г. Провозглашение Генриха V «регентом и наследником Франции» основывалось на незыблемой уверенности, что он переживет немолодого, выжившего из ума Карла VI и будет увенчан французской короной. Возможность безвременной кончины Генриха не предусматривалась статьями договора в Труа. Наследником английской короны был десятимесячный сын покойного короля Генрих VI (1422—1461). Болезненный, с приступами душевного расстройства (его мать Екатерина Французская — дочь психически больного Карла VI), Генрих VI будет расти среди интриг и ссор боровшихся за власть родственников, регентов и фаворитов.

Регентом Франции Генрих V перед смертью назначил своего брата герцога Бедфорда (1389—1435). Создалась великолепная юридическая ла-

зейка для всех противников объединения корон, и в первую очередь для дофина Карла.

Прежде чем он успел ею воспользоваться, у него появился еще более реальный шанс в борьбе за восстановление права наследования. Через шесть недель после кончины Генриха V умер Карл VI. Дофин Карл объявил условия договора 1420 г. незаконными и был коронован своими сторонниками в г. Пуатье как Карл VII (1422—1461). Франция распалась на три части. Герцогу Бургундскому подчинялись Бургундия и Шампань; север и ряд территорий в центре и на юго-западе находились под английской властью во главе с герцогом Бедфордом; в областях к югу от Луары (исключая Гиень) преобладали сторонники дофина. Английский наместник Бедфорд и бургундский герцог Филипп были союзниками в борьбе против дофина, вокруг которого группировались центристские и патриотические силы Франции. Его королевское звание не признавалось подлинным. Противники Карла дали ему презрительное прозвище «буржский король», так как его кочующий двор часто располагался в небольшом городке Бурже.

Изменение политической ситуации после смерти Генриха V осложнило позиции англичан во Франции и потребовало новых усилий в борьбе за реальное подчинение страны. Английская правящая верхушка по-прежнему стремилась к продолжению войны и расширению французских владений. Во Францию были направлены письма от имени малолетнего Генриха VI, в которых английский король требовал признания его власти¹¹⁷. Англичане готовили войска и собирали

средства на войну не только в своей стране, но и в оккупированных французских областях. Был возобновлен и укреплен англо-бургундский союз. По договору 1423 г. в Амьене подтверждалась «вечная дружба» между Англией и Бургундией. В знак ее прочности был заключен династический брак между герцогом Бедфордом и сестрой герцога Бургундского¹¹⁸. Важным дипломатическим достижением Англии стало присоединение к союзу герцога Бретани, занимавшего до этого неопределенную позицию. Английский двор принял попытку ослабить традиционную шотландскую угрозу. Шотландский король Джеймс I, который провел почти двадцать лет в английском плену, в 1424 г. был освобожден за выкуп и при условии династического брака с дочерью английского политического деятеля графа Сомерсета. И наконец, возможно, не без английского участия было подготовлено покушение на жизнь Карла VII. В октябре 1422 г. в его резиденции в Ла-Рошели под ним провалился пол. Многие приближенные Карла погибли, но сам он получил лишь легкое ранение.

Несмотря на сомнительный юридический статус, «буржский король» располагал политическими и военными силами. Со временем Карл проявил себя хорошим дипломатом и тонким политиком. Он умело использовал широкое патриотическое движение во Франции, привлекая его наиболее видных деятелей к себе на службу. Области Южной Франции, поддерживавшие Карла VII, были достаточно богаты и меньше, чем северные, пострадали от войны. Это обеспечивало ему серьезную материальную базу. Традиционные сепара-

тистские настроения южнофранцузских феодалов были ослаблены военными и политическими успехами Генриха V. После договора в Труа многие из них заняли колеблющуюся позицию.

Начиная с 1424 г. Карл VII ведет борьбу за союзников. Он ищет сближения с герцогом Бретани — наиболее слабым звеном «тройственного союза» в Амьене. Серьезной опорой Карла VII была Шотландия. Помогая Франции в войне, шотландцы рассчитывали на ослабление давнего противника и решение в свою пользу вопроса о важных для безопасности страны пограничных крепостях Бервик, Роксбург и Йедбург. Поэтому дипломатические усилия Англии не привели к переориентации Шотландии и распаду традиционного франко-шотландского союза. Более того, в 1424 г. Карл VII сумел добиться прямой военной помощи шотландского короля. Во Францию из Шотландии были присланы войска численностью 5—6 тыс. человек для борьбы против англичан. Кроме того, в армию Карла входили наемные отряды из Арагона и Ломбардии. Объективно опорой дофина было неослабевающее массовое сопротивление населения Франции завоевателям. Все это превращало не так давно униженного и отвергнутого двором Карла в серьезную политическую фигуру и опаснейшего противника Англии.

В военном отношении ситуация начала 20-х гг. также не была легкой для англичан. Их довольно многочисленные войска были разбросаны по обширной территории, что приводило к распылению сил и слабой координации действий. В течение 1422—1424 гг. английские и бургундские от-

ряды продолжали медленно теснить французов на севере и востоке: постепенно сдавались крепости и города в Нормандии, Пикардии, Понтье, Шампани. Однако каждый успех доставался с огромным трудом.

Знакомое англичанам в прошлом ощущение легких блестящих побед не возвращалось. Напротив, английские войска подчас терпели поражения или были вынуждены довольствоваться переменным успехом. Особенно чувствительный урон наносили им отряды местных рыцарей и горожан в Нормандии, Пикардии и Мене.

Англичане предпочитали этим стычкам и изнуряющим осадам крупные сражения, неизменно приносившие им успех в прошлом. Во времена Карла V Дюгеклен решительно отказался от прямого противостояния английской армии. В 70—80-х гг. XIV в. французы добились успеха именно на основе тактики мелких неожиданных нападений, внезапного захвата крепостей и т. п. Ситуация 20-х гг. XV в. была в основе сходной с теми условиями, которые породили эту, по существу, партизанскую тактику. Во Франции вновь разгоралась освободительная война. Однако Карл VII еще не сумел до конца правильно понять и оценить обстановку. Не отрециваясь от патриотического движения, он все же пока делал основную ставку на королевскую (в основном наемную) армию и традиционную тактику крупных сражений. Столкновения большого масштаба произошли при Краванте в 1423 г. и при Вернейле в 1424 г.

Кравант — небольшой город на границе Бургундии. У его стен объединенные силы англичан

под командованием графа Солсбери и бургундцев нанесли поражение войску Карла VII. Хронисты отмечают, что в его армии преобладали шотландцы и другие наемники. Битва была проиграна сторонниками Карла VII, потерявшими несколько тысяч человек (по данным Кузино — 2—3 тыс. убитых и взятых в плен). К лету 1424 г. обе воюющие стороны получили подкрепления. В Кале высадилось английское войско (около 2 тыс. человек), в Ла-Рошели — шотландцы, прибывшие на помощь Карлу VII (около 5 тыс. человек). 17 августа 1424 г. армия Бедфорда и наемное войско французского короля сошлись около города Вернейля на юго-западной границе Нормандии.

Это сражение было самым крупным со времени Азенкура. На стороне французов в битве участвовало около 15 тыс. человек, на стороне англичан — около 9 тыс.¹¹⁹ Характерно, что на военном совете перед битвой мнения военачальников Карла VII разделились. Многие считали, что французской армии не следует вступать в открытый бой, сохраняя преимущества тактики мелких внезапных нападений. Однако победили сторонники традиционного крупного сражения. И вновь французская армия, несмотря на численное превосходство, была разбита. Сражение, протекавшее сначала с переменным успехом, завершилось паническим бегством войск Карла VII. Надеясь укрыться за стенами города, многие пытались переплыть ров и утонули.

Англичане ликовали по поводу очередной крупной победы, как всегда казавшейся «решающей». В Англии распространилась молва о силь-

но преувеличенных потерях французов (якобы более 10 тыс. человек), говорили, что победа была послана англичанам самим Богом. Это подняло авторитет герцога Бедфорда, что позволило ему решительно потребовать у парламента новых средств на войну. Карл VII, по сообщению Монстреле, «впал в глубокую грусть» по поводу поражения. Казалось, вновь появилась возможность для перелома в войне и ее победоносного завершения. Однако именно в этот момент к постоянному фактору непреодоленного сопротивления английской власти во Франции добавились трудности внутривполитического и международного характера.

Фактическое отсутствие короля создало почву для обострения обстановки при английском дворе. Малолетний Генрих VI должен был стать объектом соперничества наиболее влиятельных лиц. Этому способствовало уже само завещание Генриха V, назначившего своего старшего брата Бедфорда «защитником» младенца-короля и регентом Франции, а второго брата — герцога Глостерского — регентом Англии. Рано или поздно между ними не могла не вспыхнуть борьба за власть. Первые ее симптомы проявились уже через год после смерти Генриха V — в 1423 г. Спустя еще год, вскоре после сражения при Вернейле, Бедфорду во Франции стало известно, что герцог Глостерский вступил в конфликт с главным английским союзником — Филиппом Бургундским. Глостер предъявил династические права на ряд бургундских владений в Нидерландах. Этот шаг таил смертельную опасность для английской власти во Франции и для судьбы войны.

Для него же это был удар, направленный против Бедфорда, положение которого после Вернейля определенно упрочилось. Бедфорд принял сторону герцога Бургундского. В ответ регент Англии Глостер начал в 1425 г. готовить гражданскую войну.

Бедфорду пришлось спешно отправиться в Англию и провести там почти полтора года (декабрь 1425 г. — март 1427 г.), улаживая распри при дворе и пытаясь отвести угрозу, нависшую над англо-бургундским союзом. И если в первом он хотя бы на время преуспел, то о проблеме отношений с Бургундией этого сказать было нельзя. Герцог Глостерский вступил в открытую борьбу с бургундским домом за владения в Геннегау. Это сделало распад англо-бургундского союза вопросом времени. Стремясь ослабить брата-соперника, Глостер наносил удар по английским позициям во Франции в целом. Как и представители французской правящей верхушки, крупнейшие феодалы Англии в своих политических распрях забывали об интересах королевства.

Благоприятной ситуацией не преминул воспользоваться Карл VII. В 1426 г. он добился значительного, хотя и временного успеха. Герцог Бретани принес ему оммаж и обещал воевать против англичан. В 1426—1427 гг. его войска приняли участие в военных действиях на стороне Карла VII. Однако к концу 1427 г. Бедфорду удалось, с помощью дипломатии и затратив немалые средства, восстановить развалившийся союз Англии с Бургундией и Бретанью¹²⁰.

Английские войска продолжили задуманное еще после Вернейля продвижение на юг, с тем

чтобы, перейдя Луару, вступить в пределы независимых французских земель. В ближайшие планы Англии входило завоевание Мена и Анжу. В отсутствие Бедфорда эту задачу пытался решить видный английский военачальник граф Солсбери. Он столкнулся с отчаянным сопротивлением гарнизонов крепостей и отрядов самообороны и не сумел добиться существенных результатов. Теперь, получив очередное подкрепление из Англии, Бедфорд намеревался предпринять решительный бросок на территорию Мена. Однако его план полностью провалился. Англичан почти одновременно постигли две неудачи. Около города Монтаржи (недалеко от Орлеана) французские войска нанесли им внезапное ошутимое поражение. А в Мене, куда вступила основная английская армия во главе с Бедфордом и талантливым полководцем лордом Тальботом, началось такое широкое и ожесточенное движение против завоевателей, какого еще не знала богатая событиями и героическими страницами история этой войны. Англичане беспощадно расправлялись с жителями городов и крепостей, не подчинявшимися их власти, но продвигались к Луаре очень медленно.

К весне 1428 г. им удалось подавить основные очаги сопротивления в Мене, но силы английской армии, несмотря на полученное подкрепление, были истощены. К тому же в английском тылу в Нормандии ширилось сопротивление английской оккупации. Освободительная война во Франции вступила в новую, последнюю фазу.

Во Франции зрело ощущение, что решается судьба самого существования страны. Это была

та духовная основа, на которой выросла и достигла огромного накала народно-освободительная война во Франции в 20-х гг. XV в. Этому способствовали серьезные традиции массового сопротивления захватчикам (достаточно вспомнить 60—70-е гг. XIV в.), выросшие за годы войны элементы национального самосознания и английская политика во Франции.

Именно на последнем этапе Столетней войны англичане начали осуществлять на завоеванных территориях политику террора и беспощадного подавления сопротивления английской власти. В действиях английской армии и администрации во Франции начиная с 20-х гг. XV в. проявились заметные отличия от традиционных «опустошений» Эдуарда III или Черного Принца. В процессе завоевания стала постоянной практикой жестокого наказания именно тех, кто не признавал законности власти английского короля. Создаваемый на захваченной территории административный аппарат (в отличие, например, от традиционной английской администрации на юго-западе Франции) постепенно приобретал все более явные карательные функции.

Основной причиной этого был изменившийся характер войны. В конце XIV в. основные цели сторон были еще достаточно тесно связаны с проблемой размежевания древних феодальных владений, с борьбой за земли, доходы и пр. Лишь в отдельные моменты наибольшего ожесточения борьба приобретала освободительный оттенок. В 20-х гг. XV в., когда англичане попытались добиться реального покорения Франции, основным содержанием войны стала борьба населения страны

за сохранение ее независимости, против превращения в часть объединенного англо-французского королевства. Правящая феодальная верхушка к этому времени глубоко скомпрометировала себя многочисленными компромиссами с захватчиками. К тому же пробудившееся и окрепшее за время долгой войны чувство патриотизма было чуждо французским рыцарям. Его основными носителями были горожане и крестьянство.

Главным центром народно-освободительной войны была Нормандия. В процессе ее завоевания именно простые люди, больше всех страдавшие от войны, оказали массовое сопротивление завоевателям. Ненависть к захватчикам усиливало поведение англичан в Нормандии, которую Генрих V объявил извечно принадлежавшей Англии. По сообщению хрониста Монстреле, завоеватели в своей жажде добычи обыскивали все, вплоть до колыбелей младенцев, и оставляли бедняков совсем нищими. Народное сопротивление в Нормандии не прекратилось и после ее подчинения английской власти. Там разгорелась настоящая партизанская война. Укрывшиеся в лесах отряды нарушали передвижение английских войск по дорогам, убивали представителей новой администрации и их сторонников.

Попытки англичан подавить это движение отнимали огромные средства и силы. Жестокость английской администрации приводила к новому подъему борьбы. Начав систематическое покорение Нормандии в 1417 г., англичане через десять лет так и не решили эту задачу до конца. В 1427 г. в Руане был раскрыт антианглийский заговор. Многие его участники были арестованы и

казнены. В 1428 г. в Нормандию для борьбы с сопротивлением прибыли из Англии специальные силы во главе с графом Уориком. По сообщению английского хрониста, этот «ответственный и предприимчивый муж обнаружил в нормандских городах и крепостях, обезглавил и повесил многих предателей и заговорщиков, восставших против англичан»¹²¹.

По мере продвижения английских войск и их союзников-бургундцев на восток и юг Франции ширилось и крепло массовое сопротивление в Пикардии, Шампани, Мене и Анжу. В этом движении гораздо более отчетливо, чем на первых этапах войны, проступали элементы национального самосознания. Так, в 1424 г. жители города Седана заявили, что они «не желают сделаться англичанами... и предпочитают умереть, чем подчиниться им»¹²². После падения Седана почти все его защитники были убиты, а город сожжен. Но карательные меры только обостряли антианглийские настроения, вызывая ответное ожесточение. Базен рассказывает о том, что англичан во Франции в эту эпоху многие вообще не считали людьми, говорили, что «они — дикие звери, жадные и жестокие, которые пожирают людей»¹²³. После взятия ряда крепостей в Шампани, Мене и Анжу в 1426—1427 гг. французы казнили всех сторонников англичан и бургундцев. Хронист Кузино подчеркивает, что французы могли согласиться отпустить за выкуп пленных англичан, но вешали своих соотечественников, перешедших на сторону врага.

Такого накала патриотических чувств, такого размаха антианглийской борьбы народа не было

на более ранних этапах войны. Этот массовый патриотический подъем во Франции предопределил появление народной героини — Жанны д'Арк. Феномен Девы возможно понять только в неразрывной связи со всей историей Столетней войны, сложной эволюцией ее характера, в контексте определенной исторической эпохи. Не следует забывать и об особенностях менталитета человека Средневековья: вмешательство Бога в жизнь людей рассматривалось им как естественное и реальное.

Жанна д'Арк родилась около 1412 г. в деревне Домреми на границе Шампани и Бургундии, в крестьянской семье. Хронист Кузино, лично встречавшийся с Жанной, пишет, что ее отец Жак и мать Изабо были «простые сельские жители, которые пасли скот»¹²⁴. Проявив незаурядную смелость и настойчивость, Жанна заставила капитана близлежащего замка Вокулер Бодрикура отправить ее в сопровождении нескольких человек к Карлу VII. При дворе Карла она сумела убедить окружающих, что Бог избрал ее для выполнения великой миссии освобождения Франции от завоевателей. После долгих колебаний и «проверок» подлинности утверждения Жанны Карл VII направил ее с подкреплением к стенам осажденного англичанами Орлеана.

Внутренняя логика этого начального этапа поразительной судьбы Жанны определялась предшествующей историей войны. Бесконечные поражения Франции в прошлом, затмившие недолгий период успехов 70—80-х гг. XIV в.; медленное, но упорное продвижение англичан в глубь ее территории в 1417—1428 гг.; крайнее опусто-

шение страны — все это создавало ощущение, что Бог покинул французов. Английская пропаганда еще со времени Эдуарда III активно насаждала и поддерживала эту мысль, очень важную для средневекового человека. Особенно преуспел в утверждении справедливости английских притязаний во Франции на последнем этапе войны Генрих V. Его вызывающе дерзкий рейд из Гарфлера на Кале проводился под лозунгом защиты Богом его миссии, его правоты. Блестящая победа при Азенкуре трактовалась как свидетельство божьего благоволения к Англии. Широко распространялись слухи, что во время сражения англичанам явился образ святого Георгия, возвещавший даруемую им Богом победу. В отношении французов утверждалось обратное — якобы имевшие место признаки предрешенности их поражений. Так, в битве при Креси, по сообщению английского хрониста Бертона, Божья воля проявилась в посланном французам дурном предзнаменовании: в разгар сражения на них налетела огромная стая ворон и обрушился дождь. Сразу после этого англичане начали теснить ряды французских рыцарей.

Общественное мнение Франции пыталось в ответ выработать свою версию отношения Бога к англо-французской войне. Показательно, что первая такая попытка была предпринята в тяжелейший для страны момент после поражения при Пуатье. Уже тогда она была связана с возвышением роли простого человека, которому якобы Бог попытался вручить судьбу Франции. Автор «Хроники первых четырех Валуа» пересказывает легенду о том, что некоему крестьянину из отда-

ленного уголка Шампани явился ангел и сообщил, что король Иоанн будет разбит, если вступит в сражение вблизи Пуатье. Избранный Богом крестьянин прошел пол-Франции, чтобы рассказать королю об этом видении. Однако Иоанн не послушался предостережения, принял бой, был разбит и пленен¹²⁵. Таким образом, за семьдесят с лишним лет до Жанны д'Арк родилась идея избрания Богом для спасения Франции человека из народа.

В сложной обстановке начала XV в. эта мысль буквально носилась в воздухе. После предательского договора в Труа народ возложил большую долю вины за унижение Франции на жену безумного Карла VI — королеву Изабеллу Баварскую. Именно ее воля водила рукой потерявшего рассудок короля при подписании договора. Изабелла в союзе с герцогом Бургундским добилась отрешения дофина Карла от наследственных прав и объявила его незаконнорожденным. В народе говорили, что Францию погубила порочная женщина. Со временем эту версию органично дополнила мысль, что спасет страну девственница — некая Дева.

Обращение Жанны д'Арк, считавшей себя призванной исполнить миссию страстно ожидаемой Девы, именно к Карлу VII было естественно. Он привлекал к себе симпатии в первую очередь тем, что занял позицию защиты интересов Франции, а не просто борьбы за власть. Кроме того, он не мог не вызывать сочувствия простых людей и как человек, от которого отвернулись мать и отец, которого оболгали и унизили ради интересов ненавистного английского короля. Назы-

вая Карла с первой встречи «милым дофином», Жанна д'Арк чутко передала и это сострадательное отношение к нему, и веру в законность его происхождения. Она хотела вдохнуть уверенность в человека, которому, по-видимому, недоставало в тот момент именно этого качества.

Жанна в первую очередь стремилась доказать, что Бог на стороне Франции. Она утверждала, что он желает, чтобы англичане покинули страну. В глазах средневекового человека это было вполне возможно и реально. Но требовалось чем-то подтвердить ее миссию. В качестве такого доказательства Жанна предложила с малым числом людей снять осаду Орлеана.

Орлеан — стратегически важная крепость на реке Луаре — был осажден англичанами в конце 1428 г. после подавления мощной волны сопротивления в Мене и Анжу. Его захват должен был открыть путь за Луару, к Буржу и Пуатье — основным опорным пунктам Карла VII. Постепенно в течение октября — декабря 1428 г. к городу были стянуты лучшие силы обеих сторон. Англичане сосредоточили у его стен осадные орудия, значительную артиллерию. Вокруг Орлеана происходили ожесточенные стычки, кровопролитные бои за отдельные небольшие крепости — бастиды, за каждое укрепление. Все население города принимало активное участие в обороне. Здесь, таким образом, подводился определенный итог изнурительной англо-французской борьбы 20-х гг. XV в., в течение которой англичанам удалось достичь перевеса, но никак не решительного успеха. В очередной раз они рассчитывали на окончательный поворот в войне. Это прекрасно

понимало правительство Карла VII. К Орлеану были направлены большие силы во главе с завоевавшим в последние годы популярность графом Дюнуа — внебрачным сыном герцога Орлеанского. Очень известны были и такие военачальники, как отважный Ла Гир, маршал Буссак и др.

Обстоятельства складывались для англичан не слишком благоприятно. В самом начале осады был убит английский главнокомандующий граф Солсбери. Сменивший его граф Саффолк пользовался гораздо меньшим авторитетом как военачальник. Ранней весной 1429 г. жители Орлеана предприняли дипломатический шаг, нанеся еще один удар пошатнувшемуся англо-бургундскому союзу. Они предложили сдать город герцогу Бургундскому (но не англичанам!). Бедфорд отказался принять такое условие, и разгневанный Филипп Бургундский увел свои войска из-под стен города, ослабив позиции осаждающих. Англичане увязли в затяжной осаде, срок которой перевалил за полгода.

Сюда и направилась для совершения своей миссии Жанна д'Арк с отрядом под руководством одного из полководцев Карла VII — герцога Алансонского. Народная молва опережала ее: «Многие говорили, что она послана Богом, чтобы помочь Карлу, дофину, сыну покойного французского короля Карла, отвоевать его королевство, которое было захвачено Генрихом, английским королем»¹²⁶. Жанна вооружила народно-освободительную войну религиозным лозунгом, верой в благоприятную для Франции божественную волю. В средневековом обществе это было могучее оружие. Толпы людей стекались к ней

по дороге и вступали в ее отряд. Жанна поддерживала в них веру в свое божественное предназначение. Об этом она написала по пути к Орлеану и англичанам, направив герольда со своим письмом к самому регенту Бедфорду. Текст и тон этого документа поражали непреклонной верой в победу Франции: Жанна требовала ключи от всех захваченных французских городов, так как англичане все равно неминуемо будут по «Божьей воле» изгнаны с французской земли.

В происходивших по пути стычках неизменно побеждали французы, даже если противник вдвое превосходил их численно. На глазах сотен людей начинало вершиться чудо, в которое они страстно верили и которое, по существу, началось давно. Разве не была своего рода чудом вся история борьбы расчлененной и преданной феодальной верхушкой Франции после подписания договора в Труа? Присутствие Жанны д'Арк воодушевляло французов, придавало им невиданные силы.

29 апреля 1429 г. войско Девы прибыло к Орлеану. Мысль о чуде и надежда на благоприятную для французов волю Бога владела защитниками города еще до появления Жанны. После неожиданной и нелепой гибели Солсбери, убитого не в сражении, а во время вялой перестрелки случайным снарядом, возник слух, что Бог таким образом указал англичанам на необходимость уйти из-под стен города. Вся накопившаяся вера в чудо обратилась на Жанну д'Арк. Ее постоянно растущее и невиданно воодушевленное войско освобождало одну за другой бастиды и укрепления вокруг Орлеана, вызывая все большую рас-

терянность англичан. 8 мая 1429 г. английская армия, терпевшая одно поражение за другим, сняла 209-дневную осаду Орлеана и отступила, понеся большие потери.

Вступление Жанны д'Арк во главе 6—7-тысячного войска в освобожденный Орлеан стало высшим триумфом Франции за все десятилетия войны. Оно вызвало невиданный подъем и огромное ликование самых широких слоев населения. Это было торжество освободительной борьбы, возглавленной на данном этапе самим народом и облаченной в соответствии с духом эпохи в религиозную оболочку.

Единственно возможным в тех условиях способом закрепления идеи возрождения Франции было усиление позиций Карла VII в противовес притязаниям английской короны. Жанна д'Арк, обладавшая удивительным политическим чутьем, понимала это. Сразу после освобождения Орлеана она начала горячо убеждать Карла отправиться в Реймс — традиционное место коронации многих поколений французских королей. Карл VII и его приближенные колебались — ведь предстояло идти через занятые англичанами территории.

Однако они оценили значение воздействия Жанны на перелом в событиях войны. Карл призывал всех своих подданных «присоединиться к принцу Алансонскому и Жанне Деве»¹²⁷. Несколько побед, одержанных французской армией под руководством Жанны в мае — июне при Жаржо, Божанси, Менге, и особенно значительный успех у Пате заставили Карла VII решиться принять план коронации в Реймсе. Этому спо-

собствовал растущий энтузиазм народа Франции. Они свято верили словам Девы о том, что предстоящая коронация — воля Бога, поручившего ей помочь законному королю Франции утвердиться в своих правах. В сознании населения страны Жанна д'Арк по-прежнему соединяла патриотическую и религиозную идеи. Этот идеологический и эмоциональный сплав становился мощным фактором в развитии военных действий.

Появились признаки деморализации английских солдат, уверовавших в неуязвимость Жанны. Это мешало им оказывать реальное сопротивление ее армии. Энтузиазм, с которым население французских городов относилось к Деве, приводил к тому, что города Шампани один за другим добровольно подчинялись Карлу VII. Лежавшие на пути к Реймсу Труа и Шалон, презрев права герцога Бургундского, раскрыли ворота перед французской армией. Ряд других городов прислал делегации с изъявлением покорности Карлу. Возникла реальная угроза полной потери англичанами Шампани.

17 июля 1429 г. состоялась коронация Карла VII в Реймском соборе. Стоявшая рядом с королем Жанна как бы воплощала провиденциальный характер происходящего, подчеркнув его после окончания церемонии следующими словами: «Милый король, вы исполнили волю Божию тем, что пришли в Реймс и короновались, показав, что вы — подлинный король, которому должно принадлежать королевство!»¹²⁸

Дальнейшая история войны стала, по существу, историей постепенной утраты англичанами французских владений и изгнания их из Фран-

ции. Правда, предстояла еще долгая и нелегкая борьба, но дело, за которое английская монархия боролась в течение нескольких десятилетий, было обречено. Окончательное превращение войны в освободительную предопределяло решение долгого англо-французского конфликта в пользу Франции.

После коронации Карла VII Жанна д'Арк еще почти год возглавляла освободительную борьбу и принимала активное участие в военных действиях. В течение осени 1429 — весны 1430 г. французские войска продолжали одерживать победы. Благодаря невиданной популярности Девы они подчас были бескровными. Эта популярность и растущий размах народной войны не могли не беспокоить короля и его окружение. Жанну определенно пытались отодвинуть от руководства событиями. Начали распространяться разговоры о том, что она больше не является носителем воли Бога, так как ее миссия состояла только в снятии осады Орлеана и коронации Карла VII. Ослаблению позиций Жанны д'Арк при дворе способствовала неудача предпринятого под ее руководством осенью 1429 г. штурма Парижа. Захватить столицу одним ударом не удалось, Жанна была ранена, французские войска отступили¹²⁹.

Эта серьезная неудача не означала, однако, поворота событий в пользу англичан. Народная война ширилась в Пикардии, Нормандии, Мене. Крестьяне все более активно приходили на помощь защитникам городов. Народ в первую очередь беспощадно карал предателей — тех, кто перешел на сторону англичан. Пример в этом

отношении подавала сама Жанна, не проявлявшая милосердия к сторонникам «бургундской партии».

Поняв, что после поражения под Парижем ее фактически отстранили от участия в войне, Жанна без разрешения короля отправилась в Иль-де-Франс, где продолжались военные действия. 23 мая 1430 г. Жанна д'Арк была захвачена в плен бургундцами во время вылазки из осажденного города Компьеня. Пленение этой подлинно народной героини вызвало огромную радость у противников Франции. Как отмечает бургундский хронист Монстреле, англичане «ни одного капитана или полководца не боялись так, как эту Деву»¹³⁰.

21 ноября 1430 г. герцог Бургундский передал свою пленницу англичанам за 10 тыс. ливров. Жанну заключили в тюрьму Старого замка в Руаном (главном городе Нормандии).

Широко известный церковный суд над Жанной д'Арк, организованный англичанами в Руане, ее осуждение и казнь не оказали влияния на развитие событий войны во Франции. Расчет англичан на подрыв освободительного движения путем дискредитации Девы не оправдался. Явление, имевшее глубокие исторические корни, не могло изменить своей природы даже от потери такого яркого и популярного лидера, каким была Жанна.

Вероятно, это допускал и английский регент Бедфорд. В 1429—1430 гг. он предпринял ряд шагов, направленных на преодоление наметившегося успеха Франции. Прежде всего он попытался поднять авторитет английской власти, противо-

поставив Карлу VII «законного» короля Генриха VI. После коронации Карла в Реймсе Бедфорд публично опроверг его права. Он писал, что «Карл Валуа, который называл себя дофином Вьеннским, теперь без причины назвался королем»¹³¹. В Англии было принято решение о немедленной коронации в Париже девятилетнего сына Генриха V — Генриха VI. Проведенная в 1431 г. в столице Франции торжественная процедура возведения на французский трон малолетнего Генриха была воспринята как серьезное политическое событие только англичанами и не имела заметного резонанса во Франции. Для французов фигура Генриха VI, несмотря на его родство с домом Валуа (внук Карла VI по матери), была воплощением английской власти, в то время как Карл VII (особенно благодаря Жанне д'Арк) символизировал независимую Францию.

Значительные усилия Бедфорда были также направлены на укрепление международных позиций Англии. Между ним и Карлом VII развернулась дипломатическая борьба вокруг англо-бургундского и франко-шотландского союзов. Стремясь ликвидировать трещину в союзе с герцогом Бургундским, Бедфорд сразу после неудачи англичан под Орлеаном пошел на большую уступку. Он назначил Филиппа Бургундского регентом Франции, сохранив за собой только управление Нормандией. Это привело к формальному восстановлению англо-бургундского союза. Однако Карл VII, ощутив наметившуюся еще в середине 20-х гг. слабость этого блока, продолжал предпринимать шаги, направленные на его разрушение. Он объявил, что «прощает» всех

сторонников бургундской партии и предлагает заключить мир с герцогом¹³². Карл активно демонстрировал свою крайнюю заинтересованность в этом соглашении: он публично отрекался от причастности к убийству отца Филиппа Жана Бесстрашного в 1419 г. Презрев собственное самолюбие, писал о своей тогдашней молодости и неопытности.

Поскольку у французов идея примирения короля с первым человеком государства встречала решительную поддержку, Филипп Бургундский не решился ответить определенным отказом. К тому же сказывались накопившиеся противоречия с англичанами. В полном соответствии с традициями своих предшественников, искавших в англо-французской войне лишь укрепления своей власти и независимости, герцог занял к 1430 г. неопределенную позицию. Это давало Карлу VII основания надеяться на скорый распад жизненно важного для Англии англо-бургундского союза.

Серьезнейшей угрозой для Англии в условиях изменившейся к худшему военной ситуации был традиционный франко-шотландский союз. Этот военно-политический блок, возникший на основе общей для Франции и Шотландии английской опасности, обнаружил удивительную прочность. За истекшие десятилетия англо-французской войны многое изменилось в расстановке политических сил на международной арене. Серьезная переориентация произошла в позициях Фландрии, многократно менялась политика независимой Бретани, резко снизилась международная активность государств Пиренейского полуострова и т. п. Союз

Франции и Шотландии оставался при этом достаточно стабильным. Он постоянно создавал для Англии угрозу (периодически реализовывавшуюся) войны на два фронта.

Перемена военного счастья во Франции заставила английскую корону в очередной раз попытаться избавиться от этой теперь особенно страшной опасности. О ее реальности говорил факт очередного юридического возобновления франко-шотландского союза в роковом для Англии 1428 г. Правительство Бедфорда в ответ попыталось немедленно добиться соглашения и прочного мира с Шотландией. В течение нескольких лет (1429—1435) англичане вели переговоры с шотландскими представителями и самим королем, стремясь расторгнуть предполагавшийся династический брак шотландской принцессы и дофина Франции. Однако нерешенность англо-шотландских пограничных вопросов сделала дипломатические усилия Англии бесполезными, и в 1436 г. шотландцы в очередной раз в трудный для англичан момент англо-французской войны нанесли удар на севере. Значительная шотландская армия во главе с самим королем осадила Роксбург.

Дипломатические неудачи Англии в 30-е гг. XV в. переплетались с военными. Достигшая высокого накала под руководством Жанны д'Арк освободительная война не ослабевала. По-прежнему активно участвовали в антианглийской борьбе горожане: городские отряды из освобожденных районов присоединялись к войскам Карла VII; жители находившихся под английской властью городов помогали французской армии

захватывать их; в ряде крупнейших центров Франции (Париж, Руан) были созданы антианглийские заговоры.

Возросла роль французского крестьянства в войне. Когда в 1430 г. из Англии прибыло подкрепление (1000 человек) и двинулось к Компьеню, на его пути встали крестьяне, захватившие собор в одном из близлежащих городков и попытавшиеся удержать его как крепость. Центром народной войны по-прежнему была Нормандия. В 1434—1436 гг. здесь разгорелась настоящая крестьянская война против завоевателей. Хронисты отмечают, что главной причиной восстания крестьян было опустошение Нормандии англичанами, произвол чиновников новой администрации, мародерство солдат. По сведениям Базена, в районах наибольшего размаха движения армия восставших насчитывала около 50 тыс. человек. Очевидец событий Базен подчеркивает, что по призыву набата поднялись крестьяне каждой деревни. Военное руководство в ряде районов взяли на себя присоединившиеся к восстанию рыцари¹³³.

Англичане подавили это движение с крайней жестокостью. В сражениях с восставшими английские рыцари не признавали плена, стремясь изрубить как можно больше людей. С помощью массовых казней, тюремного заключения, изгнания из Нормандии завоеватели стремились добиться покорности населения. В итоге к 1436 г. цветущий край был, как пишет Базен, превращен в пустыню.

Репрессии увеличивали и без того накопившуюся ненависть к завоевателям. Англичане все

менее уверенно чувствовали себя во Франции. Так, перед прибытием в Париж короля Генриха VI пришлось, по сообщению английского хрониста, прибегнуть к увещаниям и запугиванию «французов, которые были настроены против прибытия короля»¹³⁴.

Все более ненадежным становился союз с герцогом Бургундским, ощутившим перелом в развитии событий в пользу Франции: В 1433 г. Бедфорд предпринял последнюю попытку примириться с ним, предложив провести переговоры по поводу разногласий и возникшей «взаимной ненависти»¹³⁵. Но герцог в ответ повел себя вызывающе: прибыв для переговоров в Сен-Омер, он отказался прийти к Бедфорду, желая принудить английского регента униженно просить аудиенции. Переговоры сорвались. Крах англо-бургундского союза стал неизбежным.

В 1435 г. по инициативе папы в Аррасе состоялась международная конференция, в которой участвовали представители многих европейских дворов. Под флагом христианского миролюбия они пытались способствовать заключению мира между Англией и Францией. На этот раз Англия потерпела полное дипломатическое поражение. Причина его заключалась в стремлении англичан сохранить фундамент заложенного Эдуардом III и Генрихом V объединенного англо-французского королевства. Они отвергли предложения об отказе от прав на французский престол, не соглашались на освобождение Нормандии и принесение традиционного оммажа за французские юго-западные земли. В условиях начавшегося перелома в войне и укрепления централизации

во Франции такая позиция была обречена на провал.

Английская делегация (более 200 человек во главе с архиепископом Йоркским) демонстративно покинула Аррас, прикрывая этим жестом крупную дипломатическую неудачу. Главный удар был нанесен англичанам после отбытия их представителей. Герцог Филипп Бургундский подписал с Карлом VII договор, по которому признал его королем и перешел в войне на сторону Франции. Это давно назревавшее событие было ускорено серией поражений англичан в Понтье и Иль-де-Франсе, растущим недовольством населения политикой герцога в самой Бургундии и, наконец, смертью герцога Бедфорда (1435). Как отмечал Базен, теперь французы могли воевать только против англичан, и это серьезно увеличивало их силы.

Договор 1435 г. знаменовал важную победу сил централизации над сепаратизмом высшей знати — одним из решающих факторов военнополитических неудач Франции. Этот достигнутый с огромным трудом успех был необходимым условием теперь уже вполне реальной победы в бесконечной войне.

Это сознавали и англичане. Когда послы герцога Бургундского изложили английскому королю в мягкой и изысканной форме суть происшедшего в Аррасе, четырнадцатилетний Генрих VI «расплакался из-за измены герцога», в Лондоне вспыхнули резкие антибургундские настроения¹³⁶. Горожане распевали оскорбительные песенки о герцоге, затевали ссоры с его подданными. При дворе раздавались воинственные при-

звывы к немедленной войне против Филиппа Бургундского.

Однако возможности Англии для ведения победоносной войны во Франции становились все менее реальными. Прежние военные успехи требовали затрат, но приносили большие доходы. Неудачи последних лет делали войну все более разорительной. Парламент постоянно рассматривал вопрос о новом налогообложении, включая даже духовенство. И все же ценой большого напряжения сил англичане предприняли в 1436—1439 гг. еще одну отчаянную попытку добиться перелома в войне.

Пока шел сбор средств и подготовка войска для отправки во Францию, английский двор попытался, опираясь на давние проанглийские позиции городов Фландрии, восстановить их против герцога Бургундского. Генрих VI обратился к ним с письмами, в которых клеймил «измену» герцога условиям договора 1420 г. и призывал к выступлению на стороне Англии¹³⁷. Ответная индифферентность горожан доказала, насколько далеко зашла их экономическая и политическая переориентация. Была также сделана неудачная попытка заключить союз с германским императором.

Тем временем из Франции приходили страшные известия: по всей занятой англичанами территории вспыхивают антианглийские восстания, английские гарнизоны сдают города на северо-западном побережье. Французские войска, опираясь на поддержку горожан, захватили столицу Франции Париж. Войско Филиппа Бургундского при активном участии фландрских горожан оса-

дило Кале — английскую твердыню на севере Франции.

В этой почти катастрофической ситуации англичане прибегли к традиционной для начальных этапов войны тактике опустошений. Высадившись в 1436 г. в Кале английские войска во главе с герцогом Ричардом Йоркским совершили грабительский устрашающий рейд по Фландрии. Как пишет английский хронист Бенет, они «сожгли многие города и получили большую добычу».

Автор «Краткой английской хроники» выразился еще более определенно: англичане «опустошили всю Западную Фландрию»¹³⁸. Это военное предприятие увенчалось определенным успехом. Герцог Бургундский был вынужден снять осаду Кале и бросить силы на защиту Фландрии. За этим последовал ряд успехов английских войск: они отбили у французов несколько городов в Нормандии и Мене, захватили Понтуаз, закрепили свои позиции в Иль-де-Франсе, что позволило им совершать рейды до самых стен Парижа. Благодаря активности и решительности английского полководца Тальбота был предотвращен захват французской армией, опиравшейся на заговор горожан, столицы Нормандии Руана. К концу 1431 — началу 1437 г. англичане развернули войну во Франции с невиданным после 1420 г. размахом: их войска действовали одновременно во Фландрии и Гиени. В 1436—1438 гг. во Францию из Англии ежегодно направлялись подкрепления.

И все же в целом военные действия шли с переменным успехом; удачам английских войск противостояли успешные операции французов

(захват Суассона, укрепление позиций на северо-востоке Франции). К началу 1439 г. стало ясно, что огромные затраты средств и сил не принесли Англии решающего перелома в войне.

Затяжной характер, который приобрели военные действия, никак не устраивал англичан. Сложившаяся ситуация угрожала им истощением финансов, ростом недовольства в Англии, полной потерей популярности войны и ее сторонников при дворе и в парламенте. В разграбленной Франции стало невозможно прокормить английское войско. Все это говорило о грядущем неминуемом поражении.

Однако за долгие десятилетия англо-французского военно-политического конфликта война во Франции стала постоянным фактором внутренней и внешней политики Англии. Отказ от ее продолжения был крайне сложным шагом. Английским феодалам (а отчасти и горожанам) предстояло отказаться от больших реальных и прогнозируемых доходов, а королю — от давней мечты о создании объединенного англо-французского королевства.

Последней надеждой английского двора стали переговоры. Начиная с 1439 г. английская дипломатия на протяжении десятилетий почти непрерывно пыталась добиться за столом переговоров хотя бы части того, что было утрачено на полях сражений. Карл VII пошел на поиски соглашения под воздействием комплекса обстоятельств, не позволявших еще в тот момент добиться полного изгнания англичан из страны. Франция была истощена войной, в ряде районов свирепствовали голод и эпидемии, бесчинствова-

ли бригады, росло недовольство налогообложением. К этим факторам, ставшим уже привычными за десятилетия войны, присоединилась в конце 30-х гг. новая вспышка сепаратизма. На этот раз выступление против растущей власти короля возглавил его сын — семнадцатилетний дофин Людовик (будущий Людовик XI). Вместе с большой группой представителей высшей знати он начал выражать несогласие с политикой Карла VII, требовать замены отдельных должностных лиц, военачальников, права набирать войска без ведома короля и т. д. Над Францией вновь нависла угроза гражданской войны.

Характерной особенностью нового сепаратистского движения при французском дворе было то, что на этот раз главным лозунгом противников короля стало требование немедленного подписания англо-французского мира. По инициативе крупнейших феодалов Франции в январе 1439 г. в Кале начались переговоры, растянувшиеся на целых пять лет. Военные действия в это время продолжались, и Карл VII принимал в них все более активное личное участие, подчеркивая свое по крайней мере сдержанное отношение к идее соглашения с Англией. Причиной расхождения позиций короля и части высшей знати, очевидно, был серьезно возросший авторитет Карла VII. Стало понятно, что дальнейшие военные успехи и уже вполне реальная победа в войне с Англией сделают бывшего «буржского короля» сильным правителем, опирающимся на преданную ему армию и военачальников, имеющих широкую популярность у населения страны. За долгие годы правления безумного Карла VI

представители высшей знати Франции привыкли к идеальному в их глазах безвластному государю. Поэтому теперь они предпочитали не доводить до конца дело освобождения страны от англичан, чтобы не позволить Карлу VII укрепить с помощью полной победы позиции центральной власти.

С первых шагов переговоров за их кулисами угадывалась фигура герцога Бургундского, чье примирение с королем не могло быть прочным. Сначала он предпочитал держаться в тени и направлять дело с помощью своей жены герцогини Бургундской. Результатом ее деятельности стало выгодное для Бургундии и фландрских городов торговое соглашение между Англией и Фландрией (1439).

Желание придворных кругов Франции добиться англо-французского мира разбивалось о непомерные английские требования (Нормандия и Аквитания на правах суверенитета, оммаж английскому королю за Бретань и Фландрию, Кале и пр.). Тогда вынужденный проявить свою заинтересованность в успехе переговоров герцог Бургундский принял активное участие в освобождении из английского плена за выкуп ближайшего родственника французского королевского дома герцога Карла Орлеанского. Англичане связывали с этим надежду на заключение мирного договора при посредничестве столь влиятельной особы. Как писал английский хронист, знатного пленника освободили «на том условии, чтобы он попытался добиться согласия между английским и французским королевствами»¹³⁹. Однако участие герцога Орлеанского (1440) ничего не изме-

нило в ходе переговоров — английские требования не стали более умеренными, а позиция Карла VII осталась прежней.

В этих условиях герцог Бургундский и его приверженцы были вынуждены сбросить маску абстрактного миротворчества. Собравшись на совещание, они потребовали от Карла VII заключения мира с Англией. Ответ французского короля показывает, насколько отчетливо он понимал, что речь идет не столько об условиях мира, сколько о суверенитете королевской власти. Карл писал, что он «не допустит, чтобы англичане не приносили ему оммаж за владения во Франции и не находились бы в состоянии вассалитета, как другие его вассалы и подданные»¹⁴⁰. Итак, позиции короля и сепаратистски настроенной высшей знати окончательно размежевались. Интересы верхушки общества, как и прежде, были на руку противникам Франции и противоречили прогрессивному процессу централизации государства.

Позиции короля к 40-м гг. XV в. стали значительно более прочными, чем во время печально знаменитых столкновений бургундцев и арманьяков, и англичанам не удалось навязать Франции тяжелые условия мира даже при поддержке придворной группировки. К тому же несколько ощутимых военных поражений в 1441—1443 гг. сделали английских представителей более стоворчивыми. В результате 28 мая 1444 г. в Туре было подписано англо-французское перемирие на два года¹⁴¹.

Договор 1444 г. означал временное прекращение военных действий, никак не решая территориальных вопросов и проблемы английских прав

на корону Франции. Эти условия больше всего устраивали Карла VII, получившего передышку для дальнейшего укрепления своих позиций и подготовки такой армии, которая смогла бы наконец добиться полного изгнания англичан из страны.

Начиная с середины 30-х гг. Карл VII перестраивал и совершенствовал организацию армии во Франции. Его преобразования были частью широкой перестройки системы государственного управления, направленной на укрепление позиций центральной власти. Следуя примеру своего деда Карла V, Карл VII выдвигал на руководящие посты в армии талантливых военачальников, насаждал строгую дисциплину, безоговорочно требуя ее от тех отрядов, которые действовали от его имени. Учитывая печальный опыт военных неудач Франции, Карл VII увеличил численность лучников, поощрял развитие артиллерии. Именно в этой новой области Франция достигла к концу Столетней войны существенного превосходства, способствовавшего ее победам в последних сражениях за Нормандию и Гиень.

В 1439 г. Карл VII утвердил монопольное право короля объявлять набор войск и направлять их на военные действия. Это ярко демонстрировало органическое единство реорганизации армии и укрепления позиций центральной власти во Франции. Не случайно именно этот ордонанс послужил непосредственным поводом к упоминаемому сепаратистскому выступлению феодалов во главе с дофином Людовиком.

После заключения перемирия в 1444 г. Карл VII, вопреки обычной практике европейских монар-

хов, не распустил армию. Более десяти тысяч ополченцев должны были располагаться по гарнизонам городов. По существу, была создана постоянная армия. Этот важный шаг закреплялся в специальном ордонансе 1445 г.

Франция была готова к тому, чтобы нанести англичанам последний удар и изгнать их со своей территории. Однако заключенное в Туре перемирие неоднократно продлевалось, оставаясь в силе до 1449 г. Два фактора обусловили эту неоправданную для интересов Франции затяжку: продолжающееся противодействие французской высшей знати победоносному завершению войны с Англией и дипломатические усилия английской короны, направленные на мирное и приемлемое для Англии урегулирование спорных территориальных вопросов.

Придворные группировки французских феодалов в конце 30-х гг. XV в. прекратили свою непримиримую вражду. Представители бургундского и орлеанского домов объединились в оппозиции к королю. Их первое выступление под видом защиты интересов дофина Людовика в 1439—1440 гг. окончилось неудачей. Условия договора в Туре также не могли способствовать ослаблению центральной власти. Поэтому в середине 40-х гг. феодальная оппозиция предприняла новые шаги, чтобы помешать Карлу VII добиться окончательной победы в войне. Под сильным давлением придворного окружения французский король вмешался в борьбу между итальянскими государствами. Он оказал помощь Милану против Венеции, с тем чтобы Милан помог орлеанскому дому захватить власть в Генуе на

основе династических прав (1446—1447). Итальянская политика Франции шла вразрез с государственными интересами, отражая только личную заинтересованность знати. Она отвлекала силы от решения основной жизненно важной задачи завершения бесконечно долгой войны с Англией и освобождения французской территории. В военном отношении генуэзская экспедиция закончилась полным провалом.

Англия активно стремилась использовать мирную передышку, чтобы попытаться избежать военного разгрома и выйти из войны с честью. Основной ее ставкой теперь были переговоры, династические браки, интриги при французском дворе. Условиями перемирия в Туре была предусмотрена женитьба английского короля Генриха VI на племяннице Карла VII Маргарите Анжуйской. Англичане серьезно рассчитывали, что ее влияние на французского короля поможет сохранению мира на длительный срок. Письма королевы Маргариты Карлу VII действительно говорят о ее попытках способствовать продлению перемирия и завершению войны за столом переговоров¹⁴².

Однако королева-француженка не приобрела популярности в Англии. В атмосфере обостренного войной растущего национального чувства ее посредническая роль воспринималась общественным мнением как предательство, хотя на деле ее действия соответствовали английским интересам¹⁴³.

В 1445 г. в Англию прибыло французское посольство для переговоров об «окончательном мире». Опубликованный в собрании писем и бу-

маг Генриха VI дневник переговоров показывает дипломатические и психологические ухищрения, к которым прибегали англичане с целью добиться приемлемых условий мирного договора. Генрих VI заявил, что он любит французского короля больше всех в мире, не считая своей жены (но она — племянница Карла VII). Ближайший советник английского короля граф Саффолк произнес восторженную речь о Карле VII и сказал, что, если бы не обязательства перед своим государем, он мечтал бы служить только французскому королю. Английские представители говорили о стремлении прекратить кровопролитие, о том, что «войны никогда не были такими долгими» и поэтому необходимо заключить мир и т. п.

Весь этот словесный фейерверк прикрывал стремление английской короны сохранить за собой во Франции права на Нормандию и Гиень — основные территории, еще находившиеся под английской властью. Французские послы проводили политическую линию Карла VII, сформулированную им еще в конце 30-х гг. как невозможность существования во Франции каких-либо владений, не находящихся под сюзеренитетом короля. Переговоры зашли в тупик. Их единственным результатом стало продление перемирия.

Столь же безрезультатными были и последующие многочисленные встречи английских и французских представителей в 1446—1448 гг. К концу 1448 г. стало ясно, что для Карла VII переговоры были способом выиграть время перед решающими сражениями. Между тем английс-

кие войска во Франции не получали средств и подкреплений и находились под угрозой возобновления французами военных действий. Поэтому они были вынуждены постепенно сокращать размеры оккупированных территорий. В 1448 г. англичане оставили Мен. Под английской властью реально оставались Нормандия и юго-западные земли. Приближался последний акт драматической истории англо-французской войны.

В июле 1449 г. Карл VII воспользовался пограничными конфликтами в Нормандии и Бретани и, нарушив перемирие, направил войска на освобождение многострадальной Северной Франции. Кампания была тщательно подготовлена. Французы имели на этот раз полное военное преимущество. Их тридцатитысячная армия была наконец армией в подлинном смысле слова: дисциплинированная, хорошо экипированная, обеспеченная сильной артиллерией, строго подчиненная единому командованию короля.

Карл VII обеспечил себе традиционную поддержку Шотландии. Начиная с 1447 г. он вел активную переписку с королем Джеймсом II, постоянно подчеркивая мысль о незыблемости франко-шотландского союза. В этом контексте не случайным выглядит очередное нападение шотландцев на северную английскую границу в конце 1448 г., т. е. в преддверии возобновления войны во Франции. Англии в тяжелейший для нее момент был нанесен чувствительный удар, вынудивший англичан, как и прежде, отвлечь большие силы (по данным хроники, 30 тыс. человек).

Дипломатия Карла VII накануне возобновления войны добилась важного успеха. Герцог Бре-

тани, традиционно занимавший неопределенную позицию в англо-французском конфликте, признал себя вассалом французского короля и принес ему клятву верности. Карл VII заручился поддержкой всегда опасного герцога Бургундского, получив от него письменное одобрение своей кампании в Нормандии.

Наконец Карл VII позаботился о подготовке общественного мнения. Возобновление Францией войны в условиях неистекшего перемирия преподносилось как акт высшей справедливости, вызванный коварством англичан. Весной 1449 г. английскому наместнику в Нормандии графу Сомерсету был направлен подписанный французским королем документ о многочисленных фактах нарушения англичанами условий перемирия. В нем говорилось об убийствах, поджогах, разбое английских солдат на французской территории. При вручении письма Сомерсету представители Карла VII в высокопарных выражениях противопоставили поведение французского короля, признающего незыблемость законов и строго соблюдающего перемирие, поведению короля Англии, не придерживающегося этих благородных принципов¹⁴⁴.

Ответом на целенаправленное усиление и без того острых антианглийских настроений во Франции стала яркая вспышка патриотических чувств и новый подъем массового освободительного движения. Под этим знаком прошли последние годы Столетней войны, которая завершилась как бесспорно освободительная со стороны Франции. Высокий патриотический подъем 1449—1450 гг. ярко отразили французские хро-

ники и мемуары современников освобождения Нормандии — Блонделя и Берри (последний — участник событий). Хронист Базен писал, что «англичане — самые древние и страшные враги Французского королевства» и все население Нормандии решительно настроено против них¹⁴⁵. Блондель, еще в 1420 г. призывавший Карла VII изгнать англичан из Северной Франции, в воспоминаниях о событиях 1449—1450 гг. так выразил свое негодование: «О, неистовый англичанин! Зачем ты сеешь безумие?» В его мировоззрении слились воедино неприязнь к завоевателям и глубокая преданность французскому королю — законному правителю страны по воле Бога и рождению. Эта естественная для той эпохи форма зарождающегося национального самосознания проявляется у Блонделя в страстном одобрении возобновленной Карлом VII войны: «Существует ли деяние, более достойное величия короля, чем справедливая война?»¹⁴⁶

Нормандская кампания Карла VII была проведена для той эпохи стремительно: север Франции, исключая Кале, был освобожден за один год и шесть дней. Основой этого успеха было соединение действий армии с партизанской войной. Освободительное движение в Нормандии практически не прекращалось со времени оккупации в начале XV в. В 1449—1450 гг. оно впервые получило возможность опереться на наступательные действия армии и оказать ей неопределимую помощь.

По мере продвижения войск Карла VII по Нормандии к ним присоединялись отряды и отдельные лица, горевшие желанием участвовать в

освобождении Франции. Давно миновали времена, когда французские короли отвергали помощь городского ополчения и рассчитывали на рыцарские победы в запланированных и напоминающих турниры сражениях. В нормандской кампании 1449—1450 гг. французская армия активно использовала помощь партизанских отрядов и отдельных патриотов, выступавших в роли разведчиков и лазутчиков в английском тылу.

Как только в Нормандии весной 1449 г. распространились слухи о готовящемся французском наступлении, жители области начали партизанские действия, направленные на то, чтобы помочь Карлу VII овладеть столицей Нормандии Руаном. До подхода королевской армии были захвачены стратегически важные пункты — крепость Понт-дель-Арш и город Вернейль. В обоих случаях использовались чисто партизанские методы войны. В Понт-дель-Арше повозка некоего торговца сыграла роль троянского коня. Благодаря этой древней, как мир, хитрости, французский отряд захватил на рассвете мост и ворвался в крепость. В Вернейле ловкий и предприимчивый мельник по договоренности с французским отрядом ухитрился уговорить нескольких английских часовых покинуть свой пост, помог французам забросить на стену лестницы и проникнуть в город. В разгар развернувшегося штурма Вернейля он сумел спустить часть воды из рвов и оказать тем самым неоценимую помощь штурмующим.

Таким образом, еще до появления армии Карла VII в Нормандии англичанам был нанесен чувствительный и в военном и в моральном от-

ношении удар. Захвативший Вернейль отряд присоединился к французскому войску, двигавшемуся на Руан. После нескольких военных успехов французской армии английские гарнизоны стали сдаваться без боя. В течение августа пали Лизьё, Мант, Вернон и другие города, население которых с восторгом встречало Карла VII. Основные силы англичан во главе с Тальботом были вынуждены отступить до самого Руана.

В сентябре 1449 г. положение английских войск в Нормандии осложнилось вступлением в ее юго-западные районы отрядов герцога Бретани, решившегося наконец принять участие в войне. Опираясь на жителей города, французы захватили Алансон. В конце октября 1449 г. армия французского короля подошла к Руану.

В городе существовал антианглийский заговор, участники которого должны были обеспечить французской армии условия для сравнительно легкого захвата сильно укрепленной столицы Нормандии. Однако Тальботу удалось раскрыть организацию заговорщиков и начать репрессии. В ответ в городе вспыхнуло антианглийское восстание. По призыву набата горожане вооружились и построили баррикады. Город фактически оказался в их руках, и англичане, как пишет Базен, «поняли, что им остается только погибнуть». Английский гарнизон капитулировал. Сам главнокомандующий английскими войсками во Франции Тальбот был вынужден в качестве заложника наблюдать из окна башни триумфальное вступление в город французской армии во главе с Карлом VII. В ответ на просьбу английских военачальников разрешить им уйти

из города французский король заявил, что их капитуляция не была добровольной, так как горожане вынудили их сдать Руан. Карл подчеркнул, что город взят благодаря помощи его жителей. Большая роль массового освободительного движения в Нормандии получила официальное признание.

События в Руане продемонстрировали невозможность сохранения английской власти во Франции. Каждый следующий шаг французских войск отмечался успехом; в Нижней Нормандии все активнее действовал герцог Бургундский; даже на юго-западе Франции поднялись сторонники Карла VII во главе с графом Фуа и стали наносить англичанам чувствительные удары в районе Байонны.

Начиная с захвата французами Парижа (1436) практически все действия окрепшей и реорганизованной французской армии опирались на поддержку населения. Особенно отчетливо это проявилось во время освобождения Нормандии в 1449—1450 гг. Возвращение этой области после тридцатилетней английской оккупации было наиболее очевидным подтверждением освободительного со стороны Франции характера заключительного этапа войны. И, естественно, именно здесь максимально ярко проявилось объединение усилий королевской армии и освободительного движения. Кампания Карла VII, воспетая современниками как образец победоносной войны, не была бы такой без партизанских действий жителей области.

Социальный состав участников борьбы за освобождение Нормандии был широким: по мере

продвижения королевской армии ее пополняли не только городские ополчения, но и отряды отдельных феодалов. Возросшие за десятилетия борьбы элементы национального самосознания проникли в среду феодалов и сделали нередкими с их стороны проявления патриотизма, которые органично сливались с преданностью «законному», «французскому» монарху. Эту принципиально важную перемену в мировоззрении рыцарства ярко отразили повествования об освобождении Нормандии, написанные нормандским рыцарем Робером Блонделлем и герольдом Карла VII Жаком де Бувьером по прозвищу Берри. Эти произведения пронизаны нетипичным для рыцарей горячим патриотизмом и презрением к англичанам даже в тех случаях, когда речь идет об английских феодалах. Неожиданным для этих сочинений является также внимание Блонделя и Берри к участию в освобождении Нормандии простых людей.

Горожане и даже крестьяне показаны как помощники Карла VII и его армии.

В кампании 1449—1450 гг. освободительное движение получило еще большую, чем при Дюгеклене, возможность оказать реальную помощь наступательным действиям королевской армии. Крестьяне и горожане действовали как разведчики и лазутчики в английском тылу; ряд стратегически важных крепостей был захвачен чисто партизанскими методами (горожане по согласованию с королевскими военачальниками открывали ворота, опускали подъемные мосты, спускали воду из рвов и т. п.). Руан был сдан англичанам в результате антианглийского восстания. При

подготовке захвата города Карл VII направил своего ведущего полководца Дюнуа для организации совместных действий с горожанами. Вспыхнувшее в Руане антианглийское восстание носило массовый характер и отличалось организованностью. Горожане выступили по призыву набата, построили баррикады, «так что через них не мог пробраться ни конный, ни пеший». По сообщению участника освобождения Нормандии Берри, Карл VII публично заявил, что Руан был взят благодаря помощи жителей. Массовое освободительное движение во Франции в конце Столетней войны получило, таким образом, признание в сознании современников. Принципиально изменилась и позиция королевской власти — от полного непонимания и неприятия Иоанном II попыток горожан помочь ему в середине XIV в. на поле боя у Пуатье до продуманного использования Карлом VII всех форм партизанских действий населения Нормандии.

В обстановке полного военного и политического краха английские завоеватели не могли отказать от земель и доходов во Франции. По распоряжению Генриха VI в Англии судорожно собирали средства на войну. Предельное истощение казны вынудило короля прибегнуть к займам у частных лиц. Богатым купцам предписывалось снаряжать корабли для отправки во Францию на собственные деньги с условием возмещения расходов в неопределенном будущем. С великим трудом собирались средства для усиления охраны, обновления укреплений и перевооружения гарнизонов в Шербуре, Кане и других оставшихся под английской властью городах¹⁴⁷.

Ценой огромного напряжения сил была сформирована очередная армия для отправки во Францию. Весной 1450 г. около трех тысяч наспех набранных английских солдат высадились в Шербуре. Соединившись с остатками английских войск, они составили армию численностью 5—7 тыс. человек. 10 апреля 1450 г. это войско, не успев дойти до Кана, было вынуждено принять бои на побережье Шербурского полуострова — последнего обломка английских владений в Северной Франции. Сражение произошло около деревни Форминьи вблизи города Бьё. Здесь англичане потерпели первое сокрушительное поражение за всю историю Столетней войны.

Битва при Форминьи окончательно подтвердила решительную перемену, произошедшую в соотношении сил и уровне подготовки английской и французской армий. Англичане были наголову разбиты, несмотря на численное превосходство и использование своей традиционной оборонительной тактики. У французской армии к середине XV в. было все то, чего ей так трагически недоставало в начале войны: четкая организация, дисциплина, единое командование, прекрасное снаряжение.

По данным хроник (скорее всего, несколько преувеличенным), при Форминьи была фактически уничтожена английская армия. Те, кто уцелел, оказались в плену. Защищать Нормандию, по существу, было некому. В короткий срок пали Бьё, Кан, Фалез. Наконец 12 августа капитулировал Шербур. Нормандия после сорокалетнего господства англичан была возвращена Франции.

Сознавая огромное значение этого события, Карл VII приказал ежегодно отмечать 12 августа торжествами и благодарственными молебнами. В стране царил дух высокого патриотического подъема, уверенности в неизменно благоприятной для Франции воле Бога. После битвы при Форминьи общественное мнение окончательно утвердилось в том, что Бог желает изгнания англичан. Полное освобождение Нормандии подтверждало это. Берри писал: «Очевидно, что Божья милость была на стороне французского короля, так как никогда еще такая большая страна не была завоевана за столь короткое время, с такой малой потерей людей»¹⁴⁸.

На гребне этой волны и уверенности в победе Карл VII незамедлительно направил свою армию на юго-запад. Здесь французам предстояло решить более сложную задачу. Сохранившаяся часть некогда огромного герцогства Аквитанского находилась под английской властью почти триста лет. Сепаратистский настрой местных землевладельцев и горожан, а также продуманная политика английской короны обеспечили Англии в этой области довольно прочную поддержку. Поэтому здесь французской армии не приходилось рассчитывать на помощь массового освободительного движения. Однако и в юго-западных областях имели место антианглийские настроения, в основном среди крестьянства и части феодалов во главе с графом Фуа. Кроме того, французская армия безусловно превосходила в военном отношении разбросанные по гарнизонам городов и крепостей силы англичан. Все это предопределило победу Франции и в

Аквитании — традиционном оплоте английской власти.

Французские войска во главе с опытными полководцами Дюнуа и Клермоном осенью 1450 — весной 1451 г. постепенно вытеснили англичан из всех городов и крепостей. 30 июня 1451 г. был сдан Бордо, к августу освобожден весь юго-запад. Фактически Столетняя война была завершена, но этого не признавали современники. Даже историческая традиция считает датой окончания войны 19 октября 1453 г. Причина этого — сохранение английской власти в Кале и абсолютное неприятие Англией факта своего поражения.

Английский двор продолжал рассматривать военные неудачи во Франции как временное явление, вызванное субъективными причинами. В истощенной войне Англии ширилось недовольство политикой двора. Поползли слухи о предательстве интересов государства приближенными короля. Оппозиция воспользовалась этим для борьбы за власть. В январе 1450 г. при загадочных обстоятельствах был убит епископ Чичестерский Адам Моллинз. Перед смертью он «признался», что вместе с королевским фаворитом графом Саффолком «продал» Нормандию французам. Это позволило претендовавшему на власть герцогу Ричарду Йоркскому — давнему сопернику Ланкастеров — добиться смещения Саффолка, суда над ним и казни.

Военные неудачи Англии и ослабление позиций центральной власти приближали, таким образом, давно назревшую и отсроченную войной вспышку феодальных междоусобиц.

Летом 1450 г., в то время когда англичане сдавали свои последние крепости в Северной Франции, Англию потряс широкий взрыв социальных противоречий — восстание под руководством Джека Кэда. Это крайне опасное для правящей верхушки движение также было в некоторой степени связано с англо-французской войной, прежде всего с растущими налогами. После подавления восстания придворная оппозиция стала еще энергичнее использовать поражения во Франции как повод для борьбы против ближайшего окружения безвольного Генриха VI. Отозванный из Франции английский наместник герцог Сомерсет был обвинен в потере Нормандии и подготовке заговора против короля. Заточение Сомерсета в Тауэр окончательно выдвинуло на первые роли Ричарда Йоркского.

Таким образом, новая придворная группировка пришла к власти в Англии под лозунгом необходимости перелома в англо-французской войне. Эта идея все еще пользовалась популярностью среди феодалов, потерявших во Франции земли и доходы. Следовательно, оказавшаяся у власти бывшая оппозиция должна была продолжить политическую линию «партии войны» и попытаться вернуть французские владения. Такая попытка могла быть наиболее реальной на юго-западе Франции, тем более что сложившаяся там обстановка благоприятствовала Англии.

Ровно через год после возвращения бывшей Аквитании под власть французского короля, в августе 1452 г., в Лондон прибыла депутация из Бордо с предложением поддержать Англию в случае возобновления войны во французских юго-

западных землях. Причиной вспышки сепаратизма и антифранцузских настроений в Гиени было введение Карлом VII налогообложения, от которого он в период борьбы с англичанами обещал полностью освободить эту область. Английская придворная «партия войны», не желавшая признать, что война уже проиграна, увидела в предложении бордоской депутации шанс восстановить позиции во Франции.

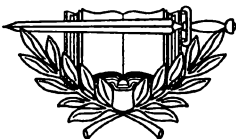
В Англии в очередной раз был проведен экстренный сбор средств на снаряжение армии. 17 октября английские войска во главе с Тальботом высадились вблизи Бордо. Англичане предприняли немедленный штурм города, поддержанный антифранцузскими силами внутри Бордо. Административный и экономический центр французского юго-запада возвратился под английскую власть. Затем англичане захватили еще ряд городов и крепостей в Гиени. Однако реальный перелом в англо-французской войне был невозможен. Временное восстановление английской власти на юго-западе Франции было в тот момент связано лишь с внутренней историей Англии — с борьбой Йорков за власть. В случае успеха они приобретали политический капитал как активные поборники продолжения войны. Поражение могло быть использовано для новых обвинений в адрес окружения короля.

Весной следующего, 1453 г. Карл VII лично возглавил армию, направленную на освобождение Гиени. 16 июля у города Шатильона английские войска под руководством Тальбота были наголову разбиты. Особенно заметную роль в этой битве сыграла первоклассная для своего

времени французская артиллерия. Сам Тальбот погиб в сражении. Остатки английских войск укрылись в Бордо и продержались до осени. 19 октября 1453 г. город сдался на милость победителя. Эта дата традиционно считается временем окончания Столетней войны.

Завершение беспрецедентно длительного англо-французского конфликта не было оформлено юридически. Английская монархия не желала признать свое полное поражение, а большой опыт переговоров в прошлом убедительно доказал невозможность компромиссного соглашения. В обстановке завершения централизации и создания предпосылок национального государства во Франции речь могла идти только о полном освобождении оккупированных французских земель. События заключительного этапа Столетней войны неоспоримо доказали это.

Ценой больших усилий Англии удалось еще на целое столетие удержать последний опорный пункт на континенте — порт Кале (присоединен к Франции в 1558 г.). Тем не менее исторически сложившийся комплекс англо-французских противоречий был разрешен в 50-х гг. XV в.

Глава V

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ (Вместо заключения)

События Столетней войны широко отражены в источниках. Не одно поколение людей прожило свою жизнь в обстановке непрекращающегося вооруженного конфликта между Англией и Францией. В их сознании факты истории англо-французской борьбы получили различное, но неизменно заметное отражение. Наиболее полно и непосредственно оно дошло до нас в трудах средневековых хронистов.

Хроники — интереснейший источник для изучения фактической истории международных отношений и англо-французской борьбы. Только с их помощью можно воссоздать относительно полную картину многоплановых и масштабных событий международной жизни. Степень достоверности и полноты этих важнейших источников зависит от многих факторов: времени жизни хрониста, его социальной принадлежности и занимаемого в обществе положения, его осведом-

ленности и политических убеждений, наконец, от личных вкусов и привязанностей. Первым показателем достоверности данных хроники служит время жизни автора. Естественно предположить, что наиболее полны и точны сведения о тех событиях, очевидцем которых был хронист. Это обстоятельство строго учитывалось автором настоящей книги. Были использованы около тридцати хроник, написанных в период со второй половины XII в. до середины XV в. в основном в Англии и во Франции; в меньшей степени привлекались также шотландские и испанские хроники. События начального этапа англо-французского соперничества освещены преимущественно в официальных хрониках, отражающих взгляды и позиции правящих кругов. Наиболее показательны в этом смысле, например, произведение аббата Бенедикта «Деяния короля Генриха II» или первая часть хроники Роджера Вендоверского «Цветы истории» (сам автор писал в первой половине XIII в., но начало хроники, посвященное Генриху II, скомпилировал из трудов своих предшественников)¹⁴⁹. Сочинения этих хронистов еще обнаруживают свою генетическую связь с анналистикой эпохи раннего Средневековья (большинство из них имело «всемирный» масштаб), но в них уже ощущается большой интерес к политическим событиям и пристрастность авторов при описании деятельности «своего» короля. При конфликтном характере отношений между английской и французской монархиями это уже на самом раннем этапе обуславливало некоторую предвзятость оценок и даже освещения событий.

Эта тенденция сделалась еще более заметной в хрониках XIII в., когда хронистика достигла высокого уровня как во Франции, так и в Англии. Знаменитая хроника монаха Сент-Олбанского монастыря Матвея Парижского в Англии или труд советника Людовика IX Жана Жуанвиля о деяниях французского короля окрашены отчетливым осознанием глубоких противоречий между Англией и Францией и стремлением авторов передать потомкам убежденность в правоте «своего» монарха¹⁵⁰. Посвященная преимущественно событиям второй половины XIII в., хроника одного из монастырей в Восточной Англии (т. е. созданная не в официальном королевском скриптории Сент-Олбанса) еще более пристрастна, чем труд Матвея Парижского¹⁵¹. В ней уже чувствуется не только одобрение деяний английского короля, но и острая неприязнь к тем странам и народам, с которыми он враждует (Франция, Шотландия). Далеки от беспристрастного описания и две испанские хроники XIII в., отразившие завоевательные экспедиции Франции на Пиренейский полуостров¹⁵². Хотя их авторы отдают дань рыцарским достоинствам французов, они не могут сочувствовать самому факту их завоеваний за Пиренеями. Процесс формирования народностей, расцвета самостоятельной государственности в большинстве западноевропейских стран привел к тому, что хронисты далеко отошли от беспристрастного описания событий, в особенности — международных.

Наивысшей степени предвзятость авторов английских и французских хроник достигла в эпоху Столетней войны. В условиях острого и бес-

конечно долгого военно-политического конфликта в трудах хронистов стали проявляться зачатки национального самосознания, связанные с завершением формирования народностей и появлением предпосылок для возникновения национальных государств. По мере обострения борьбы между Англией и Францией они становились все более яркими, углубляя предвзятость хронистов в передаче и освещении фактов. Так, аббат монастыря св. Марии в Йорке Томас Бертон, живший в конце XIV — начале XV в., попытался представить англо-французскую войну как исключительно оборонительную со стороны Англии. Его предшественники Уолсингем и анонимный монах того же монастыря в XIV в. были и сдержаннее и объективнее¹⁵³. Откровенно пристрастно излагали и оценивали события заключительных десятилетий войны французские хронисты, находившиеся под впечатлением высокого подъема освободительной борьбы во Франции¹⁵⁴. Сопоставление данных английских и французских хроник позволяет внести поправки на проявление такого рода субъективности, отбросив крайние преувеличения и откровенные искажения.

Важный отпечаток на качество содержащейся в хрониках информации налагают социальное происхождение и общественное положение авторов. Это сближает содержание официальной французской хроники монастыря Сен-Дени и труда Томаса Уолсингема, возглавлявшего скрипторий Сент-Олбанского аббатства в Англии. При всей своей пристрастности обнаруживают большое внутреннее сходство в оценках и подходе к характеру происходящих событий автор «Хро-

ники Англии» Джон Капгрейв и такие французские хронисты, как Тома Базен и Гийом Кузино или бургундский придворный хронист Ангерран Монстреле. Это люди одного круга, сходного общественного положения и единых, по существу, взглядов, хотя их оценки диаметрально противоположны вследствие их принадлежности к разным государствам. Капгрейв — видный церковный деятель и придворный, друг герцога Глостерского — брата английского короля Генриха V; Базен — епископ, известный политик; Кузино — секретарь, а затем канцлер французского короля Карла VII; Монстреле — приближенный герцога Филиппа Доброго. Все это сближает их позиции в основных вопросах внутренней и внешней политики, делает сходными их по существу¹⁵⁵.

Принципиально отличаются от них по своим взглядам анонимный автор «Хроники первых четырех Валуа» и хронист Жан де Венетт¹⁵⁶. Не имея данных о биографии первого из них, мы можем получить довольно полное представление о его личности. Она проявилась на страницах хроники. По всей видимости, он происходил из городского сословия и сохранил горячую симпатию к «добрым горожанам» Франции. Показательно, что в его сочинении патриотические чувства прозвучали гораздо раньше и отчетливее, чем в официальных придворных хрониках. Выходец из крестьян, Жан де Венетт горячо сочувствовал испытаниям, выпавшим на долю народа Франции в первые десятилетия Столетней войны. В силу этого именно он наиболее ярко отразил обострение социальных противоречий, вызванное военными поражениями и предательским

поведением правящей верхушки. По той же причине труд Жана де Венетта — один из наиболее полных и ценных источников по истории массового освободительного движения во Франции во второй половине XIV в.

При всей важности фактора социального происхождения хрониста он не всегда играет определяющую роль. Яркий пример этого — Жан Фруассар¹⁵⁷. Выходец из мелкого нидерландского бюргерства, он полностью оторвался от своих социальных корней. Придворная служба и страстная привязанность к куртуазной поэзии сделали Фруассара восторженным певцом рыцарских добродетелей и подвигов. История англо-французской войны представляла для него неоценимый материал. Фруассар одинаково пылко восхищался подвигами рыцарей любой страны. Это отнюдь не означает, что его хроники беспристрастно рисуют борьбу между Англией и Францией. Напротив, в их разных редакциях проступает сначала яркая проанглийская, а затем профранцузская окраска. Она, однако, не имеет ничего общего с ростками национального самосознания. Фруассар строго ориентировался на интересы своих покровителей и служил сначала при английском дворе, а затем во Франции.

При всех отмеченных слабостях труд Фруассара представляет большую ценность при изучении истории борьбы английской и французской монархий. Прежде всего его огромным достоинством является основательная источниковая база. Известно, что Фруассар активно собирал свидетельства очевидцев и даже документы в нескольких европейских странах. В силу любви к рыцар-

ству он придавал в своей хронике большое значение чисто военным вопросам: вооружению, тактике, численности войск и т. п. При изучении истории конфликтных отношений между Англией и Францией это представляется существенным. Заметим, что подобные данные почти полностью отсутствуют в трудах большинства хронистов — служителей церкви.

Возвращаясь к вопросу о влиянии социального происхождения авторов хроник на содержание их произведений, следует отметить «отступление от правила» в трудах еще двух известных французских хронистов XV в. — Робера Блонделя и Жака де Бувьера, по прозвищу Берри¹⁵⁸. Блондель — рыцарь из Нормандии, Берри — герольд Карла VII. Под впечатлением высокого накала массового освободительного движения во Франции оба автора описали историю освобождения Северной Франции в манере, нетипичной для рыцарей. Страницы их хроник пронизаны горячим патриотическим чувством и презрением к англичанам, не исключая и английских баронов, — например, главнокомандующего Тальбота. Еще большим отступлением от рыцарской идеологии является внимание Блонделя и Берри к простым людям Франции. Горожане и даже крестьяне показаны как помощники Карла VII и его армии в деле освобождения Нормандии. Все это превращает записки Блонделя и Берри в источники неоднородные: помимо богатого фактического материала, основанного у Берри на личном участии в Нормандской кампании, в них ценно свидетельство особой духовной атмосферы во Фран-

ции середины XV в. Они помогают воссоздать то, что называют «духом армии» — фактор, имеющий решающее значение в массовых освободительных движениях.

При всей ценности источников нарративного характера их данные недостаточно полны и надежны для воссоздания истории международных отношений. Они нуждаются в корректировке с помощью других материалов. Государственные акты заинтересованных стран, международные договоры, официальная переписка служат самым естественным источником относительно объективной информации. Договоры о мире, тексты соглашений о временных перемириях, инструкции послам, журналы переговоров, заключения по итогам третейских судов — таков основной видовой состав этой группы документов. Наиболее важны универсальные издания первой половины XVII в., такие, как собрание мирных договоров европейских государей, опубликованное Бернаром Жаком, или известное многотомное издание дипломатических документов английской короны Фомы Раймера¹⁵⁹. При всех недостатках археографического характера эти издания отличаются важным достоинством: состав документов в них позволяет исследователю максимально приблизиться к работе с архивным фондом, в котором не произведен тематический отбор под углом зрения той или иной конкретной темы. Среди современных документальных публикаций такой подход почти не встречается. В качестве исключения можно отметить издание дипломатических документов из Государственного архива в Лондоне¹⁶⁰.

Начиная с конца XIX в. среди изданий документов по истории международных отношений абсолютно преобладают тематические сборники и подборки документов, посвященные отдельным событиям или межгосударственным связям. Как правило, их отличает высокий уровень археографической работы: подробные комментарии, содержательные предисловия и т. п.¹⁶¹ В работе с этими весьма ценными источниками приходится постоянно иметь в виду возможную предвзятость издателей, вследствие которой самый отбор документов может повлиять на освещение событий. Например, английские публикации по истории англо-шотландских отношений или союза Шотландии и Франции желательно корректировать с помощью данных шотландских или французских изданий и т. д.

Важным дополнением к публикациям дипломатических документов являются издания официальной переписки королей¹⁶². Они позволяют проследить процесс подготовки того или иного международного соглашения или нарастания конфликтной ситуации, выявить направления поиска международной поддержки, прочесть то, что подчас оставалось за строками официальных договоров и соглашений. Кроме того, в переписке проступает личность короля, индивидуальные особенности которой налагали заметный отпечаток на развитие международных отношений.

Исследование существа отношений между государствами невозможно без пристального внимания к их внутреннему развитию. Автором книги широко использовались акты и распоряжения королей — французских, английских, шотландс-

ких, кастильских (последние представлены в приложениях к монографии Ж. Доме)¹⁶³. Эта группа документов позволяет проследить неразрывное единство внутренней и внешней политики государства, непосредственную связь централизаторских или универсалистских устремлений монархии с ее действиями на международной арене. Содержание королевских распоряжений дает представление о состоянии и эволюции государства, необходимое при изучении значительного исторического периода. Особое место в источниковой базе книги занимает издание приговоров Парижского парламента середины XIII — начала XIV в.¹⁶⁴ Поскольку издание включает все приговоры, вынесенные примерно за полстолетия, оно позволяет увидеть место англо-французского конфликта из-за английских континентальных владений в развитии противоречий между двумя монархиями. Содержание решений королевского суда (для английского короля он был в тот период сеньориальным судом) ярко отражает глубину противоречий между двумя странами в период, предшествовавший Столетней войне.

При исследовании одной из крупных проблем истории международных отношений интересно не только воссоздать объективную картину прошедших событий, но и представить ее отражение в сознании современников. Это не только любопытно, но и существенно важно для понимания истинного характера и масштаба изучаемых исторических явлений. Отчетливо осознавая неизбежность искажений объективной картины в субъективном восприятии очевидцев, автор стремился использовать сами эти искаже-

ния как важное свидетельство эпохи, как источник для более адекватной реконструкции событий прошлого. Такого рода материал содержат хроники, которые в той или иной мере всегда отражают личность хрониста и состояние общественного мнения. Кроме того, были использованы некоторые памятники художественной литературы, в которых нашло отзвук англо-французское соперничество: романы, стихи, баллады о крупнейших сражениях, подвигах рыцарей, победах Бертрана Дюгеклена и т. п.¹⁶⁵ Литературные произведения — это особый тип исторического источника, их использование требует большой осторожности и корректировки с помощью других документов. Вместе с тем они способны дать то, чего нет в документальных памятниках. В частности, при изучении данной темы литературные произведения позволяют понять степень значимости тех или иных событий, их влияние на внутреннюю жизнь стран, действовавших на международной арене.

Например, анонимная поэма «Жалобная песнь о битве при Пуатье» демонстрирует глубокое потрясение жителей Франции от поражения 1356 г. и первые симптомы зарождения народной войны. Широко распространенные в 20-х гг. XV в. насмешливые стихи и песенки об англичанах свидетельствуют о выросшей неприязни к завоевателям, которая стала питательной средой для развития народно-освободительного движения. Особенно чутко художественная литература отразила такой важный для истории международных отношений процесс, как зарождение национального самосознания.

Как у всякого заметного сюжета в истории прошлого, у темы Столетней войны есть своя историографическая судьба. Вполне естественно, что этот сюжет занимал и занимает преимущественно английских и французских историков. Ведь это — одна из ярких страниц истории Англии и Франции в эпоху, когда их судьбы были связаны гораздо более тесно, чем в наше время.

В отечественной исторической науке Столетняя война еще не была предметом специального исследования. Ей посвящены разделы в обобщающих исторических трудах и ряд статей по отдельным аспектам англо-французского конфликта.

Глубокая связь причин Столетней войны с экспансией складывающейся централизованной монархии была показана А. Д. Люблинской в соответствующем разделе трехтомной «Истории Франции». Автор подчеркнул, что столкновение англо-французских интересов во Фландрии было обусловлено экспансионистскими устремлениями Франции: «Это была экспансия: погоня за фьефами и деньгами — для сеньоров, овладение областью — для короля»¹⁶⁶. В этой работе также была указана огромная значимость гасконской проблемы. Следует особо отметить книгу В. И. Райцеса о Жанне д'Арк¹⁶⁷. В небольшой по объему работе автору удалось ярко и убедительно доказать связь между появлением Жанны д'Арк и общей атмосферой назревающего народно-освободительного движения во Франции, зарождением элементов национального самосознания. Исследователь первым в отечественной историографии сумел на основе источников провести

интересный анализ общественного сознания в один из переломных моментов средневековой истории Франции.

Начиная с конца 60-х гг. мною был опубликован ряд статей, посвященных гасконской проблеме и ее роли во взаимоотношениях Англии и Франции перед Столетней войной, а также истории англо-французского конфликта. В них были вскрыты глубокие экономические интересы английской короны в Гаскони, была также рассмотрена сложная политика Англии в континентальных владениях, направленная на расширение социальной опоры ее власти. Исследования показали, что к началу XIV в. англичанам удалось упрочить свои позиции в герцогстве Аквитанском, создав серьезное препятствие на пути централизации Франции. Это явилось одной из важных причин вооруженного конфликта. Кроме того, было выдвинуто положение о том, что Гасконь являлась для английской монархии одним из объектов феодально-экспансионистской политики.

В 80—90-х гг. вышли в свет написанные мною работы, в которых был отражен более широкий взгляд на Столетнюю войну как на завершающий этап длительного противостояния Английского и Французского королевств на международной арене. Работы, посвященные франко-шотландскому союзу, роли стран Пиренейского полуострова, взаимоотношениям с Германской империей и правителями Нидерландов, были направлены на то, чтобы показать осевую роль англо-французского противостояния, на полюсах которой концентрировались западноевропейские государства, продвигавшиеся к формирова-

нию национальных монархий¹⁶⁸. Особое внимание мною было уделено антропологическим аспектам Столетней войны, практически отсутствовавшим в отечественной медиевистике, так, например, было предложено новое прочтение роли личности короля и его взаимоотношений с народом в условиях острого военно-политического конфликта¹⁶⁹.

Постановка подобных вопросов стала естественной в контексте перемен, которые переживала постсоветская историческая наука. Свидетельством этих перемен в сюжетах, близких к теме англо-французского противостояния был, например, выход в свет русского перевода книги Р. Перну и М.-В. Клэн «Жанна д'Арк» с моими предисловием и комментариями¹⁷⁰. В этой монографии Жанна д'Арк предстала не в виде традиционной для советской историографии народной героини (эта грань ее биографии давно признана и очевидна).

Книга Перну и Клэн полностью основана на архивных материалах, — по существу, жизнеописание личности и попытка максимально глубокого проникновения в ее внутренний мир от момента рождения героини до ее трагической гибели. Написанное мною обширное предисловие имело целью соединить это антропологическое полотно с реалиями крупных событий англо-французской военно-политической борьбы.

В 1990 г. мною была опубликована статья «Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе»¹⁷¹, где была предпринята попытка осмыслить отражение Столетней войны в ментальности средневекового общества, для которого вой-

на была практически повседневным естественным явлением, а мир — недостижимым, хотя и желанным идеалом. Это также перекликалось с историографическими переменами 90-х гг.¹⁷²

История англо-французских отношений до середины XIII в. более активно разрабатывается в английской историографии, где она рассматривается преимущественно в контексте так называемой «Анжуйской империи» (значительного комплекса подвластных английской короне в XII—XIII в. континентальных владений, которые в совокупности с Англией английский король Генрих II пытался превратить в единую империю, расположенную на Британских островах и континенте)¹⁷³. Большинство французских исследований посвящено преимущественно первой половине XIII в. — времени, когда французская монархия успешно боролась за возвращение из-под английской власти владений на континенте¹⁷⁴.

В отличие от проблем Столетней войны, по которым можно говорить о сложившейся историографии, о разности английских и французских концепций¹⁷⁵, история англо-французских отношений в XII—XIII вв. не разработана как специальная тема. Этот сюжет возникает с той или иной степенью полноты в трудах английских и французских историков по более широким вопросам, — например, по истории Европы, Англии и Франции соответствующего периода, в работах, посвященных деятельности отдельных представителей правящих династий и т. п. Наиболее близко подходят к изучению непосредственно англо-французских противоречий те английские медиэвисты, которые в течение последних десятилетий начали уделять за-

метное внимание английским владениям на континенте. В совокупности с самой Англией этот комплекс земель получил в историографии условное название «Анжуйской империи». Современные английские историки (например, М. Клэнчи и Д. Джиллингхэм) увлеченно рассуждают и спорят об этой «империи», созданной графами Анжуйскими. Клэнчи считает «Анжуйскую империю» всего-навсего комплексом семейных владений Генриха II Плантагенета, «гипотетическим» политическим образованием, не существовавшим реально¹⁷⁶. Подлинный расцвет Англии начался, по мнению автора, лишь после того, как ее правители отодвинули континентальную политику на второй план (конец правления Генриха III). Многое здесь представляется неточным — и прежде всего мысль о том, что континентальная политика перестала сильно занимать Плантагенетов еще в XIII в. Но важен и симптоматичен факт интереса автора к этому сюжету, совсем не занимавшему английских историков в прошлом.

В отличие от Клэнчи, Д. Джиллингхэм рассматривает «Анжуйскую империю» как абсолютно реальное и относительно прочное государственное образование, которое во второй половине XII в. играло ведущую роль в Западной Европе¹⁷⁷. Распад «империи» этот автор объясняет случайными, по его мнению, обстоятельствами — в первую очередь политическими ошибками английского короля Иоанна Безземельного¹⁷⁸. Окажись в начале XIII в. на троне Англии более дальновидный правитель, судьба «империи» (а значит, и Английского королевства) была бы совсем иной.

При наличии существенной разницы в оценке степени «реальности» так называемой «Анжуйской империи» оба автора близки в основном: они размышляют над возможностью более «блестящего» прошлого средневековой Англии, подчеркивают присущую ей давнюю тенденцию к созданию крупного государственного образования, не ограниченного пределами Британских островов. Это свойство современной английской историографии особенно отчетливо отразила популярная статья Р. Бенжамена «Анжуйская империя». Автор определенно пересказывает утвердившийся в Англии за последние десятилетия взгляд на случайно упущенную возможность развития средневекового Английского королевства по пути укрепления крупного государственного образования на континенте и островах, превращения его в мощную империю за счет ослабления Капетингов. «Если бы Иоанн победил, — пишет Бенжамен, — «Анжуйская империя» перешла бы к его сыну, и картина развития европейской истории выглядела бы совсем иначе»¹⁷⁹.

Английской историографии XIX — начала XX в. подобные идеи были чужды¹⁸⁰. Введение в научный оборот самого термина «Анжуйская империя» и рост внимания к ее судьбе трудно не связать с послевоенной судьбой Англии, с распадом Британской империи и наметившимися националистическими тенденциями в историографии второй половины XX в. Названные явления ощущаются даже в тех работах, которые не отличаются «крайностями» идей Клэнчи или Джиллингэма. Так, автор основательной монографии о Франции X—XIV вв. Э. Галлам решительно от-

вергает правомерность использования самого понятия «Анжуйская империя», которое было неведомо современникам Генриха II или Ричарда I¹⁸¹. Но и этот труд, отличающийся многими достоинствами, не избавлен от предвзятости при освещении прошлого в отношениях Англии и Франции. Поднявшись над укрепившейся в английской историографии тенденцией к акцентированию прошлого «величия» английской монархии, Галлам все же в конечном счете смыкается с поборниками концепции случайно ускользнувшего шанса сохранить огромные континентальные владения. Судьбу наследства Генриха II решило, по мнению автора, то, что Филипп II Август был «лучшим, чем Иоанн, воином и политиком»¹⁸². Печатью национального пристрастия Галлам отмечены ее многие оценки: в долгой истории соперничества с Францией английская монархия неизменно выглядит «обиженной», более справедливой и т. п.

Проявление некоторых национальных пристрастий при изучении такой острой темы психологически вполне объяснимо. Нельзя не отметить, что авторские оценки развития противоречий между двумя ведущими западноевропейскими монархиями чаще всего сводятся к формулировке «если бы...» (не погиб Ричард I в 1189 г., Иоанн Безземельный был умнее, Филипп II Август глупее и т. п.). При таком подходе из поля зрения исследователей практически выпадает анализ внутренней структуры межгосударственных отношений.

Отмеченные свойства присущи и некоторым американским работам, непосредственно отно-

сящимся к ранней истории отношений между английской и французской монархиями¹⁸³. Авторы занимают вопросы о степени прочности объединения Английского королевства и Нормандии до возникновения «Анжуйской империи» и о том, кого же можно считать создателем «империи» (последних представителей Нормандской династии в Англии или первого Плантагенета?). Опираясь на широкий круг источников XI—XII вв., исследователи приходят к заключению, что в прошлом Западной Европы существовала не только мало известная «Анжуйская империя», но и «Англо-нормандское королевство». Срок жизни последнего — около ста лет: от нормандского завоевания Англии до начала правления Генриха II. В некоторых исследованиях справедливо подчеркивается, что XI—XII вв. были временем, когда в западноевропейском регионе еще не сложились границы между государствами, а разногласия отдельных крупных феодальных правителей способствовали перераспределению территорий и изменению вассальных уз и политических контактов. Тяготение к самостоятельному развитию толкало нормандских баронов к Англии в противовес притязаниям Капетингов. Авторы убедительно показывают, что англо-французское соперничество началось еще до того, как обе монархии сформировались в сильные европейские государства. И в этом они совершенно правы. Что же касается утверждений о том, что «Англо-нормандское королевство» было большей реальностью, чем «Анжуйская империя», и что если бы Генрих II не создал ее в середине XII в., объединение Англии и герцог-

ства Нормандского продолжало бы развиваться и крепнуть¹⁸⁴, то выглядит это несколько умозрительным и недоказанным. Тем более что аргументация авторов по этим вопросам имеет исключительно юридический характер.

В целом отмеченное внимание английских и отчасти американских медиевистов к проблеме «Англо-нормандского королевства» и «Анжуйской империи» представляется вполне оправданным. При всей условности этих терминов оно приоткрыло весьма существенную страницу в прошлом англо-французских отношений, показало глубину и генетические истоки широко известного открытого противостояния двух монархий в более позднее время. Но эти исследования отличаются и существенными слабостями. Прежде всего их авторы не акцентируют внимания на том, что раскрытые ими интереснейшие эпизоды в истории отношений между Англией и Францией могут быть по-настоящему поняты и оценены лишь в контексте всей истории англо-французского соперничества в период становления централизованного государства в обеих странах.

Французские исследователи практически не уделяют внимания проблеме так называемой «Анжуйской империи», предпочитая начинать историю англо-французских отношений со времени Филиппа II Августа, которому путем сложнейших политических ухищрений и успешных войн удалось нанести серьезный удар по огромному королевству Генриха II Плантагенета. Большое внимание уделяется личности Филиппа II, действительно яркой и значительной¹⁸⁵. Безусловная заслуга таких исследователей, как Ж. Лев-

рон и Ж. Бордонов, состоит в том, что они показали большое влияние Филиппа II на судьбу отношений Франции с английской монархией во времена Плантагенетов. Богатый фактический материал, привлеченный авторами, отчетливо показывает действенность политических усилий Филиппа II в борьбе против сыновей Генриха II. Особенно важной представляется нам выраженная скорее в ощущениях, чем в словах, мысль современных французских медиевистов о внутренней связи столкновений между двумя монархиями в XII—XIII вв. и в период Столетней войны. Так, Леврон пишет, что борьба Филиппа II Августа с Ричардом I Львиное Сердце была «долгим эпизодом первой Столетней войны»¹⁸⁶. Условно-образное выражение «первая Столетняя война» обладает серьезным внутренним содержанием, объективно подчеркивая органическое единство англо-французской борьбы на протяжении XII—XV вв.

Идея «первой» и «второй» Столетней войны прозвучала и в более поздней работе Ж. Сивери «Святой Людовик и его век»¹⁸⁷. Эта фундаментальная монография содержит богатейший фактический материал по истории правления одного из крупных политических деятелей средневековой Франции. Автор, претендующий на создание «взвешенной» картины царствования Людовика IX, полемизирует с представителями знаменитой французской историографической школы «Анналов», которые, по его мнению, преувеличивают историческую роль «тенденций большой длительности» и упускают из вида «историю людей». В то же время Сивери стремится отойти от

сложившейся в предшествующей французской историографии традиции создания панегирической литературы о Людовике IX¹⁸⁸. И все же он также не совсем избежал некоторого преувеличения значимости личности короля и его политической деятельности. В его изложении Людовик IX — «арбитр Европы», заключавший исключительно «великие договоры»¹⁸⁹.

Как правило, биографическая литература отличается большой предвзятостью и преувеличением заслуг «своих» королей. Так, названный выше Ж. Бордонов настолько стремится превознести положительные черты Филиппа II Августа, что приносит в жертву этой цели личность английского короля Ричарда Львиное Сердце: чтобы оттенить огромные достоинства Филиппа II, автор противопоставляет их недостаткам Ричарда (негосударственный человек, жесток и легкомыслен и т. д.)¹⁹⁰.

В зарубежной историографии мало работ обобщающего характера, в которых история англо-французских отношений XII—XIII вв. освещалась бы широко, а тем более — на фоне международной жизни Западной Европы. Но все же они встречаются и заслуживают специального внимания. Хотелось бы отметить «Историю средневековой Европы» М. Кина и монографию Ж. Сивери, посвященную анализу средиземноморского и атлантического направлений во внешней политике Франции¹⁹¹. Последняя работа охватывает широкий период XIII—XV вв., выводя наш историографический анализ на «вторую» Столетнюю войну. В работах Кина и Сивери привлекает стремление авторов поставить круп-

ные проблемы истории международных отношений в средневековой Европе, найти стержневые тенденции их развития. Кин предлагает широкий взгляд на международную жизнь региона в период XI—XV вв. под углом зрения борьбы за идею «христианского единства». Сама по себе эта концепция расценивается автором довольно сочувственно. И это, вероятно, следует связать с современными идеями европейского сообщества, европоцентризма и т. п. Вместе с тем исследователь справедливо отметил, что лидеры движения за «христианское единство» в средневековой Западной Европе — папство и империя — не были способны выполнить такую задачу. Прежде всего этому мешало их собственное соперничество, а кроме того, они неизбежно должны были утратить лидирующую роль в международной жизни, потому что не были центрами национальными¹⁹². Это глубокое замечание свидетельствует о стремлении дойти в анализе международных отношений до самого существа, выделить в качестве определяющих действительно значительные факторы, вытекающие из природы средневекового общества.

Закономерно, что именно при таком подходе Кин предлагает содержательно значимую периодизацию в истории международных отношений: эпоха экспансии (XI—XIII вв.) и эпоха войн (XIV—XV вв.). С наступлением второй, по мысли автора, разрушается то относительное «христианское единство», которое пробивало себе дорогу со времени крестовых походов¹⁹³.

Монография Ж. Сивери о «средиземноморских миражах» и «атлантических реалиях» в по-

литике Франции вышла в свет раньше его уже упоминавшейся книги о Людовике IX. В оценке личности этого правителя принципиальных расхождений между двумя работами нет. Но, в отличие от монографии 1983 г., где автор уделил основное внимание Людовику IX и его внутренней политике, в более ранней работе есть концепция развития международной политики Франции. Сивери считает, что начиная с XIII в. в ней боролись две тенденции: стремление к преобладанию на северо-западе Европы и тенденция к укреплению французского влияния в Средиземноморском бассейне¹⁹⁴. Окончательным переходом от «средиземноморских миражей» к «атлантической реальности» стала Столетняя война.

В целом по итогам историографической разработки истории англо-французских отношений в период Высокого Средневековья следует отметить отсутствие пристального специального внимания к этой теме. Она затрагивается, как правило, в связи с другими сюжетами. Совсем иначе обстоит дело с историей противоречий между двумя монархиями в XIV—XV вв. Разразившийся в это время крупнейший военно-политический конфликт получил широкое отражение в зарубежной исторической науке.

Столетняя война — объект давнего и пристального внимания в английской и французской историографии. Некоторые связанные с ней сюжеты затрагиваются в работах американских авторов. В центре внимания исследователей с давнего времени находятся такие вопросы, как истоки войны, ее характер и последствия. Огромная литература посвящена Жанне д'Арк. Сле-

дует, однако, сразу же заметить, что в исследованиях о Столетней войне, по нашему мнению, недостает понимания того, что это событие было заключительным актом долгого и глубокого политического противостояния двух ведущих западноевропейских монархий.

Для того чтобы представить эволюцию зарубежной историографии по данному вопросу и направление ее развития в последние десятилетия, следует вспомнить наиболее значительных предшественников современных исследователей Столетней войны. В довольно значительной ретроспективе — с начала XX столетия до 50-х гг. — во Франции это М. Депрэ, А. Ковиль, П. Камбьер и Э. Перруа, в Англии — Т. Таут, Д. Маккиннон, М. Постан, А. Стил. Следует также отметить имеющие существенное значение для исследования Столетней войны работы бельгийского историка А. Пиренна¹⁹⁵.

Названные авторы в основном рассматривали историю Столетней войны в духе традиционных либеральных историко-правового и историко-экономического направлений. В их работах выявились наиболее важные проблемы, связанные с изучением англо-французских противоречий и военных столкновений XIV—XV вв. Основное внимание уделялось истокам войны — ее историческим корням и конкретным причинам. В определенной мере был поставлен вопрос о характере Столетней войны, ее непосредственных и отдаленных исторических последствиях. Для представителей историко-правового направления особенно привлекательным был вопрос о причинах войны. Он требовал изучения действи-

тельно интересных и сложных перипетий дипломатических и юридических столкновений между Англией и Францией до начала военных действий и позволял рассмотреть ряд специфических особенностей феодального права в Западной Европе XIV в.

Монография Э. Перруа «Столетняя война» (1945)¹⁹⁶ ознаменовала завершение определенного этапа в изучении истории Столетней войны. Для него была характерна постановка основных проблем, преимущественное внимание к исследованию причин войны, которые рассматривались на основе характерного для позитивистской методологии плюрализма. Интерес к истории англо-французского конфликта преобладал во французской историографии. Лишь французские историки сделали в эти годы Столетнюю войну и отдельные связанные с ней проблемы предметом специального исследования. Между французскими и английскими историками первой половины прошлого столетия не было заметных разногласий в трактовке данного сюжета. Постепенно оформился своего рода традиционный взгляд по всем основным вопросам, нашедший наиболее полное отражение в работах Перруа.

Столетняя война расценивалась как серьезный межгосударственный конфликт. Юридический подход к пониманию вопроса определил при анализе причин войны преимущественный интерес к гасконской проблеме, которая рассматривалась как чисто правовая. Большое внимание уделялось личным качествам королей и психологическим мотивам их поведения. Для отдельных английских историков была характерна опреде-

ленная идеализация английских королей как выдающихся политических деятелей и полководцев (например, Эдуард III в трактовке Таута). Фландрии среди прочих причин войны, как правило, отводилось второстепенное место. Династический вопрос рассматривался в основном как повод к войне.

Проблема изменения характера войны была поставлена серьезно и интересно только в работах Перруа. В основном же война рассматривалась как довольно статичный крупный международный конфликт с преимущественно юридической подоплекой. Был принят взгляд о серьезных последствиях Столетней войны для обоих государств, особенно тяжелых для Франции.

В 50-е гг. Столетняя война мало фигурировала в историографии. Историки, казалось, утратили интерес к этому сюжету, где имелись прочно утвердившиеся традиционные взгляды по основным проблемам. Однако в нескольких статьях наметились новые тенденции в оценке Столетней войны. В работе французского историка П. Шаплэ, в целом выдержанной в рамках принятой концепции, присутствовала одна достаточно новая тенденция: попытка доказать непричастность французской короны к развязыванию войны¹⁹⁷.

Практически одновременно была опубликована статья английского автора Д. Темплемэна, который предложил принципиально новый взгляд на причины и характер Столетней войны. Темплемэн пришел к выводу о том, что Депрэ, Перруа и некоторые историки XIX в. вольно или невольно исказили личную роль английского короля Эдуарда III в развязывании войны. Темпле-

мэн стремился «реабилитировать» Эдуарда и представить его в роли жертвы происков Франции в Гаскони. Деятельность английского короля, по мысли автора, была направлена на то, чтобы оградить Англию от французского вмешательства в Шотландии и бывшей Аквитании¹⁹⁸. Война в таком освещении неожиданно приобрела оборонительный со стороны Англии характер. И хотя Темплемэн не развивал открыто такой мысли, это было сделано со временем в других работах английских историков.

В 1953 г. вышла в свет проблемно-обобщающая статья известного французского историка Ф. Вольфа, специально посвященная анализу причин и исторического значения Столетней войны. Этот автор одним из первых попытался рассмотреть Столетнюю войну как явление, связанное с определенной стадией развития западноевропейского феодализма. Статья Вольфа определила многие исследования последующих десятилетий. В поисках «общей причины» Столетней войны Вольф рассмотрел в комплексе два основных узла англо-французских противоречий — аквитанский и фландрский. Подчеркнув сочетание в них политических и экономических интересов, исследователь связал эти противоречия с проблемой централизации Франции. Такой комплексный подход был серьезным позитивным достижением французской историографии, хотя ряд положений работы Вольфа можно оспорить. Поиски «общей причины» войны привели его к преувеличению государственно-правового аспекта. Излишне второстепенной оказалась в освещении Вольфа роль Шотландии.

Статья Вольфа, как и работы Шаплэ и Темплемэна, знаменовала собой появление в 50-х гг. качественно новых тенденций в исследовании Столетней войны. Однако если Шаплэ и Темплемэн были склонны усилить значение субъективных личностных мотивов в истории войны, то Вольф, напротив, стремился вывести ее изучение на уровень кардинальных проблем истории Западной Европы. Не называя своих оппонентов, Вольф, по существу, оспаривал точку зрения ряда английских авторов, резко преувеличивавших роль личности и значение нравственных критериев в истории англо-французской войны. «Это смешно, — писал он, — на расстоянии шести веков судить с моральных позиций об «ответственности» двух королей за конфликт». Династический вопрос в истории борьбы между Англией и Францией Вольф считал только «предлогом»¹⁹⁹.

Дальнейшее развитие английской и французской историографии по проблемам Столетней войны показало, что обе наметившиеся тенденции в ее трактовке получили заметное, но не равноценное распространение.

В монографии английской исследовательницы М. Мак-Кизак «Четырнадцатый век» было впервые сказано, что противоречивые события Столетней войны порождают много серьезных дискуссионных проблем²⁰⁰. С этого времени дискуссия и пересмотр прежних концепций стали характерной чертой английской историографии по данному вопросу. Новой была также оценка роли Шотландии: в работе Мак-Кизак позиция Шотландии выглядит, пожалуй, основной причиной войны. В трактовке характера Столетней

войны Мак-Кизак неоднократно отмечала угрозу французского вторжения в Англию и фактически подводила читателя к мысли об оборонительном характере войны со стороны Англии (во всяком случае, в XIV в.)²⁰¹.

Основательная ревизия традиционных концепций по истории Столетней войны с позиций, близких к тому подходу к историческому процессу, который характерен для так называемого критического направления, началась в английской историографии с трудов Дж. Ле Патуреля²⁰². Автор прямо ссылаясь на Темплемэна как на своего предшественника, однако в выводах шел гораздо дальше. Главной причиной Столетней войны Ле Патурель считает претензии английского короля на трон Франции, которые он рассматривает как совершенно справедливые. Автор даже подчеркивает, что их отстаивание было долгом английского короля. Исходя из такого понимания причин войны, Ле Патурель, естественно, должен был соответствующим образом пересмотреть и ее характер. В его работах предложены два довольно противоречивых решения этой проблемы. С одной стороны, Ле Патурель рассматривает войну не как межгосударственное столкновение, а как взрыв внутренних противоречий во Франции: «Это было восстание наиболее крупных французских баронов против королевской централизации, возглавленное их самым крупным представителем, имевшим огромные ресурсы вне королевства — а именно герцогом Аквитанским»²⁰³. Это заключение не является принципиально новым. Здесь есть определенная доля истины, так как гасконская про-

блема была почвой для проявления сепаратизма, носителем которого в данном случае выступал английский король. Другое дело, что к этому нельзя свести все содержание англо-французского конфликта.

Более радикально опровергает прежние представления другая идея Ле Патуреля. Начиная с середины 60-х гг., он стремится доказать, что к началу войны вообще не существовали ни Англия, ни Франция. Эти государства возникли позже, не ранее середины XIV в. До этого реально существовавшими политическими объединениями были владения королевских домов Плантагенетов и Капетингов. При этом автор настойчиво подчеркивает, что Англия не являлась главной среди земель Плантагенетов, а представители этого дома были более тесно связаны с Францией. Высказав такую гипотезу, Ле Патурель обратился к основательному изучению истории владений Плантагенетов на континенте, рассмотрел истоки владений анжуйского дома начиная с X в., собрал обширный фактический материал по истории скандинавских, а затем нормандских завоеваний во Франции. Однако концептуальная сторона его исследования несовершенна. Не учитывая уровня экономического и социально-политического развития отдельных народов в период раннего Средневековья, автор представляет нормандское завоевание в духе колониализма нового времени²⁰⁴. Для доказательства наличия «колониализации» рассматриваются только правовые нормы, утверждавшиеся завоевателями.

Ле Патурель стремится доказать, что лишь долгое заблуждение историков привело к появ-

лению самого понятия о войне между Англией и Францией в XIV в. и тем более к представлению, что Франция была объектом разграбления. В свете положения автора об отсутствии таких политических реальностей, как Франция и Англия к началу войны, все это должно выглядеть бессмысленным. Напротив, Англия в свое время явилась объектом завоевания и колонизации. Имея в виду события XI в., Ле Патурель пишет, что тогда Англия была завоеванной страной, колонизированной французами²⁰⁵. В таком случае борьба за восстановление владений анжуйского дома в XIV в. теряет международный характер и выглядит делом «домашним», столкновением ветвей королевского дома.

Концепция Ле Патуреля наиболее полно отражает переоценку представлений о Столетней войне, начатую в английской историографии в конце 50-х гг. Кроме того, она, по-видимому, оказала непосредственное влияние на некоторых других современных английских историков.

В 60—70-е гг. Столетняя война стала объектом пристального внимания в английской историографии, в то время как интерес к этой теме со стороны французских историков несколько снизился. Основные положения Ле Патуреля получили наиболее заметное отражение в работах видных медиевистов Д. Хэя и К. Фаулера. Не принимая крайностей взглядов Ле Патуреля, они пытаются совместить в понимании проблем Столетней войны основные положения традиционной концепции со значительными элементами оригинальных построений Ле Патуреля. Так, Хэй сохраняет общий плюралистический подход к

анализу войны, не игнорируя материальные мотивы, но и не расценивая их в качестве принципиально важных. Среди причин войны он отмечает роль Фландрии. Автор упоминает, что война во Франции была одним из средств получения дополнительных доходов для рыцарства. Однако главной причиной столкновения он считает гасконскую проблему, трактуя ее в традиционном юридическом плане: отсутствие в XIV в. соответствующих норм международного права сделало вопрос о Гаскони причиной военного конфликта²⁰⁶. Хэй определенно стремится уменьшить значение Столетней войны в истории Англии и Франции. В этом позиция Хэя безусловно смыкается с концепцией Ле Патуреля, считающего, что войну между Англией и Францией «создала» историческая традиция.

В зарубежной историографии второй половины XX в. наиболее крупным специалистом по истории Столетней войны признан К. Фаулер. Он посвятил этому сюжету первую после Э. Перруа специальную монографию²⁰⁷. Монография Фаулера богата фактическим материалом, образно и ярко написана. В книге представлены разные стороны жизни английского и французского общества периода войны, большое внимание уделено вопросам культуры. Фаулер упоминает, что среди разногласий, вызвавших военный конфликт, имели место и экономические вопросы. К их числу он справедливо относит заинтересованность Англии в гасконских доходах. Не была забыта и Фландрия, являвшаяся объектом столкновения именно экономических, в первую очередь торговых интересов сторон. Правда, упоминание о ней у Фауле-

ра еще более беглое, чем о гасконских доходах. Основное внимание автора отдано юридической запутанности положения английских королей в Гаскони и династическим проблемам. Взгляд на династический вопрос как основную причину войны, предложенный еще в 50-е гг. Темплемэном и получивший затем развитие в работах Ле Патуреля, у Фаулера фигурирует как общепринятый и очевидный. В таком подходе есть определенное рациональное зерно: сосредоточив внимание на давности и глубине династических разногласий между Плантагенетами и Капетингами, английские исследователи объективно приблизились к пониманию единства англо-французских противоречий в течение XII—XV вв.

Получило развитие в работах Фаулера и стремление расценить характер войны как оборонительный для Англии. Автор пишет о возможности использования для вторжения в Англию крестоносного флота, которым командовал Филипп VI, о гипотетическом плане высадки французской армии в Южной Англии²⁰⁸. Стремление найти «несправедливо обиженного» в конфликте двух активно развивавшихся государств снижает ценность научного исследования. Еще Ф. Вольф называл «смешными» попытки подходить к событиям Столетней войны с современными нравственными критериями.

Так же как и Ле Патурель, Фаулер утверждает мысль о несоответствии некоторых устоявшихся общих представлений реальной действительности прошлого. Так, он предлагает полностью переоценить степень отрицательного воздействия войны на развитие Франции, высказывая пред-

положение о сознательном преувеличении современниками и историками разорения страны, на территории которой в течение более ста лет периодически велись военные действия. Положительные же изменения в жизни Франции, порожденные войной, по его мнению, бесспорны: перемещение населения из деревни в город, ломка провинциальных барьеров, создание регулярной армии, усиление роли Генеральных штатов и даже «политическая гармония»²⁰⁹.

В английской историографии 70-х гг. утверждение оборонительного характера Столетней войны для Англии стало общим местом. Так, в монографии М. Вейля «Английская Гасконь», где гасконский вопрос расценивается как основной среди причин войны, эта область на юго-западе Франции названа «передовой линией защиты от вторжения». Война же в целом рассматривается в первую очередь как борьба Англии за обеспечение своей безопасности; попытки утвердиться во Фландрии и Бретани имели, по мнению автора, цель создания защитного барьера вдоль побережья²¹⁰.

В английских работах конца 70-х — начала 80-х гг. особенно прочно укрепилась тенденция к рассмотрению характера войны и задач Англии на континенте в самом благоприятном для нее свете. Весьма характерны в этом отношении труды А. Гудмэна, Ч. Аллманда и Д. Сьюарда.

Гудмэн впервые прямо сказал о том, что власть Генриха V во Франции была вполне законной, а договор в Труа — благом для Франции. Английское правление в Нормандии имело прежде всего созидательные прогрессивные цели (от-

мечено «упрощение» торговли с Англией, открытие университета в Кане и т. п.). И только ошибки ланкастерского правления, преждевременная кончина регента Бедфорда и другие подобного рода субъективные факторы помешали реальному созданию объединенного англо-французского королевства²¹¹. При таком подходе особенно сложным становится вообще мало разрабатываемый в английских исследованиях вопрос об освободительном движении во Франции в период Столетней войны. Однако даже его Гудмэн представил под углом зрения позитивной оценки английской власти на французских землях. Причиной антианглийских выступлений он считает не недовольство оккупацией, а то, что англичане не всегда были в силах реально защитить мирных жителей от разбойников и мародеров²¹².

Те же установки лежат в основе монографии Ч. Аллманда об английской власти в Нормандии²¹³. По-видимому, отвечая на французские исследования этой проблемы (о них будет сказано ниже), автор стремится подчеркнуть несходство между средневековой «оккупацией» и этим же явлением в новое и новейшее время, оттеняет позитивные стороны английской власти в Северной Франции. При всей справедливости требования определенных коррективов при изучении явления применительно к Средневековью это построение носит искусственный характер. Английская власть в XV в. воспринималась населением как иноземная и враждебная²¹⁴.

Д. Сьюард в большей степени придерживается традиционных взглядов на историю Столетней войны. В отличие от многих других авторов,

он не отрицает ее межгосударственный характер, не поддерживает тенденции к принижению ее исторического значения. Вместе с тем работа Сьюарда свидетельствует об утверждении в английской историографии по проблемам Столетней войны ряда положений, прямо вытекающих из имевшей место в 50—60-х гг. ревизии традиционных взглядов: стремление усилить оборонительный аспект войны для Англии; уменьшение роли материальных факторов в англо-французских противоречиях; общие ярко выраженные проанглийские позиции²¹⁵.

Автор даже утверждает, что в 80-е гг. XIV в. война носила характер агрессии со стороны Франции: «Тогда французы гораздо более, чем англичане, были агрессорами в Гиени и на море, а Англия со страхом ждала вторжения»²¹⁶. Правда, стремясь быть объективным, Сьюард отмечает тяготы войны для Франции, большую выгоду для англичан в период их военных успехов.

Особое место среди современных зарубежных исследований по истории Столетней войны занимает большая биографическая литература. В английской историографии 60—70-х гг. наибольший интерес в этом жанре представляют работы Р. Возна о герцогах Бургундских, монографии Ч. Чибберта и Р. Ярмэн, посвященные Генриху V (к ним примыкает книга американского автора М. Лэйбедж), биография Карла VII М. Вейля.

Эти работы представляют несомненный интерес прежде всего благодаря богатому фактическому материалу, прекрасному знанию авторами эпохи, тонким психологическим наблюдениям. Столетняя война не является их основным

сюжетом, однако новые веяния в ее освещении отразились в этой литературе²¹⁷.

В интересных биографиях двух знаменитых политических деятелей времен Столетней войны герцогов Бургундских Филиппа Смелого и Жана Бесстрашного известный английский историк кембриджской школы Возн исходит из мысли об оборонительном характере войны со стороны Англии. Английским работам о Генрихе V присущ восторженный тон и беспредельное восхваление личности короля. «Если бы у французов был только один такой великий лидер, как Генрих, они могли бы разгромить английскую армию фактически при любом удобном случае», — пишет Ярмэн²¹⁸. Не менее пышное восхваление Генриху V дано в книге Чибберта. Он к тому же стремится на расстоянии пяти с половиной веков «оправдать» некоторые наиболее непривлекательные действия английского короля.

Написанная английским историком Вейлем биография Карла VII лишена откровенной предвзятости. Автор стремится быть объективным в оценке тягот войны для Франции, в отношении к Жанне д'Арк. Однако сам по себе выбор фигуры Карла VII в сочетании с характерной для историков XX в. склонностью к психоанализу приводит автора к подробному рассмотрению «странностей» и слабостей французского короля. Гораздо меньшее место отведено его военным успехам 40—50-х гг. XV в. и немалой роли в укреплении Французского государства.

Эти националистические нотки органично сливаются в современной английской историографии с тенденцией к «реабилитации» Англии в

Столетней войне и принижению уровня политического развития Франции. Говоря о событиях 1415 г., Чибберт замечает, что Франция тогда «едва ли была страной вообще» и «французский народ не жаждал в целом сопротивляться английским войскам»²¹⁹. В итоге достаточно естественной и реальной выглядит идея создания объединенного англо-французского королевства. Так, Ярмэн излагает ее с определенной симпатией — как проявление высокой религиозности Генриха V, мечтавшего о создании огромной империи — оплота христианства на Западе. Только преждевременная кончина помешала, по мысли автора, воплощению этого грандиозного замысла»²²⁰.

Однако не все английские медиэвисты восприняли новую трактовку Столетней войны, несущую отпечаток националистических тенденций. Известный английский историк К. Мак-Ферлейн писал о том, что война принесла значительные экономические выгоды отдельным представителям английской знати²²¹. По существу, вне влияния новых критических концепций осталась трактовка Столетней войны в книге Д. Холмса, посвященной широкому кругу вопросов развития европейских государств в XIV—XV вв. Проблемы Столетней войны в этой работе при всей лаконичности изложения освещены серьезно и полностью в духе прежнего либерального направления. Династические притязания английских королей автор расценивает как навязчивую политическую идею, сходную с традиционными претензиями «Священной Римской империи германской нации» на Италию²²².

Во французской историографии 60-х гг. состояние разработки проблем Столетней войны

было иным, чем в английской. До конца 60-х гг. здесь практически исчезли исследования, специально посвященные этому событию. По-видимому, установился взгляд о достаточной изученности войны в международном и военно-политическом аспектах. В ряде французских исследований проявилась новая тенденция к рассмотрению сюжетов, связанных со Столетней войной, в плане не внешнеполитической, а внутренней истории Франции. Этот подход наметился еще в 40-х гг. Однако если в тот период внимание исследователей было отдано экономическим вопросам, то во второй половине XX в. историю войны стали связывать в основном с проблемой развития феодального государства. Именно система «война — государство — армия» является предметом изучения в интересных работах Р. Казелля, Р. С. Тимбаля, Ф. Контамина²²³. Проблемы истории Столетней войны затронуты в этих работах мало. Французские историки как бы не принимали вызова, брошенного английскими исследователями англо-французского конфликта.

Однако в конце 60-х гг. во французской историографии активизировалось изучение истории освободительного движения во Франции в XV в. Этот сюжет неразрывно связан с проблемой характера Столетней войны. В работах известной французской исследовательницы Р. Перну, в монографии Р. Жуэ события первой половины XV в. освещены с позиций более патриотических и демократических, чем в либеральной историографии первой половины XX в.²²⁴ Авторы опровергают, по существу, все тезисы, выдвинутые английскими историками в ходе пересмотра тра-

диционной концепции истории Столетней войны. В работах Перну и Жуэ показан реакционный характер договора 1420 г. в Труа, полностью отвергнута идея объединенной монархии как блага для Франции.

Особенно большое внимание эти авторы уделили истокам, движущим силам и характеру антианглийской борьбы во Франции XV в. Они показали, что англичане установили в захваченных областях жестокий оккупационный режим, породивший широкие антианглийские настроения. Это вызвало массовое сопротивление, отражавшее зарождение элементов национального самосознания и направленное на сохранение Франции как самостоятельного государства. Была также выявлена демократическая основа социальной базы сопротивления.

При освещении этого круга вопросов большое место отводилось роли Жанны д'Арк. Литература, посвященная ее личности и жизни, практически необъятна и требует специального анализа. В данном контексте важно лишь отметить, что проблема роли французской героини в истории второй половины Столетней войны и ее связи с широким освободительным движением в стране, естественно, оказалась в числе дискуссионных в связи с попытками английской историографии пересмотреть характер войны. Многие английские исследователи отошли от традиционной либеральной концепции и в этом вопросе. Они отказывались признать значительную роль Жанны д'Арк в освобождении Франции, отрывали ее деятельность от массового антианглийского движения в стране. В оценке К. Фаулера и

Д. Ле Патуреля эта «маленькая патриотка» помещала воплощению прекрасного замысла объединения Англии и Франции; в работах А. Гудмэна и Д. Сьюарда она предстала как загадочная в психологическом отношении личность и отчаянная «дофинистка» (т. е. сторонница дофина Карла), но не патриотка и народная героиня.

Ослабление внимания французских историков к международным аспектам Столетней войны и ее истокам привело к тому, что к началу 70-х гг. выработанная в предшествующих трудах концепция по проблеме причин войны начала терять отчетливость, размываться и исчезать за массой фактического материала. Яркий образец такого подхода — многотомные издания по общей истории Франции Ж. Дюби и А. Кастелло и А. Деко. Авторы не затрагивают каких-либо сложных явлений, связанных с историей англо-французских отношений и Столетней войной. Их внимание сосредоточено исключительно на конкретных событиях, немалое место отведено также вопросам культуры, искусства и т. п. В работе Дюби история Столетней войны даже не выделена структурно и фигурирует лишь как одно из событий в цепи последовательно воссоздаваемой картины прошлого Франции²²⁵.

Первым симптомом возрождения специального интереса французских историков к Столетней войне стало появление книги Л. Мирепуа в серии «Мемориал столетий». Сам по себе выбор составителями Столетней войны в качестве наиболее выдающегося события XIV в. во всемирной истории свидетельствует, что французские историки не приняли тенденции английской ис-

ториографии к принижению исторической значимости англо-французской войны. Однако некоторое влияние ревизии взглядов на Столетнюю войну сказалось на позициях Мирепуа: преувеличение роли династического вопроса и других личностных мотивов; стремление рассматривать англо-французский конфликт прежде всего как «семейную ссору» и исторический курьез и даже осторожно высказанная мысль о некоторой пользе войны для Франции. Несколько приниженной выглядит у Мирепуа роль Жанны д'Арк в истории войны. Ее главную заслугу автор видит в беспредельной преданности Карлу VII, который якобы платил ей тем же²²⁶.

К концу 70-х — началу 80-х гг. Столетняя война вновь заняла видное место во французской историографии²²⁷. В работах Ж.-М. Сойе, Ж. Фавье, Ж. Бордонова и Э. Бурассена, по существу, полностью восстановлена и углублена традиционная классическая концепция по проблемам причин и характера войны, подчеркиваются ее серьезное международное значение и тяжелые последствия для Франции. Эти авторы более решительно, чем историки первой половины XX столетия, отвергают самую идею англо-французской «двуединой монархии» XV в. Они говорят лишь о расчленении Франции и оккупации части ее территории²²⁸. Огромное внимание в их работах уделено вопросам разграбления французских земель англичанами и освободительному движению XV в. Продолжая ранее сложившиеся традиции французской историографии в исследовании последнего вопроса, они показывают широкую демократическую основу антианглийской борьбы во Франции во второй полови-

не Столетней войны, высоко оценивают историческую роль Жанны д'Арк²²⁹.

Новые черты французских работ — характерный для современной историографии интерес к проблемам социальной ментальности²³⁰, некоторое усиление тенденции к «реабилитации» французских королей и политических деятелей. Последнее особенно свойственно книге Ж. Бордонова об Иоанне II Добром. Любопытной чертой французских работ второй половины XX в. по Столетней войне является стремление авторов не вступать в открытую полемику с английскими историками при полной фактической противоположности большинства решений. Более того, на страницах монографий о событиях XIV—XV вв. высказывается мысль о том, что события Средневековья не повлияли на последующее развитие дружественных англо-французских отношений в новое и новейшее время.

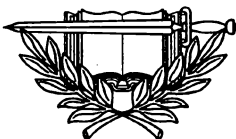
В 90-е гг. историографическая ситуация вокруг проблем Столетней войны не претерпела радикальных изменений. Пожалуй, можно отметить даже некоторое снижение интереса историков к сюжету англо-французского конфликта. Состоялись переиздания некоторых классических трудов (например, вышли книги Фавье²³¹ и Перну²³²). Новый подход к проблеме отразился в работах, посвященных исследованию ментальных явлений в эпоху Столетней войны²³³. Наибольший интерес среди немногочисленных трудов, касающихся непосредственно Столетней войны, представляет монография английской исследовательницы А. Карри «Столетняя война»²³⁴. Привлекательными свойствами этой книги является стремление автора персонифицировать основные

события истории, связав их с воздействием личностей королей. Важно также отметить, что автор уделила внимание влиянию событий Столетней войны на судьбы Шотландии и Пиренейских стран. Автор интересно показывает условность верхней границы Столетней войны, анализируя события второй половины XV в. и даже XVI в. Ею не упущен момент связи между событиями Столетней войны и процессом становления наций во Франции и Англии.

Однако в этой книге по-прежнему, как и во многих других трудах, отсутствуют глубинные истоки англо-французских противоречий, восходящих к событиям второй половины XI — начала XII в. Вызывает недоумение тот факт, что английская исследовательница умолчала о важной роли освободительного движения во Франции в исходе войны. Между тем начало этого освободительного движения относится даже не к временам Жанны д'Арк, а ко второй половине XIV в.

Констатируя значительное внимание современной зарубежной историографии к Столетней войне, можно отметить устойчивый интерес к этому сюжету. По-видимому, это связано с неизменной актуальностью истории войн и их роли в историческом процессе. Особенно убедительно подтверждают это французские исследования предыдущих десятилетий и современные попытки изучения механизма взаимодействия государства и армии в процессе военного конфликта.

С другой стороны, Столетняя война — одна из знаменательных страниц истории взаимоотношений Франции и Англии, и от ее освещения во многом зависит взгляд на глубину и серьезность англо-французских противоречий в прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ GRHS V. I. P. 34.

² GRHS V. I. P. 246—247.

³ GRHS V. I. P. 114—115, 122—123.

⁴ Rec. de H. II T. II. P. 60—62. В 1180 г. договор был подтвержден в связи с вступлением на престол Филиппа II.

⁵ Foedera. V. I Pars I. P. 36; Rec. de H. II, T. II. P. 109—110.

⁶ Rec. de Ph. Aug. T. I. P. 528.

⁷ Rec. de Ph. Aug. T. I. P. 115—116; договор см.: Foedera. V. Pars I. P. 30—31.

⁸ Rec. de Ph. Aug. T. II. P. 182.

⁹ Rec. de Ph. Aug. V. II. P. 483—485; T. III. P. 340—341.

¹⁰ Ibidem V. II. P. 544—547.

¹¹ Mat. Par. V. II. P. 138; Rec. de Ph. Aug. T. III. P. 439.

¹² Dipl. Doc. P. 25.

¹³ Foedera. V. I. Pars I. P. 57—58.

¹⁴ Ibidem V. I. Pars I. P. 60.

¹⁵ Mat. Par. V. II. P. 129.

¹⁶ Mat. Par. V. II. P. 173—174.

¹⁷ Mat. Par. V. II. P. 178.

¹⁸ Mat. Par. V. II. P. 223.

¹⁹ Dipl. Doc. P. 88.

²⁰ Mat. Par. V. II. P. 251—252.

²¹ Al. P. 25—26. Этот факт подтверждает и другая английская хроника: Wendover. V. II. P. 271.

²² Foedera. V. I. Pars I. P. 109, 126—127; Let. H. III. V. I. P. 471—472; Let. de rois. T. I. P. 64; Dipl. Doc. P. 172—173.

²³ Mat. Par. V. II. P. 380.

²⁴ Mat. Par. V. II. P. 489.

²⁵ Foedera. V. I. Pars I. P. 173—174.

²⁶ Dipl. Doc. P. 180—181.

²⁷ Foedera. V. I. Pars II. P. 63—64.

²⁸ Dipl. Doc. P. 183.

²⁹ Let. de rois. T. I. P. 49—50.

³⁰ Let. H. III. V. II. P. 105.

³¹ Let. H. III. V. II. P. 114—115.

³² Joinville. P. 299.

³³ Joinville. P. 359.

³⁴ Wendover. V. III. P. 68—69.

³⁵ Mat. Par. V. II. P. 489.

³⁶ Ibidem. P. 325—328.

³⁷ Ibidem. P. 419.

³⁸ Ibidem. P. 511.

³⁹ Let. de rois. T. I. P. 342—344.

⁴⁰ Daumet. Mémoire. P. 207—213.

⁴¹ Foedera. V. I. Pars III. P. 152—153.

⁴² RG. V. IV, P. 171.

⁴³ Ibidem. P. 178.

⁴⁴ Ibidem. P. 187—188.

⁴⁵ APS. V. I. P. 99.

⁴⁶ Foedera. V. I. Pars IV. P. 161.

⁴⁷ Ibidem. V. I. Pars IV. P. 131.

⁴⁸ W.S.-S. P. 275.

⁴⁹ Ibidem. P. 214—217.

⁵⁰ Foedera. V. II. Pars III. P. 184.

⁵¹ Walsingham, V. I. P. 216.

⁵² Foedera. V. II. Pars III. P. 198.

⁵³ См.: Ibidem. V. II. Pars IV. P. 49, 52, 61.

⁵⁴ См.: Froissart. V. I. P. 156.

- ⁵⁵ Burton V. III. P. 66.
⁵⁶ Froissart. V. I. P. 175—177.
⁵⁷ Burton V. III. P. 68.
⁵⁸ Froissart. V. I. P. 177—178; Chr. QPV. P. 20—21.
⁵⁹ См.: Capgrave. P. 217; Walsingham, V. I. P. 281.
⁶⁰ См.: Froissart, transl. Bernes, V. I. P. 192, 194 (по его данным, 20 тыс. французов и около 7 тыс. англичан); Chr. QPV. P. 57 (здесь соотношение — 50 тыс. французов и 12 тыс. англичан).

⁶¹ См.: Chr. QPV. P. 46.

⁶² Froissart, V. I. P. 198.

⁶³ Jean de Venette. P. 66.

⁶⁴ Walsingham, V. I. P. 286.

⁶⁵ Eulogium, V. III. P. 228.

⁶⁶ Walsingham, V. I. P. 283.

⁶⁷ Froissart. V. I. P. 147.

⁶⁸ Merepoix L. La guerre de Cent Ans. P., 1973.

P. 367.

⁶⁹ Jean de Venette. P. 92.

⁷⁰ Chr. QPV. P. 110—113.

⁷¹ Ibidem. P. 102.

⁷² Froissart, V. I. P. 223.

⁷³ Mandements et actes de Charles V. P. 67.

⁷⁴ Ibidem. P. 269.

⁷⁵ Walsingham, V. I. P. 311.

⁷⁶ Chr. QPV. P. 223—224, 237—238, 242.

⁷⁷ Walsingham, V. I. P. 371.

⁷⁸ Chr. QPV. P. 224.

⁷⁹ Ibidem. P. 307; Chr. ST. Denys, V. I. P. 228.

⁸⁰ См.: Chr. ST. Denys, V. I. P. 410—415.

⁸¹ См.: Froissart, transl. Berners, V. III, P. 190—191;

Chr. ST. Denys, V. I. P. 350—351.

⁸² Данные о ее численности противоречивы и явно преувеличены — до 100 тыс. человек (см.: Walsingham, V. II. P. 147, 151; Capgrave. P. 243; Chr. ST. Denys, V. I. P. 450).

⁸³ См.: Chr. ST. Denys, V. I. P. 444—449; Froissart, trans. Berners, V. II. P. 200; Foedera. V. III. Pars IV. P. 31.

⁸⁴ См.: Foedera. V. III. Pars IV. P. 39—42.

⁸⁵ Froissart, transl. Berners, V. II. P. 556—557.

⁸⁶ См.: GT. P. 71—99.

⁸⁷ Chr. ST. Denys, V. II. P. 704, 716.

⁸⁸ См.: Foedera. V. III. Pars IV. P. 176—183.

⁸⁹ Froissart, V. II, P. 761—762; Monstrelet, P. 12; Foedera. V. III. Pars IV. P. 199.

⁹⁰ Chr. ST. Denys, V. III. P. 70, 196.

⁹¹ Chr. ST. Denys, V. III. P. 164. Франция все эти годы не признавала законности власти Генриха IV. В 1403 г. она активно поддержала слухи о «спасении» Ричарда II (см.: Walsingham, V. II. P. 260—261).

⁹² См.: Walsingham, V. II. P. 285—286; Chr. ST. Denys, V. IV. P. 523.

⁹³ См.: Foedera. V. IV. Pars 2. P. 12—14; Monstrelet. P. 253—254.

⁹⁴ Желая сохранить контакт с фландрскими городами, Генрих IV объяснил им свой разрыв с бургундским домом именно возможностью получить юго-запад Франции (см.: Monstrelet. P. 237).

⁹⁵ Monstrelet. P. 365.

⁹⁶ См.: John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. G. L. Harris etc. — Camden Miscellany. L., 1972, V. XXIV (далее Benet). P. 177.

⁹⁷ См.: Monstrelet. P. 370.

⁹⁸ См.: Basin Thomas. Histoire de Charles VII / Ed. et trad. Ch. Samaran. V. I—II. P., 1944 (далее — Basin), V. I. P. 38—39.

⁹⁹ Capgrave. P. 312; Walsingham, V. II. P. 313.

¹⁰⁰ Monstrelet. P. 376.

¹⁰¹ Cochon P. La Chronique de Normandie. — In: Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859 (далее — Cochon). P. 429; Monstrelet. P. 382—383.

- ¹⁰² Cousinot. Geste. P. 158.
- ¹⁰³ См.: Foedera. V. IV. Pars 2, P. 177—178; Walsingham, V. II. P. 317; Monstrelet. P. 394.
- ¹⁰⁴ Cochon. P. 431; см. также: Basin, V. I. P. 50—51.
- ¹⁰⁵ Monstrelet. P. 438.
- ¹⁰⁶ Monstrelet. P. 445, 454.
- ¹⁰⁷ Basin, V. I. P. 56—57. О том же пишет и Монстреле: Monstrelet. P. 452.
- ¹⁰⁸ Monstrelet. P. 455.
- ¹⁰⁹ Monstrelet. P. 465—466.
- ¹¹⁰ См.: GT. P. 103—115.
- ¹¹¹ Walsingham, V. II. P. 335; Monstrelet. P. 473; Cochon. P. 437.
- ¹¹² Monstrelet. P. 487—488.
- ¹¹³ Walsingham, V. II. P. 335.
- ¹¹⁴ Basin, n. I. P. 70—71.
- ¹¹⁵ См.: A Short English Chronicle. — In: Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. N. Y., 1965 (далее — Short Engl. Chron.). P. 57.
- ¹¹⁶ Monstrelet. P. 507.
- ¹¹⁷ См.: Letters of H. VI. P. 395—396.
- ¹¹⁸ См.: Short Engl. Chron. P. 58; Monstrelet. P. 542—544.
- ¹¹⁹ См.: A Brief Latin Chron. P. 164—165.
- ¹²⁰ См.: Monstrelet. P. 590.
- ¹²¹ Auct. ignot. P. 28.
- ¹²² Cousinot. Geste. P. 196.
- ¹²³ Basin, V. I. P. 52—53.
- ¹²⁴ Cousinot. Chron. de Pucelle. P. 271.
- ¹²⁵ См.: QPV. P. 46—48.
- ¹²⁶ Cochon. P. 454—455.
- ¹²⁷ Cousinot. Chron. de Pucelle. P. 302.
- ¹²⁸ Ibid. P. 322—323.
- ¹²⁹ Английский хронист, умолчавший об успехах Жанны д'Арк, не преминул отметить ее неудачу так: «Коварная женщина из Франции, называемая Девой, ранена копьем в голень при штурме Парижа»

[Cronicon Rerum Gestarum in Monasterio Sancti Albani, Regnante Henrico Sexto, a quodam Auctore Ignoto Compilatum. L., 1870 (далее — Auct. ignot.). P. 42].

¹³⁰ Monstrelet. P. 625.

¹³¹ Monstrelet. P. 609.

¹³² См.: Cousinot. Chron. de Pucelle. P. 309—310.

¹³³ См.: Basin, V. I. P. 196—227; Monstrelet. P. 686—687; 689.

¹³⁴ Auct. ignot. P. 46.

¹³⁵ Monstrelet. P. 670—671.

¹³⁶ Monstrelet. P. 717—718.

¹³⁷ См.: ibid. P. 723—724.

¹³⁸ Benet. P. 185; Short Engl. Chron. P. 62.

¹³⁹ Benet. P. 187. Карл Орлеанский пробыл в почетном плену в Англии 25 лет, со времени битвы при Азенкуре. Сам английский король писал о его освобождении как о «средстве к примирению Французского и Английского королевств» (Foedera, V. V. Pars II, P. 82).

¹⁴⁰ Monstrelet. P. 826.

¹⁴¹ См.: GT. P. 152—171.

¹⁴² См.: Letters of H. VI, V. I. P. 164—167, 183—186.

¹⁴³ См.: ibid. P. 87—152.

¹⁴⁴ См.: Robertus Blondelli de reductione Normanniae. In: Narratives of the Expulsion of English from Normandy / Ed. Y. Stevenson. L., 1863 (далее — Blondell). P. 10.

¹⁴⁵ Basin, V. II. P. 34—35, 54—55.

¹⁴⁶ Blondell. P. 2.

¹⁴⁷ См.: Benet. P. 196; Letters of H. VI, V. I. P. 508—518.

¹⁴⁸ Berry. P. 368.

¹⁴⁹ Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis. The Chronicle of the Reigns of Henry II and Richard I (1169—1192) / Ed. W. Stubbs. V. I—II. L., 1867; The Flowers of History by Roger de Wendover: from the Year of Our Lord 1154, and the First Year of Henry the Second, King of the English / Ed. H. G. Hewlett. V. I—III. L., 1886—1889.

¹⁵⁰ Mattei Parisiensis Monachi Sancti Albani, *Historia Anglorum. sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor* / Ed. F. Madden. V. I—III. L., 1866—1869; Joinville Jean. *Le livre de saintes paroles et des bons faits de notre Saint roi Louis* // *Historiens et chroniqueurs du moyen âge* / Ed. A. Pauphilet. P., 1952.

¹⁵¹ *The Chronicle of Bary St. Edmunds 1212—1301* / Ed. A. Gransden. L., 1964.

¹⁵² *Chronique du très manifique seigneur Ramon Muntaner. Chronica del rey en pere e dels sens antecessors passats, per Bernat d'Esclot* // *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises, pendant le XIIIe siècle* / Ed. J. Buchon. P., 1841.

¹⁵³ Burton Th. *Chronica monasterii de Melsa, a fundatione ad annum 1396.* Ed. E. A. Bond. L., 1866—1868. V. I—III; Walsingham Th. *Historia Anglicana* // *Chronica Monasterii S. Albani.* L., 1863—1864. V. I—II; *Chronicon Rerum Gestarum in Monasterio Sancti Albani, Regnate Henrico Sexto, a quodam Auctore Ignoto Compilatum.* L., 1870.

¹⁵⁴ *Cronique du Mont Saint-Michel (1343—1468)* / Ed. S. Luce. P., 1879—1883. T. I—II. *Narratives of the Expulsion of the English from Normandy.* / Ed. J. Stevenson. L., 1863 (*Robertus Blondelli de Reductione Normannie; Les Recouvrement de Normandie, par Berry, Herault du Roy*).

¹⁵⁵ *Chronique de religieux de St. Denys, contentant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422* / Publ. L. Bellaguet. P., 1839—1844. T. I—IV; Capgrave J. *The Chronicle of England* / Ed. F. Ch. Hingeston. L., 1858; Basin Thomas. *Histoire de Charles VII* / Ed. Ch. Samaran. P., 1944. T. I—II; *Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot* / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859; *Chroniques de Monstrelet (France, Angleterre, Bourgogne) 1400—1444* / Ed. J. Buchon. P., 1875.

¹⁵⁶ Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393) / Ed. S. Luce. P., 1862; The Chronicle of Jean de Venette / Ed. R. A. Newhall. N. Y., 1953.

¹⁵⁷ Froissart J. Chroniques / Publ. S. Luce. P., 1869—1874. T. I—V.

¹⁵⁸ Narratives of the Expulsion of English from Normandy / Ed. Y. Stevenson. L., 1863.

¹⁵⁹ Recueil des traitez de paix, de trêve, de neutralité... faites entre les impereurs, rois, repuliques... T. I. / Ed. B. Jacques. Amsterdam, 1700; Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. T. Rymer. V. I—X, Hagrae, 1739—1745.

¹⁶⁰ Diplomatic Documents Preserved in the Public Record Office / Ed. P. Chaplais. V. I. (1101—1272). L., 1964.

¹⁶¹ Les Grands traités de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889; The War of Saint-Sardos (1323—1325). Gascon Correspondence and Diplomatic Documents / Ed. P. Chaplais //Camden Third series. V. LXXXVII. L., 1954.; Anglo-Scottish Relations, 1174—1328 / Ed. E. L. Stones. L., 1965.

¹⁶² Lettres de rois, reines et autres personnages des cours de France et d'Angleterre depuis Louis VII jusqu'à Henri IV / Publ. M. Champollion-Figeac. T. I—II. P., 1839—1847; Royal and Historical Letters During the Reign of Henry The Fourth. Ed. F. C. Hingeston. V. I, L., 1860; Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France. During the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. J. Stevenson. V. I. L., 1861; Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III / Ed. W. Shirley. V. I—II. L., 1862—1866.; Benoit XII (1334—1342). Lettres closes et patentes intéressant les pays autres que la France / Publ. J. —

M. Vidal. T. I—V. P., 1913—1942.; *Lettres closes, Lettres «de par le roy» de Philippe de Valois* / Ed. P. Cazelles. P., 1958.

¹⁶³ *The Acts of the Parliaments of Scotland* / Ed. T. Thompson. V. I. Edinburgh, 1841; *Mandements et actes divers de Charles V (1364—1380)* / Publ. L. Delisle. P., 1874; *Rôles Gascons (1242—1317)*. P., 1885—1962. V. I—IV.; *Recueil des actes de Henry II roi d'Angleterre et duc de Normandie concernant les provinces françaises et les affaires de France* / Publ. M. E. Berger. P., 1916—1927. T. I—III; *Recueil des actes de Philippe Augustus roi de France* / Publ. F. Delaborde. P., 1916—1966. T. I—III; Daumet G. *Mémoire sur les relations de la France et de la Castille de 1255 à 1320*. P., 1913; *The Acts of Malcolm IV King of Scots, 1153—1165* / Ed. G. Barrow. V. I. Edinburgh, 1960.

¹⁶⁴ *Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour du roi* / Publ. Beugnot. P., 1839—1848. T. I—III.

¹⁶⁵ *Chronique de Bertrand du Guesclin par cuvelier trouvère du XIVe siècle* / Publ. E. Charrière. P., 1839 T. I—II; *For the Victory at Agincourt // The Legendary Ballads of England and Scotland*. L., 1834; *Complainte sur la bataille de Poitiers // Mirepoix L. La guerre de Cent Ans*. P., 1973.

¹⁶⁶ Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания XIV—XV вв. // *История Франции*. Т. I. С. 122.

¹⁶⁷ Райцес В. И. *Жанна д'Арк*. Л., 1982.

¹⁶⁸ Басовская Н. И., Зверева Г. И. *Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII—XV вв. // Средние века*. М., 1985, Вып. 48. С. 71—90; Басовская Н. И. *Англо-французские противоречия конца XIII—XIV в. и страны Пиренейского полуострова // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме*. М., 1985. С. 72—92.

¹⁶⁹ Басовская Н. И. Правитель и народ в Столетней войне. Миф и реальность // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 23—34.

¹⁷⁰ Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. Пер. с фр. / Предисл. и коммент. Н. И. Басовской. М.: Изд. группа «Прогресс»: Прогресс-академия, 1992.

¹⁷¹ Басовская Н. И. Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 44—51.

¹⁷² См., например: Бессмертный Ю. Л. Казус Бертрана де Борна, или Хотят ли рыцари войны?

¹⁷³ Басовская Н. И. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII — начале XIV в. // Вестник МГУ. Сер. история. 1968, № 2; ее же: К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным «Гасконских свитков») // Средние века. Вып. 33. М., 1971; ее же: Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII — начале XIV в. // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1971; ее же: Столетняя война 1337—1453 гг. М., 1985.

¹⁷⁴ Levron J. Saint Louis ou l'apogée du Moyen Age. P., 1970; Duby G. Le dimanche de Bouvines. P., 1973; Sivéry G. Mirages méditerranéens ou réalités atlantiques? XIIIe—XVe siècles. P., 1976; La France de Philippe Auguste, le temps de mutations: actes du colloque organisé par le CNRS en septembre — octobre 1980 / Publ. R.-H. Bautier. P., 1982; Sivéry G. Saint Louis et son siècle. P., 1983; Bordonove G. Les Rois qui ont fait la France. Les Capétiens. t. I. Philippe Auguste le Conquérant. P., 1983.

¹⁷⁵ См. подробнее: Басовская Н. И. Проблемы Столетней войны в современной английской и французской историографии // Средние века. М., 1982. Вып. 45.

¹⁷⁶ Clanchy M. F. Op. cit. P. 112, 116.

¹⁷⁷ Gillingham J. Op. cit. P. 3, 39, 46.

¹⁷⁸ Ibidem. P. 76, 91.

¹⁷⁹ Benjamin R. The Angevin Empire // History Today. 1986. V. 36. P. 22.

¹⁸⁰ См.: Tout T. F. Op. cit.; Powicke M. The Thirteenth Century 1216—1307. Second edition. Oxford, 1962.

¹⁸¹ Hallam E. M. Capetian France 987—1328. L., N. Y., 1980, P. 179—182. Следует также отметить статью этого автора о политическом развитии Франции в XII в., где, на мой взгляд, убедительно показано, что Французское королевство стало государством в полном смысле слова не ранее второй половины XII в. Это подтверждает правомерность принятия этого времени в качестве нижней границы в истории межгосударственных отношений двух монархий. — Hallam E. The King and the Princes in Eleventh-Century France // Bill. of the Inst. of Hist. Research. 1980. V. LIII. N 128.

¹⁸² Hallam E. Op. cit. P. 114.

¹⁸³ Hollister C. W., Keefe Th. The Making of the Angevin Empire // The Journal of British Studies. 1973. V. XII. N 2; Hollister C. W. Normandy, France and Anglo-Norman Regnum // Speculum. 1976. V. LI. N 2; ejusdem. The Making of England 55 B. C. to 1399. Lexington, 1983.

¹⁸⁴ Hollister C. W. Normandy, France and... P. 232—235.

¹⁸⁵ Levron J. Philippe Auguste au la France rassemblée. P., 1979; Bordonove G. Philippe Auguste le Conquérant. P., 1983.

¹⁸⁶ Levron J. Op.cit. P. 114.

¹⁸⁷ Sivýry G. Saint Louis et son siècle. P., 1983. P. 608.

¹⁸⁸ Ibidem. P. 12—15.

¹⁸⁹ Ibidem. P. 598—610.

¹⁹⁰ Bordonove G. Op. cit. P. 111.

¹⁹¹ Keen M. A History of Medieval Europe. L., 1967; Sivýry G. Mirages méditerranéens au réalités atlantiques? XIIIe—XVe siècles. P., 1976.

¹⁹² Keen M. Op. cit. P. 91.

¹⁹³ Ibidem. P. 195.

¹⁹⁴ Sivéry G. Mirages... P. 273—274.

¹⁹⁵ Dépres M. Les préliminaires de la guerre de Cent Ans. La Papauté, la France et l'Angleterre, 1328—1342. P., 1902; Coville A. Les premiers Valois et la guerre de Cent Ans (1328—1422). V. 4. P. I de «Histoire de France...»/ Ed. Lavis E., P., 1902; Cambier P. La vie économique en France à la fin de la guerre de Cent Ans. P., 1942; Tout T. The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1914; ejusdem. France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester, 1922; Postan M. Some Social Consequences of the Hundred Years War // EHR. 1942. V. XII. N 1; Steel A. Richard II. L., 1941; Pirenne H. Histoire de Belgique. V. I—II. Brux., 1929—1947.

¹⁹⁶ Perroy E. La guerre de Cent Ans. P., 1945; ejusdem. Franco—English Relations 1350—1400 // History. 1936. Vol. XXI. N 82.

¹⁹⁷ Chaplais P. Règlement des conflits internationaux franco-anglais au XIVe siècle 1293—1377 // Le Moyen Age. V. LVII. NN 3—4. 1951.

¹⁹⁸ Templeman G. Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War // TRHS. 1952. 5-th ser. Vol. 2. P. 76.

¹⁹⁹ Wolf Ph. Un Problème d'origines: La guerre de Cent Ans // Eventail de l'histoire vivante / Hommage à Lucien Febvre. P., 1955. Vol. 2, P. 142, 144, 147.

²⁰⁰ Mc Kisack M. The Fourteenth Century 1307—1399. Oxford, 1959, P. 147.

²⁰¹ Ibidem. P. 146, 439, 440 etc.

²⁰² Le Patourel J. Edward III and the Kingdom of France // History. V. XLIII. N 149, 1958; The Plantagenet Dominions // History. V. 50. N 170. 1965; The King and the Princes in Fourteenth-Century France // Europe in the Late... L., 1965; The Origins of the War // The

Hundred Years War. Ed. K. Fowler. London. New York, 1971.

²⁰³ Le Patourel J. The Plantagenet Dominions. P. 350.

²⁰⁴ Le Patourel J. The Norman empire. Oxford, 1976. P. 12—14, 26—27, 61—63 etc.

²⁰⁵ Le Patourel J. The Plantagenet Dominions. P. 296.

²⁰⁶ Hay D. Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. L., 1966. P. 158, 139.

²⁰⁷ Fowler K. The Age Of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328—1498). L., 1967.

²⁰⁸ Ibidem. P. 56; Fowler K. War and Change in the Late Medieval France and England // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. — L.-N. Y., 1971. P. 7.

²⁰⁹ Fowler K. War and Change... P. 12—15.

²¹⁰ Vale M. English Gascony. Oxford, 1970. P. 1, 8—9.

²¹¹ Goodman A. A History of England from Edward III to James I. L.-N. Y., 1977. P. 228—229, 247—255.

²¹² Ibidem. P. 252.

²¹³ Allmand C. T. Lancastrian Normandy, 1415—1450. The History of Medieval Occupation. Oxford, 1983.

²¹⁴ См. подробнее: Басовская Н. И. Проблема освободительной борьбы во Франции XV в. во французской и английской историографии // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. М., 1985.

²¹⁵ Seward D. The Hundred Years War. The English in France 1337—1453. L., 1978.

²¹⁶ Ibidem. P. 128.

²¹⁷ Vaughan R. Philip the Bold. L., 1962; Idem. John the Fearless. N. Y., 1966; Chibbert Ch. Agincourt. L., 1964 (II ed. L., 1978); Vale M. G. A. Charles VII. University of California Press, 1974; Labarge M. W. Henry V. Cautious Conqueror. N. Y., 1976; Yarman R. H. Crispin's Day. The Glory of Agincourt. L., 1979.

²¹⁸ Yarman. Op. cit. P. 142.

²¹⁹ Chibbert. Op. cit. P. 65—66.

²²⁰ Yarman. Op. cit. P. 195.

²²¹ McFarlane K. B. The Economy and Social Change. England and the Hundred Years War // Past and Present. N 22. 1962.

²²² Holmes G. Europe: Hierarchy and Revolt 1320—1450. Fontana, 1975. P. 32.

²²³ Cazelles R. La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. 1958; Timbal P. C. La guerre de Cent Ans vue à travers les registres du Parlement (1337—1369). — P., 1961; Contamin Ph. Guerre, état et société à la fin du moyen âge. P., 1972.

²²⁴ Pernoud R. La Libération d'Orléans. P., 1969; Jouet R. La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418—1450). Caen, 1969.

²²⁵ Duby G. Histoire de la France. V. 1—3. P., 1970—1972; Castelot A., Decaux A. Histoire de la France et de français. V. 1—9. P., 1970—1972.

²²⁶ Mirepoix L. La guerre de Cent Ans. P., 1973. P. 54, 65—68, 114—115, 120—126, 131—133.

²²⁷ Soyez J.-M. Quand les Anglais vendangeaient l'Aquitaine. P., 1978; Favier J. La Guerre de Cent Ans. P., 1980; Bordonove G. Jean le Bon et son temps 1319—1364. P., 1980; Bourassin E. La France anglaise 1415—1453. Chronique d'une occupation. P., 1981.

²²⁸ Favier J. Op. cit. P. 265—286, 457—492; Bourassin E. Op. cit. P. 65—73, 119—184.

²²⁹ Этому вопросу посвящена специальная работа: Pernoud R. Jeanne d'Arc par elle-même et par ses témoins, P., 1975.

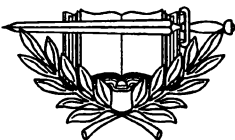
²³⁰ В этом отношении очень интересна также монография американского литературоведа и историка Д. Барни об отражении событий Столетней войны в английском общественном мнении XIV в. Barnie D. War in Medieval English Society. Social Values in the Hundred Years War 1337—1399. N. Y., 1974.

²³¹ Favier J. *La guerre de cent ans*. P.: Fayard, 1991.

²³² Pernoud R. *Réhabilitation de Jeanne d'Arc, reconquête de la France*. Monaco: Rocher, 1995; Pernoud R. *Jeanne d'Arc: la reconquête de la France*. P.: Gallimard, 1997.

²³³ Verdon J. *Les Françaises pendant la Guerre de cent ans: début du XIVe siècle-milieu du XVe siècle*. P.: Perrin, 1990; Thompson G. *Paris and its people under English rule: the Anglo-Burgundian regime, 1420—1436*. Oxford: Clarendon, 1991. xiii, 276 p.

²³⁴ Curry A. *The Hundred years war*. L.: MacMillan, 1993. xiv, 192 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

AL — Annales Londonienses (1194—1330) // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. L., 1882. V. I.

AP — Annales Paulini (1307—1370) // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. L., 1882. V. I.

APS — The Acts of the Parliaments of Scotland, 1124—1423. Edinburgh, 1844. V. I.

ASR — Anglo-Scottish Relations, 1174—1328 / Ed. W. E. L. Stones. L., 1965.

Auct. ign. — Chronicon Rerum Yestarum in Monasterio Sancti Albani, Regnate Henrico Sexto, a quodam Auctore Ignoto Compilatum. L., 1870.

Basin — Basin Thomas. Histoire de Charles VII / Ed. Ch. Samaran. P., 1944. V. I—II.

Benet — John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. 9. L. Harris etc. // Camden Miscellány. L., 1972. V. XXIV.

Benoit XII — Benoit XII (1334—1342). Lettres closes et patentes intéressant les pays autre que la France / Publ. J.- M. Vidal. P., 1913—1942. T. I—V.

Berry — *Le Recouvrement de Normandie*, par Berry, Herault du Roy / Ed. J. Stevenson // *Narratives of the Expulsion of the English from Normandy*. L., 1863.

Blondell — *Robertus Blondelly de Reductione Normanniae* / Ed. J. Stevenson // *Narratives of the Expulsion of the English from Normandy*. L., 1863.

Burton — *Burton Th. Chronica monasterii de Melsa, a fundatione ad annum 1396, auctore Thoma de Burton, abbate* / Ed. E. A. Bond. L., 1866—1868. V. I—III.

Capgrave — *Capgrave Jonn. The Chronicle of England* / Ed. F. Ch. Hingeston. L., 1858.

Chr. du Mont Saint-Michel — *Chronique du Mont Saint-Michel (1343—1468)* / Publ. S. Luce. P., 1879—1883. T. I—II.

Chr. QPV — *Chronique des Quatre premiers Valois (1327—1393)* / Publ. S. M. Luce. P., 1862.

Chr. St. Denys — *Chronique de religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 a 1422* / Publ. M. L. Bellaguet. P., 1839—1844. T. I—IV.

Chr. St. Edm. — *The Chronicle of Bury St. Edmunds 1212—1301* / Ed. A. Gransden. L., 1964.

Chronica del rey en pere e dels seus antecessors passats, per Bernat d'Esclot // *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle* / Ed. J. Buchon. P., 1841.

Chronique de Bertrand du Guesclin par cuvelier trouvère du XIVe siècle / Publ. E. Charrière. T. I. P., 1839.

Chronique du très manifique seigneur Ramon Muntaner // *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises, pendant le XIIIe siècle* / Ed. J. Buchon. P., 1841.

Cochon — *Cochon P. La Chronique de Normandie* // *Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot*.

Complainte sur la bataille de Poitiers // *Mirepoix L. La guerre de Cent Ans*. P., 1973. P. 365—367.

Cousinot Geste — Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot suivie de la chronique de Normandie de P. Coshon relatives aux règnes des Charles VI et de Charles VII / Publ. M. Vallet de Viriville. P., 1859.

Cousinot. Chr. de la Pucelle — Ibidem.

Daumet. Etude — Daumet G. Etude sur l'alliance de la France et de Castille au XIVe et XVe siècles. P., 1898.

Daumet. Mémoire — Daumet G. Mémoire sur les relations de la France et de la Castille de 1255 à 1320. P., 1913.

Dipl. Doc. — Diplomatic Documents Preserved in the Public Record Office / Ed. P. Chaplais. L., 1964.

Documents relating to the Anglo-French Negotiations of 1439 / Ed. C. T. Allmand // Camden Miscellany. V. XXIV. L., 1972.

EHD — English Historical Documents / Ed. D. C. Douglas. L., 1969.

ES — Early Sources of Scottish History / Ed. A. O. Anderson. Edinburgh-London, 1922. V. I—II.

Eulogium — Eulogium Historiarum a monacho quodam. Malmesburiensi exartum / Ed. F. S. Haydon. L., 1858—1863. V. I—III.

Foedera — Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739—1745. V. I—X.

For the Victory at Agincourt // The Legendary Ballads of England and Scotland / Ed. J. S. Roberts. — L., 1841.

Froissart — Froissart J. Chronicles of England, France, Spain / Transl. D. Bouchier lord Berners. L., 1812. V. I—II.

GRHS — Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis. The Chronicle of the Reigns of Henry II and Richard I (1169—1192) / Ed. W. Stubbs. L., 1867. V. I—II.

GT — Les Grands traités de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889.

J. de Venette — The Chronicle of Jean de Venette / Ed. R. A. Newhall. N. Y., 1953.

Joinville — Joinville Jean. Le livre de saintes paroles et des bons faits de notre Saint roi Louis // Historiens et chroniqueurs du moyen âge / Ed. A. Pauphilet. P., 1952.

Let. de rois — Lettres de rois, reines et autres personnages des cours de France et d'Angleterre depuis Louis VII jusqu'à Henri IV / Publ. M. Champollion — Figeac. P., 1839—1847. T. I—II.

Let. H. III — Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III / Ed. W. Shirley. L., 1862—1866. V. I—II.

Let. H. IV — Royal and Historical Letters during the Reign of Henry The Fourth / Ed. F. C. Hingeston. L., 1860. V. I—II.

Let. H. VI — Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. R. J. Stevenson. L., 1861—1864. V. I—II.

Let. de Ph. VI — Lettres closes, Lettres «de par le roy» de Philippe de Valois / Ed. P. Cazelles. P., 1958.

Mandements et actes divers de Charles V (1364—1380) / Publ. L. Delisle. — P., 1874.

Mat. Par. — Mattei Parisiensis Monachi Sancti Albani, Historia Anglorum. sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor / Ed. F. Madden. L., 1866—1869. V. I—III.

Monstrelet — Chroniques de Monstrelet (France, Angleterre, Bourgogne) 1400—1444 / Ed. J. Buchon. P., 1875.

Olim — Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour du roi / Publ. J. Beugnot. P., 1839—1848. T. I—III.

Rec. de H. II — Recueil des actes de Henry II roi d'Angleterre et duc de Normandie concernant les provinces françaises et les affaires de France / Publ. M. E. Berger. P., 1916—1927. T. I—III.

Rec. de Ph. Aug. — Recueil des Actes de Philippe Augustus, roi de France / Publ. F. Delaborde. P., 1916—1966. T. I—III.

RG — Rôles Gascons (1242—1317). P., 1885—1962. V. I—IV.

RT — Recueil des traités de paix, de trêve, de neutralité... faites entre les empereurs, rois, républiques... / Ed. B. Jacques. Amst., La Haye, 1700. T. I.

Short Engl. Chron. — A Short English Chronicle / Ed. J. Gairdner // Three Fifteenth-Century Chronicles. N. Y., 1965.

Some Documents Relating to the Disputed Succession to the Ducy of Brittany, 1341 / Ed. M. Jones // Camden Miscellany. V. XXIV. L., 1972.

The Acts of Malcolm IV King of Scots, 1153—1165 / Ed. G. W. S. Barrow. V. I. Edinburgh, 1960.

The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 from a MS written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. H. Y., 1970.

The Letters of James the Fourth 1505—1513 / Ed. R. K. Hanney. Edinburgh, 1953.

Treaty Rolls. Preserved in the Public Record Office / Ed. P. Chaplais. V. I. L., 1955.

Walsingham — Walsingham T. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. T. Riley. L., 1863—1864. V. I—II.

Wendover — The Flowers of History by Roger de Wendover: from the Year of Our Lord 1154, and the First Year of Henry the Second, King of the English / Ed. H. G. Hewlett. L., 1886—1889. V. I—III.

W. S-S — The War of Saint-Sardos (1323—1325). Gascon Correspondence and Diplomatic Documents / Ed. P. Chaplais // Camden Third series. L., 1954. V. LXXXVII.

Литература

Басовская Н. И. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII — начале XIV в. // Вестник МГУ. Серия история. 1968. № 2. С. 69—78.

Басовская Н. И. Место городов-крепостей (бастид) в гасконской политике Англии конца XIII столетия // Вестник МГУ. Серия история. 1969. № 3. С. 90—96.

Басовская Н. И. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным «Гасконских свитков») // СВ 1971. Вып. 33. С. 202—215.

Басовская Н. И. Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII — начале XIV в. // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1971. С. 175—188.

Басовская Н. И. Организация и характер деятельности английской администрации в Гаскони (конец XIII — начало XIV в.) // СВ 1973. Вып. 37. С. 208—229.

Басовская Н. И. Проблемы Столетней войны в современной английской и французской историографии // СВ. 1982. Вып. 45. С. 212—224.

Басовская Н. И. Историография Столетней войны // Историография проблем международных отношений и национальных движений в Западной Европе. М.: МГИАИ, 1982. С. 5—23.

Басовская Н. И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М.: Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1984. С. 120—140.

Басовская Н. И. Столетняя война 1337—1453 гг. М.: Высшая школа, 1985. 184 с.

Басовская Н. И. Англо-французские противоречия конца XIII—XIV в. и страны Пиренейского полуострова // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М.: Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1985. С. 72—92.

Басовская Н. И. Проблема освободительной борьбы во Франции XV в. во французской и английской историографии // Историография проблем международных отношений и национальных движений в стра-

нах Западной Европы и Северной Америки. М.: МГИАИ, 1985. С. 153—171.

Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // ВИ 1987. № 1. С. 48—66.

Басовская Н. И. Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 44—51.

Басовская Н. И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 23—34.

Басовская Н. И., Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII—XV вв. // СВ. 1985. Вып. 48. С. 71—90.

Бессмертный Ю. Л. Казус Бертрана де Борна, или Хотят ли рыцари войны? / Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М.: РГГУ, 1999.

Блок М. Короли-чудотворцы // Языки русской культуры. М., 1998. 709 с.

Вайнштейн О. Л. Дипломатическая подготовка Столетней войны // Проблемы истории международных отношений. Л.: Наука, 1972. С. 394—406.

Гутова Е. В. Возникновение английского парламента. М.: МГУ, 1960. 576 с.

Гутова Е. В. Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII—XIII вв. // СВ. 1957. Вып. IX. С. 195—253.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1938. Т. 3. 514 с.

Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М.: Наука, 1991. 108 с.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М.: Наука, 1986. 694 с.

Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.

Крылова С. Е. Континентальная политика Генриха II Плантагенета в первые годы его правления в Англии (по материалам английских хроник XII в.) // Герценовские чтения, 23-я межвузовская конференция. Л., 1970.

Крылова С. Е. Английское государство и проблема французских владений Плантагенетов в середине XII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: ЛГУ, 1980. Вып. 3. С. 26—32.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. М.: Прогресс-академия. 1992. 376 с.

Люблинская А. Д. К вопросу об образовании французской народности // ВИ. 1953. № 9. С. 78—96.

Люблинская А. Д. Жанна Д'Арк // СВ. 1962. Вып. 22. С. 180—192.

Люблинская А. Д. Расцвет феодализма X—XIII века; Столетняя война и народные восстания XIV—XV веков // История Франции. М.: Наука, 1972. Т. I. С. 69—114, 115—150.

Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М.: Наука, 1970. 213 с.

Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М.: Прогресс, 1992. 523 с.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. М.: Госсоцэкгиз, 1937. 555 с.

Писарев Ю. И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // СВ. 1973. Вып. 37. С. 82—108.

Писарев Ю. И. Магнаты и корона в Англии XIV в. // СВ. 1980. Вып. 43. С. 77—105.

Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. / Пер. с фр. М.: Соцэкгиз, 1938. 424 с.

Райцес В. И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л.: Наука, 1982. 198 с.

Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М.: Наука, 1979. 221 с.

Сергеева Л. П. Финансовый кризис в Англии в начале Столетней войны и ганзейские кредиторы английского короля // Вестник ЛГУ, 1983. Вып. 3. № 14. С. 91—94.

Сказкин С. Д. Международные отношения в Европе в конце XV и первой половине XVI в. // Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века. М.: Наука, 1981. С. 141—156.

Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М.: МГУ, 1976. 207 с.

Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. 376 с.

Allmand C. T. War and Profit in the Late Middle Ages // ИТ. 1965. № 15. P. 39—48.

Allmand C. T. The Anglo-French Negotiations, 1439 // BИHR, 1967. V. XL. P. 1—33.

Allmand C. T. Henry V. L.: The Hist. Ass. Gen. Ser., 1968. — 26 p.

Allmand C. T. The Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417—1450 // EHR. 1968. V. XXI. P. 461—479.

Allmand C. T. La Normandie devant l'opinion anglaise à la fin de la guerre de cent ans // BECh — 1970. V. CXXVIII. P. 345—368.

Allmand C. T. Society at War. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinburg: Edinb. Univ. Press, 1973. — 221 p.

Allmand C. T. English suits before the Parliament of Paris, 1420—1436. L.: Offices of the Royal Hist. Soc., 1982. — 328 p.

Allmand C. T. *Lancastrian Normandy, 1415—1450. The History of Medieval Occupation.* Oxford: Clarendon Press, 1983. — 349 p.

Armstrong C. A. J. *England, France and Burgundy in the Fifteenth Century.* L.: The Hambledon Press, 1983. — 431 p.

Aston M. *The Fifteenth Century: The Prospect of Europe.* Oxford: Clarendon Press, 1968. — 421 p.

Avout J. d'. *La querelle des Armagnacs et des Bourguignons.* P.: Gallimard, 1943. — 431 p.

Barnie J. *War in Medieval English Society. Social Values in the Hundred Years War 1337—1399.* Ithaca; N. Y.: Cornell univ. press, 1974. — 204 p.

Barrow G. *Kingship and Unity: Scotland 1000—1306.* L.: Arnold, 1981. — 185 p.

Barthe J. *La victoire de Castillon: 17 juillet 1453.* Bordeaux: Ed. Du Sud-Quest, 1997. 127 p.

Bordonove G. *Gean le Bon et son temps 1319—1364.* P.: Ramsay, 1980. — 348 p.

Bordonove G. *Les Rois qui ont fait la France. Les Capétiens. Tome I. Philippe Auguste le Conquérant.* — P.: Pigmalion, 1983. — 315 p.

Bordonove G. *Jeanne d'Arc et la guerre de Cent Ans.* P.: Pygmalion, 1994. 450 p.

Bossuat A. *L'idée de nation au XV siècle // RH. 1950: T. CCIV. P. 39—57.*

Boussard J. *Le Gouvernement d'Henri II Plantagenêt.* — P.: Libraire d'Argences, 1956. — 689 p.

Bourassin E. *Jeanne d'Arc.* P.: Librairie Académique Perrin, 1977. — 298 p.

Bourassin E. *La France anglaise 1415—1453. Chronique d'une occupation.* P.: Librairie Jules Tallandier, 1981. — 320 p.

Brill R. *The English preparations before the treaty of Arras. A new interpretation of sir John Fastolf's «Report», September, 1345 // Studies in medieval and Renaissance history. Lincoln, 1970. V. 7. P. 213—247.*

Burne A. H. *The Crecy War: a Military History of the Hundred Years War from 1337 to the Peace of Brétigny 1360*. Oxford: Oxf. Univ. Press, 1955. — 362 p.

Burne A. H. *The Agincourt War. A military History of the latter part of the Hundred years War from 1369 to 1453*. Wesport, Greenwood Press, 1976. — 359 p.

Calmette J. *Chute et Relèvement de la France sous Charles VI et Charles VII*. P.: Hachette, 1945. — 265 p.

Calmette J. *Charles V*. P.: A. Fayard, 1947. — 249 p.

Campbell J. *England, Scotland and the Hundred Years War in the Fourteenth Century // Europe in the Late Middle Ages / Ed. J. Hale, R. Highfield. L., 1965. — 184—216 p.*

Cazelles R. *La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois*. P.: Librairie d'Argences, 1958. — 495 p.

Chancellor J. *The Life and Times of Edward I*. N. Y., 1981. — 211 p.

Chaplais P. *La Souveraineté du roi de France et le pouvoir législatif en Guyenne au début du XIVe siècle // MA. 1963. T. LXIX. P. 242—271.*

Chaplais P. *Règlement des conflits internationaux franco-anglais au XIVe siècle, 1293—1377 // MA. 1951. T. LVII. № 3—4. P. 269—303.*

Chaplais P. *The War of Saint-Sardos 1323—1325*. L.: Arnold, 1954. — 132 p.

Chaplais P. *Le Traité de Paris de 1259 et l'inféodation de la Gascogne allodiale // MA. 1955. T. LXI. P. 65—79.*

Contamine Ph. *Azincourt*. — P.: Julliard, coll. «Archives», 1964. — 195 p.

Contamine Ph. et al., eds. *Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne XIVe—XVe siècles*. Villeneuve d'Ascq: Centre d'histoire de la Région du Nord, 1991. 360 p.

Contamine Ph. *Au temps de la guerre de Cent Ans: France et Angleterre*. P.: Hachette, 1994. 263 p.

Contamine Ph. *La Guerre au Moyen Age*. P.: Hachette, 1980. — 516 p.

Coville A. *Les premiers Valois et la guerre de Cent Ans 1328—1422*. P.: Hachette, 1902. — 448 p.

Curry A. *The Hundred Years War*. L.: MacMillan, 1993. xiv, 192 p.

Curry A., Hughes M., eds. *Arms, armies and fortifications in the Hundred Years War*. Woodbridge: Boydell, 1994. xv, 221 p.

Cuttino G. P. *The Process of Agen // Speculum*. 1994. V. XIX. № 2. — P. 160—171.

Cuttino G. P. *Historical Revision: the Causes of the Hundred Years War // Speculum*. 1956. V. XXXI. P. 463—472.

Dickinson J. G. *The Congress of Arras: A Study in Medieval Diplomacy*. Oxford: Oxford Univ. Press. 1955. — 279 p.

Diller G. T. *Robert d'Artois et l'historicité des «Chroniques» de Froissart // MA*. 1980. T. 86. № 2. P. 217—231.

Duby G. *Le dimanche de Bouvines. 27 Juillet 1214: (La guerre au XIIe siècle)*. — P.: Gallimard, 1973. — 302 p.

Duby G. *L'Europe au Moyen Age*. Paris, 1990. — 283 p.

Dupuy M. *Le Prince Noir, seigneur de l'Aquitaine*. P.: Hachette, 1970. — 137 p.

Earle P. *The Life and Times of Henry V*. L.: Weidenfield and Nicolson, 1972. — 274 p.

Erlanger P. *Charles VII et son mystère*. P.: Gallimard, 1981. — 320 p.

Favier J. *La Guerre de Cent Ans*. P.: Fayard, 1991. — 678 p.

Fowler K. *The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328—1498)*. L.: Putnam, 1967. — 208 p.

Fowler K. *War and Change in the Late Medieval France and England // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler*. L.-N. Y., 1971. P. 10—30.

Fryde N. *Tyranny and Fall of Edward II, 1321—1326* // Cambridge univ. press. 1979. V. X. — 301 p.

Galbraith V. N. *The Battle of Poitiers* // EHR. 1939. V. LIV. № 215. P. 473—498.

Gillingham J. *Richard the Lionheart*. N. Y.: Times books, 1978. — 318 p.

Gillingham J. *Richard I and Berengaria of Navarre* // BIHR. 1980. V. LIII. № 128. P. 157—173.

Gillingham J. *The Angevin empire*. L.: Arnold, 1984. — 103 p.

Goodman A. *A History of England from Edward III to James I*. L.-N. Y., 1977. — 467 p.

Griffiths R. *The reign of King Henry VI: The exercise of royal authority, 1422—1461*. London; Tonbridge: Benn, 1981. — 968 p.

Guitton J. *Problème et mystère de Jeanne d'Arc*. P.: Fayard, 1961. — 262 p.

Harvey J. *The Plantagenets*. L.: Batsford, 1948. — 180 p.

Hay D. *The Divisions of the Spoils of War in the Fourteenth Century England* // TRHS. 1954. — V. 4. P. 91—109.

Hérubel M. *Charles VII*. P.: Orban, 1981. — 390 p.

Hibbert Ch. *Agincourt*. L.: Redwood, 1978. — 176 p.

Hollister W., Keefe Th. *The Making of the Angevin Empire* // JBS. 1973. V. XII. N 2. P. 1—25.

Holt J. C. *The End of the Anglo-Norman Realm* // Proceedings of the British Academy. 1975. N 61. P. 223—265.

Jarman R. H. *Crispin's Day. The Glory of Agincourt*. L.: Collins, 1979. — 223 p.

Jeanne d'Arc: une époque, un rayonnement: colloque d'histoire médiévale, Orleans, oct. 1979. P.: Centre nation. de la recherche scientifique, 1982. — 301 p.

Jouet R. *La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418—1450)*. Caen: Musée de Normandie, 1969. — 211 p.

Jones W. R. The English Church and Royal Propoganda during the Hundred Years War // JBS. 1979. V. 19. N 1. P. 18—30.

Keen M. The Lows of War in the Late Middle Ages. L.: Routlege and Paul, 1965. — 298 p.

Labarge M. W. Henry V: The Cautious Conqueror. N. Y.: Stein and Day, 1976. — 219 p.

Labarge M. W. Gascony, England's first colony, 1204—1453. L.: Longmans, 1980. — 276 p.

Levron J. Philippe Auguste ou La France rassemblée. — P.: Libr. Acad. Perrin, 1979. — 334 p.

Levron J. Le bon roi René. — P.: Libr. Acad. Perrin, 1980. — 320 p.

Leyser K. Frederic Barbarossa, Henry II and the Hand of St. James // EHR. 1975. V. XC. N 356. P. 481—506.

Lodge E. The Relations between England and Gascony, 1152—1453 // History. 1934. V. XIX. N 74. P. 131—139.

Lucas H. The Low Countries and the Hundred Years War (1326—1347). Michigan: Univ. of Michigan, 1929. — 696 p.

Luce S. Jeanne d'Arc a Domrémy. P.: H. Champion, 1886. — 416 p.

McFarlane K. B. War, the Economy and Social Change. England and the Hundred Years War // PP. 1962. N 22. P. 3—18.

McKisack M. Edward III and the Historians // History. 1960. V. XIV. P. 78—102.

Mayer H. E. Henry II of England and the Holy Land // EHR. 1982. V. 97. N 385. P. 721—739.

Menache S. Mythe et symbolisme au début de la Guerre de Cent Ans. Vers une conscience nationale // MA. 1983. T. 89. N 1. P. 85—97.

Michelet J. Jeanne d'Arc. P.: Hachette, 1888. — 168 p.

Mirepoix L. de. La guerre de Cent Ans. P.: Hachette, 1973. — 471 p.

Mollat du Jourdin M. La guerre de cent ans vue par ceux qui l'ont vécue. P.: Seuil, 1992. — 153 p.

Neilands R. The Hundred Years War. L.: Routledge, 1990. xv, 300 p.

Newhall R. A. The War Finances of Henry V and the Duke of Bedford // EHR. 1921. V. 36. — P. 172—198.

Newhall R. A. The English Conquest of Normandy 1416—1424. L.: New Haven, 1929. — 179 p.

Nicholson R. Edward III and the Scots. The Formative Years of a Military Carrer. 1327—1335. Oxford: Oxford Univ. Press, 1965. — 285 p.

Offler H. S. England and Germany at the Beginning of the Hundred Years War // EHR. 1939. V. LIV. N 216. P. 608—632.

Pacaut M. Lois VII et son royaume. P.: Ecole Pratique des Hautes Etudes, 1964. — 258 p.

Le Patourel J. Edward III and the Kingdom of France // History, 1958. V. XLIII. N 149. P. 173—189.

Le Patourel J. The Plantagenet Dominions // History, 1965. V. 50. N 170. P. 289—308.

Le Patourel J. King and the Princes in Fourteenth-Century France // Europe in the Late Middle Ages. L., 1965. P. 183—175.

Le Patourel J. The Origins of the War // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L.-N. Y., 1971. P. 31—45.

Le Patourel J. The Norman empire. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1976. — 381 p.

Le Patourel J. Feudal Empires: Norman and Plantagenet. L.: Arnold, 1985. — 372 p.

Pernoud R. Jeanne d'Arc: la reconquête de la France. P.: Gallimard, 1997.

Pernoud R. La Libération d'Orléans 8 mai 1429. P.: Gallimard, 1969. — 337 p.

Pernoud R. Réhabilitation de Jeanne d'Arc, reconquête de la France. Monaco: Rocher, 1995. — 154 p.

Perroy E. *La guerre de Cent Ans*. P.: Gallimard, 1945. — 342 p.

Perroy E. *The Anglo-French negotiations at Bruges 1374—1377 // Camden miscellany*. L., 1952. V. XIX. — P. 58—72.

Petit-Dutaillis Ch. *Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422—1492)*. P.: Tallandier, 1981. — 490 p.

Pistono S. P. *Flanders and the Hundred Years War: the Quest for the «Trêve Marchande» // BIHR*. 1976. V. XLIX. N 120. P. 185—197.

Pistono S. P. *Henry IV and Charles VI: Confirmation of the Twenty-Eight-Year Truce // JMH*. 1977. V. 3. N 4. P. 353—367.

Postan M. M. *Some Social consequences of the Hundred Years War // EHR*. 1943. V. XII. N 1. P. 12—28.

Prestwich M. *The Three Edwards. War and State in England 1272—1377*. L.: Wiedenfeld and Nicolson, 1980. — 336 p.

Prestwich M. *English Armies in the Early Stages of the Hundred Years War: A Scheme in 1341 // BIHS*. 1983. V. 56. N 133. P. 102—113.

Richardson H. I. *The Marriage and Coronation of Isabelle Angouleme // EHR*. 1946. V. LXI. N 241. P. 289—314.

Rotwell H. *Edward I's Case against Philip de Fair over Gascony in 1298 // EHR*. 1927. V. XLII. N 168. P. 69—85.

Rowe B. J. H. *John Duke of Bedford and the Norman «Brigands» // EHR*. 1932. V. XLVII. N 188. P. 583—601.

Russel F. H. *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. — 332 p.

Sermoise P. *Jeanne d'Arc et mandragore*. Monaco: Editions du Rocher, 1983. — 262 p.

Seward D. *The Hundred Years War. The English in France 1337—1453*. L.: Collins, 1978. — 296 p.

Simpson M. A. The Campaign of Verneil // EHR. 1934. V. 49. N 193. P. 93—100.

Steel A. Richard II. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1941. — 320 p.

Sumpton J. The Hundred Years War. L.: Faber, 1990. Vol. 1: Trial by battle. xi, 659 p.

Templeman G. Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War // TRHS. 1952. V. 2. P. 70—81.

Thompson G. Paris and its people under English rule: the Anglo-Burgundian regime, 1420—1436. Oxford: Clarendon, 1991. xiii, 276 p.

Timbal P. Cl. La Guerre de Cent ans vue à travers les registres du Parlement (1337—1369). P.: Centre Nat. de la rech. scientifique, 1961. — 560 p.

Tourneur-Aumont J. M. La bataille de Poitiers (1356) et la construction de la France. P.: Presses Universitaires de France, 1940. — 555 p.

Tout T. F. France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester: University Press, 1922. — 168 p.

Vale M. G. A. English Gascony 1399—1453. Oxford: University Press, 1970. — 288 p.

Vale M. G. A. Charles VII. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press. — 267 p.

Vale M. The Angevin legacy and the Hundred years war. Oxford: Blackwell, 1990. xi, 317 p.

Vaughan R. Philip the Bold: the Formation of the Burgundian State. L.: Longmans, 1962. — 278 p.

Vaughan R. John the Fearless: the Growth of Burgundian Power. N. Y.: Barnes and Noble, 1966. — 320 p.

Verdon J. Les Françaises pendant la Guerre de cent ans: début du XIVe siècle-milieu du XVe siècle. P.: Perrin, 1990. — 287 p.

Vivent J. La Guerre de cent ans. 1954 Collection «L'Histoire» Flammarion. — 483 p.

Werner K. F. Les nations et le sentiment national dans l'Europe médiévale // RH. 1970. T. 244. P. 285—305.

Wolff Ph. Un Problème d'origines: La Guerre de Cent Ans // Eventail de l'histoire vivante / Hommage à Lucien Febvre. P., 1953. V. II. P. 141—148.

Wright N. A. R. «Pillagers» and «Brigands» in the Hundred Years War // JMH. 1983. V. 9. N 1. P. 15—24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Часть первая

ПЛАНТАГЕНЕТЫ ПРОТИВ КАПЕТИНГОВ

XII — начало XIV в.

Глава I. Семейная драма	7
Глава II. Леопард готовится к прыжку	114

Часть вторая

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

1337—1453

Глава III. Поверженная Франция?	181
Глава IV. Жанна д'Арк и оживающая лилия	294
Глава V. Столетняя война в источниках и историографии (<i>Вместо заключения</i>)	352
Примечания	397
Библиография	412

В помощь изучению истории

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Наталья Ивановна Басовская

**СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА:
ЛЕОПАРД ПРОТИВ ЛИЛИИ**

Редактор *Н. Б. Жукова*
Технический редактор *Н. В. Сигорова*
Корректор *О. В. Селиванова*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха,
пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этсж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)
- ул. Некрасова, д. 56, тел. (812) 279-37-51

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Звон мечей на полях Креси, Пуатье и Азенкура — великих битв прошлого, белые доспехи Жанны д'Арк у стен осажденного Орлеана... Эти образы из эпохи Столетней войны между Англией и Францией. Она завершала долгое и непримиримое противостояние двух королевских домов — французского и английского, Капетингов и Плантагенетов. В гербе правителей Франции — лилии, английских королей — леопард.

Вражда двух королевских домов охватила огромное историческое время — от эпохи ранних Крестовых походов и расцвета куртуазной культуры до заката классического Средневековья (XII-XV вв.) В истории этой борьбы было все: страстная любовь и ревность, семейные ссоры и хитроумные интриги, грандиозные для своего времени сражения и мирные договоры, чреватые, как и во все времена, новой войной.

На страницах этой книги для читателя оживет мир Средневековья — жестокий и романтический, далекий и в чем-то очень близкий...

Историческая библиотека

ISBN 5-17-012657-3

9 785170 126576